

Как мы жили. Цикл мемуаризмов

Краткое предуведомление для печатного варианта этого цикла.

Дело в том, что все было написано для моего личного блога в одном из интернет-форумов, а целью публикации в сети было возбудить процесс общения, до которого я большой охотник. Как ни странно, но эти очерки встретили довольно теплый и заинтересованный прием и вызвали оживленные дискуссии. Намерения печатать весь цикл или отдельные его части не возникало в принципе, хотя такие предложения были. И вот, когда я перевалил за середину задуманного мною, меня попросили написать о Кишиневе моего детства. Однако такой главы в моем цикле пока нет, и я вдруг решился показать все эти главы редактору одного маленького журнала, которая и просила у меня кишиневские воспоминания. Она как-то сразу ухватилась за присланное мною и вознамерилась напечатать, попросив лишь чуть переработать материал, убрав упоминания, ссылки и прочие следы, связанные с сетевым общением. Что я по возможности и сделал.

Предисловие к циклу

Давно задумал цикл воспоминаний-размышлений о том, что помню и что кажется мне достойным упоминания. И вовсе не потому, что жизнь моя представляет из себя что-то исключительное, скорее наоборот, она во многом типична для большинства моих современников. Но все же это моя, т.е. единственная и неповторимая жизнь, в ней были и события, которые произошли только со мной, или же общие для многих вещи мы по-разному пережили и вынесли из этих переживаний совершенно разный опыт. Вот на стыке типичного и особенного мне и захотелось кое-что вспомнить. А т.к. я всегда пишу лишь о том, что неплохо знаю, и исхожу из собственного жизненного опыта и собственного же разумения, то все, что я могу написать, будет насквозь пристрастным, субъективным и очень личным.

Я долго думал над планом этих размышлений и в конце концов пришел к выводу, что плана, как такового, придумать не могу, но могу выбрать лишь форму и метод. Это или что-то вроде автобиографии, строго хронологической, или же какие-то эскизные зарисовки тех или иных событий, явлений, памятных вех, пристрастий, симпатий-антипатий и еще то, что кажется мне сегодня наи-

более характерным из происходившего со мной и близкими мне людьми. И я выбрал второй путь, а может это он меня выбрал, кто знает, тем более, что я далеко не уверен, что у меня что-то путное получится, а если получится, то оно заинтересует кого-либо, и еще, что я сумею довести задуманное хоть до какого-то логического конца. Выводов же из всего этого мемуарного безобразия я и вовсе не намерен делать, т.к. еще жив и со мной все еще что-то происходит, так что подводить итоги мне просто недосуг.

И вот я составил такой план, в нем уже более 30 пунктов, и меня порою охватывает ужас при мысли о том, что каждый из них должен быть чем-то наполнен. Одно лишь для меня сразу стало несомненным и незыблемым, это то, что первая глава будет называться "Трусы". Ударение на 2-м слоге, т.е. именно предмет туалета. Почему же именно трусы, а не, скажем, учителя или партсобрания, или, на худой конец, рыбалка или книжки? Сам не знаю, но уверен, что именно так я и должен начать, это будет камертоном для всего, что мне удастся написать после этого. Итак:

Глава 1: Трусы

Начну с самого раннего впечатления. Я вспоминаю, что когда мама вывешивала свои только что выстиранные зимние панталоны на бельевую веревку во дворе, то веревка провисала почти до самой земли, и я даже думал, что она может порваться. Но она не порвалась ни разу. Обычно мама вывешивала не более двух пар своих толстых, байковых, практически до колен и с резинкой внизу, трусов. Цвет, насколько я помню, был или бирюзовый или голубой, но всегда светлый. Они были очень толстые и, будучи мокрыми, очень тяжелые. Это-то меня и смущало. И еще то, что наш петух нередко подпрыгивал и все норовил их клюнуть, словно бы говоря окружающим, что трусы эти покушаются на его исконную территорию.

Когда же мама, наконец, снимала их с веревки, то я с удивлением обнаруживал, что не такие уж они и тяжелые, и радовался, что они такие солидные и теплые, ведь мама работала далеко от дома и ездила на суточные дежурства в больницу сначала в одно, затем другое соседнее село, а если дело происходило зимой, когда трусы эти занимали подобающее им место, то они защищали ее от ветра и стужи при ожидании попутки или по дороге на ж/д станцию через продуваемый всеми ветрами луг. И все

равно даже эти надежные и теплые панталоны не всегда спасали ее от простуд и всяких воспалений сугубо женских и нежных органов. Я пытаюсь сейчас вспомнить, сколько же у мамы было про запас таких панталон, и прихожу к выводу, что не более 3-4-х. Но были, конечно, еще и летние, тоже довольно большие, совсем не похожие на нынешние веревочки, и даже других цветов – кремовые, розовые, некоторые даже с кружавчиками, но и этих было очень мало, вот за это ручаюсь. И еще помню, что у мамы никогда не было специальных купальных трусов или купальников, и когда мы иногда по воскресеньям всей семьей ходили на озеро позагорать и порыбачить, то мама просто надевала свои лучшие трусики и лифчик и выглядела в них потрясающе, и мы все ее еще больше за это любили.

Вспоминаю я и папины трусы, практически всегда черные и очень длинные, т.е. по длине такие же, как у Мохаммеда Али или Кости Дзю. Но были они, конечно же, куда проще и шире. Именно в таких трусах папа играл в футбол за сельскую команду и ездил по воскресеньям на районные соревнования в близлежащие села. Иногда брал и меня с собой, и это были совершенно незабываемые впечатления. У меня даже сохранилось несколько фотографий папы в составе команды, где он гордо позирует именно в таких, до колен, черных сатиновых

трусах. Думаю, что у папы их было чуть побольше, чем у мамы, т.к. моя бабушка, т.е. папина мама, нередко делала ему подарки, присылая из города несколько пар этих галантерейных изделий. Маме же она не присылала ни трусов, ни чего-либо другого.

И вот я плавно перешел к своим собственным, детско-юношеским, трусам. Было их у меня тоже негусто, вряд ли больше 4-х пар – 2 темно-синих и 2 черных. Купался же я обычно и вовсе без трусов, если, конечно, на берегу не присутствовали дамы любого возраста. И я вам должен сказать, что черные трусы очень практичны в первую очередь потому, что их приходилось значительно реже стирать, чем если бы они были белыми или светло-голубыми. Это я понял, когда в школе мне выдали именно такие, белые с синими лампасами трусы для поездки на районные соревнования. Я их и недели не проносил, как их уже нужно было стирать; морочка, короче, сплошная. Но самое незабываемое впечатление моего подросткового возраста, это когда наша хорошая знакомая привезла из Чехословакии мне в подарок первые в моей жизни плавки. Из кримплена, небесно-голубого цвета с золотыми звездочками, пояском и металлической пряжкой, на которой был вытеснен какой-то герб со львом. Ничего подобного я до того не видел, и будь моя воля, то я ходил бы в этих трусах день и ночь, не надевая

штанов. Впрочем, про штаны я зря здесь упомянул, т.к. это уже совсем иная материя, и я поясню почему. Трусы, они все же обычно скрыты от взглядов посторонних, они просто часть тебя и не предназначены для всеобщего обозрения. Штаны же совсем напротив, хоть и твои, но они всегда напоказ, и именно по ним окружающие делают о тебе кое-какие выводы. Так что о штанах пока погодим говорить.

Глава 2: Игрушки

Всю свою жизнь я во что-то играю, но в детстве это было значительно интереснее.

Игрушек этих у нас-то как раз почти что и не было, я вам их сейчас по пальцам одной руки все перечислю.

Конь гипсолитовый, крашенный, на деревянной раме с колесиками, с отбитой мордой и без одного колеса. Но мы с братом его очень любили и нередко по-братски спорили за обладание им. Хорошо все же быть старшим братом. Была еще лягушка резиновая со свернутым резиновым аппендиксом на животе, в который через тонюсенький шланг нужно было качнуть резиновой грушей воздух, и тогда лягуш этот делал попытку подпрыгнуть, хоть это и не всегда ему удавалось. Да и вообще прыгал он недолго, т.к. шланг прохудился, груша куда-то запропастилась и все такое прочее. Под третьим номером я с трепетом и нежностью вспоминаю самую любимую нашу игрушку, за которую мы соперничали с братом аж до годков 12-13 (моих, а братовых на 3 года меньше). Это был вельветовый мишка весьма скромных размеров, с двумя глазами- пуговицами и при рождении обладавший буро-травяным окрасом. Мы с ним спали по очереди – две ночи я и одну

брат, т.е. по-честному. От этого совместного спанья рубчики вельветовые очень быстро стерлись, цвет медведя стал трудноопределимым, один глаз пропал вовсе. Со временем выяснилось, что мишка наш, оказывается, был набит обычными древесными опилками, которые из прорех начали покидать измученное тельце. Наш косолапый друг к этому времени был уже полным инвалидом и потерял одну из верхних лап т.к. попал однажды в пасть нашему Тузику, не помню, из какой династии – у нас все дворовые псы были Тузиками, а один даже прожил лет 14 и скончался от благородной старости, а не от заряда дроби или под колесами машины, как остальные.

Как же мы любили этого искалеченного мишку, это просто невозможно себе представить. Я вот сейчас, вспоминая его, просто совершенно не владею собой от прилива каких-то давно забытых чувств. Мир праху его, как и всему нашему детству.

А еще у нас с братом как-то появился конструктор, т.е. набор алюминиевых планочек с высверленными вдоль них отверстиями, каких-то реечек, скобочек и кучи винтиков-шпунтиков, которыми эти реечки друг к дружке пришпандоривались. Ах да, были еще, недолго, правда, колесики на резиновом ходу и еще что-то, но что – убей бог, не помню.

Прожил у нас этот конструктор почти целый год и доставил нам с братом немало радостных творческих минут в промежутках между ссорами по поводу очередного проекта сборки.

Но самыми любимыми для меня все же были обычные будильники, их в нашем доме перебивало немало из-за моей невинной детской страсти, а уж сколько тумачков принесло мне мое неумное любопытство, об этом я лучше промолчу. Что можно сделать с будильником? Правильно, разобрать. Это совершенно упоительное занятие, особенно пока это чудо техники тик-такает. Но в процессе разборки всякая жизнь покидала обреченный механизм, а я наслаждался видом всех этих шестеренок, пружинок, анкерков. Но все это было лишь подготовкой ко второму акту драмы – собрать и посмотреть, что из этого получится. Как ни странно, но сборка проходила на удивление гладко, если не считать такой мелочи, как пары ненужных зубчатых колесиков благородного латунного цвета. Первая сборка потрясла меня тем, что будильник этот так и не пошел, хотя с виду был даже лучше прежнего, живого. Потом я к этому привык, хотя чувство легкого недоумения по поводу ненужных деталей так и не покинуло меня до сегодняшнего дня.

Справедливости ради не могу не упомянуть еще одну совершенно обалденную и фантастическую игрушку, которую я выменял на старый мамин халат у старьевщика, который раз в месяц посещал наше село. Это был калейдоскоп. Назвать его просто игрушкой, конечно, нечестно, скорее это было для нас тем, что сейчас называют домашним кинотеатром или мультимедийным центром. Разглядывая эту феерическую симметрию, я буквально впадал в нирвану, хотя слово это пришло в мой лексикон значительно позже.

Все описанное мною игрушечное разнообразие относится к самым ранним моим годам в промежутке от 2 до 7 лет, но именно эти игрушки так и остались для меня самыми любимыми. А Мишка одноглазый и однолапый до сих пор жив во мне и даже пару раз приснился.

Уже живя в городе, я обзавелся другими игрушками, на них тоже хватило бы пальцев второй моей руки. Во-первых, это был велосипед "Орленок", темно-кофейного цвета, который у меня через год украли. Потом появились коньки, их подарила бабушка. Настоящие канадки, наглухо прикрученные к ботинкам, и я стал заядлым хоккеистом. К сожалению, играть на коньках приходилось только зимой, а они в ту пору были довольно длинными и хо-

лодными. Дважды переломанная ключица, рука, вторая, разбитый лоб, нос, не говоря о синяках и шишках, сопровождали мою страсть к патинажу. А потом мною овладели чисто интеллектуальные игры – всякие там эрудиты, буриме и прочие, которые вскоре полностью вытеснил преферанс – вначале на шалабаны, колодой по ушам, выпитой литрами водой, а затем и по полкопеечки за вист. Правда, к тому времени и детство мое как-то неожиданно кончилось и наступила совсем другая пора, другие развлечения, другие заботы, да и я стал другим. Но кое-что во мне все же осталось прежним – и, во-первых – неумное любопытство, и умение обходиться малым за неимением большего. Говорю же я об этом здесь потому, что именно игрушки и страсть к игре сыграли в моей жизни немалую роль и научили рисковать и не загадывать далеко наперед. Так вот и живу, перебирая в своей памяти все эти шпунтики уже прожитой жизни, а фактически – игры. И чем больше об этом думаю, тем отчетливее осознаю, что все в нашей жизни или игрушки, или игроки. Но поразительнее всего то, что одни с другими нередко меняются местами, пока какой-то неведомый игродел не складывает и тех и других в свой бездонный ящик и не заводит новую игру.

Глава 3: Радио

Вряд ли современный человек моложе 40 лет, если он специально не интересовался этим вопросом, способен представить себе, чем было радио в Стране Советов и какое влияние оно оказывало на граждан этой страны. С ним не могли сравниться ни газеты, ни кино, ни книги, ни даже политинформации и открытые партсобрания, конкуренцию ему составляло разве что тоже радио, но так называемое "сарафанное". Но я собрался говорить не об этом рупоре пропаганды и сеятеле разумного, доброго, вечного в масштабах всей страны, а лишь о своих личных взаимоотношениях с ним. Не более.

В мою жизнь оно вошло 7 марта 1953 года, когда до моего пятилетия оставалось чуть более месяца. Естественно, это радио в виде приличных размеров черного раструба висело на стене у окна и ранее этой даты, из него периодически доносились всякие звуки, музыка, какие-то разговоры, но меня до этого дня они не задевали, у меня было немало куда более интересных забот и занятий, тем более, что я только научился читать и буквально изводил маму своим умением складывать из букв слова, используя для демонстрации старые журналы, заголовки газет и вообще любой клочок печатной бумаги. Но в этот день случилось нечто, что повергло

меня если не в недоумение, то в состояние некоей задумчивости. Это было в первой половине дня, когда из радиоточки раздался голос, очень красивый и значительный, который что-то говорил, я не помню что, а я смотрел на маму и папу, которые напряженно слушали этот голос и плакали. До того я никогда не видел плачущим папу, а мама если и всплакивала, то совсем не так, как в этот день. Они буквально рыдали и долго не могли прийти в себя уже после того, как голос смолк, а из раструба доносилась какая-то очень печальная музыка.

Поведение родителей очень опечалило и озадачило меня, и на мой вопрос о причинах такой скорби мама со слезами в голосе сказала, что умер Сталин. Сказать, что я не слышал этого имени ранее, будет, пожалуй, неправдой, наверняка слышал, но меня это не касалось, как и это радио и как очень многие другие вещи за пределами нашей комнаты, дома, двора, огорода. Я был счастлив, беззаботен и открывал окружающий меня мир без всякого плана и цели. Но в этот день мир повернулся ко мне какой-то новой стороной, и касалась она не только радио или того, что взрослые люди могут так горько плакать из-за какого-то усатого дядьки. Этот факт вызвал во мне, быть может, первое сомнение и колебал уверенность в том, что все не просто хорошо, а очень хорошо и пребудет таковым вовеки.

Только не подумайте, что именно эти мысли пришли ко мне тогда, конечно нет, они появились намного позже, но первотолчок им был дан именно в тот день, 7 марта 1953 года, спустя два дня после смерти друга всех детей и отца всех народов.

Как ни странно, но еще немало лет я оставался совершенно равнодушен к тому, что вещала эта радиоточка, как и к ней самой. Мое любопытство просто не распространялось ни на сам предмет (да и что в нем было исследовать?), ни на производимый им шум. Я больше доверял своим глазам, чем ушам, а их всегда было чем занять как в реальной жизни, так и в мире книг. Собственно, так оно и продолжается по сегодняшний день.

Родители мои жили уже в другом селе, а я в Кишиневе, у бабушки, но все каникулы, а нередко и выходные, стремился провести в деревне. И тогда я заметил, что мой папа очень увлекся недавно купленным радиоаппаратом, со стеклянной разграфленной шкалой, двумя ребристыми ручками, с лакированными деревянными панелями по бокам. Все вечера, а нередко и часть ночи он сидел у этого агрегата и искал в потоке попискиваний, потрескиваний, завываний что-то, в чем, вероятно, остро нуждался. Папа стал заядлым радиослушателем. Я не знал, что именно он ищет и что слушает, да и папа

об этом со мной в то время не говорил, но все же вскоре я понял, что папа слушает на коротких волнах всякие зарубежные станции, которые почему-то очень плохо слышны и ловить их в волнах эфира не такая простая задача. И опять то же самое радио, но больше увлечение отца этими таинственными головами, доносящимися из него, внесло в мою душу новое сомнение и даже смуту, так как я вскоре узнал, что лучше никому не говорить об этих ночных посиделках у чертова радио, чтобы не навлечь на папу какую-нибудь беду. Я и не говорил. Мама же всегда относилась к увлечению отца весьма неодобрительно и не раз ругала его за это, но я тогда не мог понять, за что именно – за само увлечение радио или за то, что оно вещало и что папа непременно хотел услышать. При мне и брате до определенного возраста родители никогда не говорили о политике ни под каким соусом, справедливо, на мой взгляд, полагая, что чем позже мы этим заинтересуемся, тем меньше вреда себе причиним. И я им за это до сих пор благодарен.

А потом случилось так, что и я увлекся этим дьявольским изобретением, поначалу во время посещений своего школьного друга, заядлого поклонника рока, и эта страсть овладела и мною. Я рос на песнях Битлов и Высоцкого. Позже к ним добавились Роллинги, Лед Дзеппелин, Ху, Шэдоус и мно-

гие другие, а кульминацию венчали бессмертные Пинк Флоиды. Но и Окуджава, Галич, Дулин и вообще вся бардовская песня и лапушки Никитины. Всех их я люблю и до сих пор, и хоть природа не наделила меня ни голосом, ни слухом, ни вообще музыкальными способностями, но я знал и пел (смешно сказать) все песни Высоцкого, Битлов, Галича. Это моя юность. И вот я поднапрягся и ценой невероятных жертв (за счет книг, это самая большая жертва, которую я могу себе представить) я накопил нужную сумму и купил свой первый и последний радиоприемник, Спидолу, производства Рижского радиозавода. Вот тогда только я понял папину страсть к радио, хотя поначалу я слушал исключительно музыку, передаваемую вражескими радиостанциями, всякие чарты, топы и остро болел все за тех же Битлов, если они вдруг уступали первую строчку в еженедельном рейтинге какому-нибудь другому ансамблю или исполнителю. Я слушал Севу Новгородцева как бога, хотя ни в каких богов никогда не верил. Только в Севу. Продолжалось это безумие несколько лет и постепенно сошло на нет, я остыл и к радио и, частично, к року, прикипел к джазу, а затем и к классической музыке, но не ранее, чем обрел свою первую квартиру и свою первую радиоаппаратуру с вертушкой, усилителем и отличными динамиками. Но это все же не конец моей радиоэпопеи.

Моя вторая жена танцевала в ансамбле "Жок" и постоянно разъезжала по Союзу, ближнему и дальнему зарубежью. И она привезла мне один, а затем и второй японский бумбокс. На них я записывал песни бардов, которые с КПИ нередко бывали у нас в гостях; первый лепет нашей дочки. Слушал рок, но не новости. Моя страсть к новостям пропала навсегда. Это же касается и телевидения, которое есть то же радио, но с картинками. Книги и сама жизнь вытеснили далеко на периферию увлечение тем, что принято называть новостями. А газет, кроме Литературки, я и раньше не читал. Соврал. В годы перестройки читал пару лет "Московские новости".

Глава 4: Одежка-Обувка

Так уж получается, что о предметах туалета или гардероба я пишу уже второй раз, первая часть, если вы помните, посвящалась трусам. Сейчас же речь пойдет о вещах менее интимных, то есть об одежде в самом широком смысле слова.

Если задать простой вопрос – может ли эта самая одежда серьезно повлиять на твою судьбу или, по крайней мере, в нее вмешаться и что-то в ней изменить, то вряд ли кто возьмется ответить на этот вопрос утвердительно. Вот и я, пожалуй, не буду ставить вопрос ребром, а лишь поделюсь кое-какими воспоминаниями на этот счет.

6-8-е классы я учился в сельской школе в небольшом поселке, куда был переведен из школы столичной по желанию моей мамы. Первый год ходил пешком ежедневно из нашего села до школы и обратно, а это 8 км, а уже в 7-8-м классах жил в интернате при школе. Здесь начал заниматься спортом, выступал на школьных, а потом районных соревнованиях. И вот в классе 7-м я выиграл школьный чемпионат по прыжкам в высоту, чему до сих пор поверить не могу, так как ростом не вышел, но перепрыгал всех верзил. Бывает. А вскоре после этого меня вызвали к директору школы и сообщили,

что я премирован путевкой в Артек. Тогда я был уверен, что именно победа в соревнованиях была тому причиной. Сейчас я все же склоняюсь к мысли, что тому были другие причины, и первая из них, что от путевки отказался кто-то, и нужно было срочно найти замену, т.к. уже через 2 дня нужно было быть в Крыму. А меня выбрали по причине "интеллигентности" – учился ранее в хорошей кишиневской школе, много читал, умел красиво говорить, а главное – относительно грамотно и по-русски. А это немаловажно, так как более половины моих соучеников были из украинских сел, расположенных в округе, и разговаривали они на таком тарабарском языке, что я только к концу первого года научился кое-что из сказанного понимать. Впрочем, это не так уж и важно, и вот почему.

В тот же день я отправился домой и сообщил эту новость маме. И еще сказал ей, сколько примерно будут стоить проезд туда и обратно (это за наш счет), а еще, что в тех штанах и туфлях, что у меня были, поехать было никак нельзя, чтобы не лопнуть со стыда и не посрамить себя, школу, республику и весь великий молдавский народ. Мама с папой считали недолго и вынесли приговор – столько денег у нас нет и взять их неоткуда, а значит, Артек мой накрылся медным тазиком. Не помню, плакал ли я тогда или перенес удар стойчески, но случай этот

запал в мою память очень крепко, и я не раз возвращался к этому эпизоду на разных этапах своей довольно бестолковой жизни. И каждый раз, хоть и по-разному, недоумевал – неужели такое вроде вполне преодолимое препятствие нельзя было все же преодолеть. Скажу вам честно, ответа на этот вопрос я не знаю до сих пор.

Ни до того, ни после я ни разу не был ни в каких пионерлагерях, каникулы я проводил с друзьями на маленькой станции, расположенной среди молдавских Кодр, сейчас там огромный заповедник, общался с друзьями, рыбачил, влюблялся, ходил по лесам, стрелял диких голубей, ночами разглядывал звездное небо, какого в городе вовек не увидишь, и читал, читал, читал. То есть был счастлив и не мечтал о чем-то ином. Но Артек... Для любого пацана моего поколения это был не какой-то там пионерлагерь, а страна обетованная, где исполняются всякие мечты и начинаются тропы в нечто неведомое. И этот мир приоткрылся для меня на мгновение и тут же сгинул, так и не успев посвятить меня в свои тайны. И если бы не этот случай, то я бы никогда, пожалуй, не задумался о таких прозаических вещах, как одежда-обувка, поверьте.

Я смотрю на свой старый снимок, где мне лет 12-13. Штаны закатаны по причине их короткости,

а не просто из форсу, но это я говорю вам по секрету и прошу поверить мне на слово, что меньше всего я задумывался в те, да и в последующие годы, о том, как я одет, и что это имеет вообще какое-то значение, тем более судьбоносное. Такое уж было время, и была масса куда более важных вещей и забот, чем какие-то штаны да туфли.

Когда я вернулся в Кишинев и пошел в ту самую школу, в которой проучился первые 5 лет, то бабушка, с которой я жил, конечно, позаботилась об обновлении моего гардероба, и я получил новые штаны, рубашку и туфли, а к зиме мне было справлено первое в моей жизни взрослое пальто, которым я очень гордился, сам не знаю почему. Думаю, что я вступил в переходный период, и мой внешний вид стал приобретать некоторое значение. Но я не помню ровным счетом ничего ни об одной своей вещи того времени, кроме вот этого пальто и еще кое-чего, но это особая история.

В нашем дворе жил моряк, который ходил в дальние рейсы и вот однажды, вернувшись из очередного, он предложил мне купить у него джинсы, аж за 10 рублей. И не подумайте, что это была какая-то тряпка, нет, это были настоящие "дубовые", т.е. стоящие колом, если поставить их на пол, джинсы фирмы Ли, небесно-голубого цвета, с всякими

этими клепками-заклепками цвета старой меди, фантастической строчкой по швам, карманам и пр. и пр. У меня было 5 рублей, бабушка добавила свои, и я стал обладателем этих убойных штанов. Вот когда во мне впервые разыгралась гордость, было мне тогда уже 16 лет, и я целый день проходил в этих штанах, пока подкатанных, т.к. бабушка намеревалась укоротить их только вечером.

Утром я проснулся и сразу вспомнил про свои чудо-штаны, они лежали рядом на стуле, и я сразу вскочил в них, но... тут я понял, что случилось нечто непоправимое – это были уже не ковбойские штаны, а какие-то галифе, они уже не облегали мои скудные чресла, а висели на мне мешком. Я был в ужасе, когда обнаружил причину этого – бабушка укоротила их, а из того, что отрезала, сделала два клинышка и вшила промеж штанин, наивно полагая, что негоже так обтягивать свою задницу и что приличные люди так не носят. Наивная бабушкина душа, грех мне за это на нее обижаться, но огорчен я был очень, особенно когда выяснилось, что обратной дороги нет и джинсы испорчены окончательно. Следующие мои джинсы лет через 15 мне привезла моя вторая жена из зарубежных гастролей, но прежней радости я уже не ощутил.

Вот, пожалуй, и все мои радости-огорчения из-за такой ничтожной вещи, как вся эта мануфактура. Добавлю разве, что костюм у меня был всего один, свадебный, пиджаки я носил лет до 30, а потом все сплошь маечки да свитера, галстук я не носу уж более 40 лет, да и нет у меня никаких галстуков. Пар 5-6 джинсов да столько же свитеров, вот и весь мой гардеробчик. Что, мне думать больше не о чем?

Глава 5: Детские трапезы

Признаюсь честно, в еде я очень непривередлив и ем все, что жена предлагает. При этом уже через минут 20 не могу вспомнить, что ел. Но однажды я написал для своих друзей в интернете заметку об утке с яблоками и получил огромное количество комментариев. И эта неожиданная для меня публикация повлекла за собой целую лавину мыслей с явным гастрономическим оттенком, и я стал вспоминать, что ел в детстве. И оказалось, что таки да, есть что вспомнить и есть что рассказать, хотя, быть может, это только мне так кажется.

Начну с того, что в детстве чувство легкого голода не покидало меня ни на минуту, и связано это было как с объективными, так и вполне субъективными причинами. К объективным относится факт, что жили мы, прямо скажем, небогато и касалось это в том числе и еды. А к субъективным относится живость моего характера, страшный расход физической и психической энергии, так как был я тот еще оторва, за что бывал нещадно бит, а это, в свою очередь, тоже способствовало моему аппетиту.

Мама моя, женщина совершенно замечательная, увы, не была великим кулинаром, да и времени на удовлетворение наших гастрономических фанта-

зий просто не имела. Поэтому перечислить любимые блюда моего детства не представит никакого труда.

Самым вкусным был суп из курицы или зама, хотя ей было далеко до той, что делает моя жена. Но была в этом супе одна изюминка, которая врезалась в память навсегда. Мама отрезала шкурку с куриной шейки, а затем заправляла ее поджаренной на сливочном масле манной крупой, зашивала эту шейку с обеих сторон и бросала в супчик. Именно эта раздувшаяся и похожая на бомбочку шейка с манкой была предметом наших с братом вожделений и ссор. Думаю, что ничего вкуснее мне больше есть не приходилось. А еще мама замечательно готовила блинчики с творогом, приправленным ванилью и изюмом, а затем запекая их в сметане. Но истинным ее кулинарным шедевром были украинские пампушки в чесночном соусе. Выпекала она их в духовке нашей печки, а следовательно, это было осенне-зимнее блюдо. Делала этих пампушек мама очень много и складывала в приличных размеров эмалированный тазик, где они пропитывались чесночным соусом. Ели мы их горячими и помногу, но при этом ни разу с нами не случился заворот кишок, и это факт поистине удивительный, все же горячее дрожжевое тесто в больших количествах закупори-

вало не один организм. Но не наш, вечно голодный и падкий до таких деликатесов.

Остальных маминых блюд я что-то более не припоминаю, но зато хорошо помню тот корм, что мы сами себе добывали.

В первую очередь это плоды наших рыбалок. Жареный до хруста болотный карасик елся как семечки, с косточками. Приходилось мне жарить в консервной банке над костром лягушачьи лапки, и должен сказать, что это отличное и вкусное мясо. Но главным цимесом был, конечно, подстреленный из рогатки дикий голубь, которых в наших заповедных лесах водилось множество. Птичка потрошилась, кое-как ощипывалась, подсаливалась, а затем залеплялась глиной и в таком виде помещалась под угли прогоревшего костра. Должен вам сказать, что такое блюдо можно спокойно подавать в элитном ресторане. Частота же этих пиршеств зависела от нашей меткости, т.к. голуби всегда выбирают самые высокие ветви деревьев и обнаружить их там можно только по воркованию. Но если с нами шел в лес мой друг Серега, то проблем не возникало – стрелял этот парень как Аполлон и промаха не знал, а вот из меня настоящего снайпера никогда бы не получилось.

Это я описал годы моего сельского детства, а уже в школьные годы, живя в городе с бабушкой, я познал совсем иную кухню. Бабушка в молодости работала экономкой в какой-то аристократической семье и наловчилась делать там такие супы и такое жаркое, которых я более никогда не пробовал. Помню отчетливо 2 супчика – немецкий капустный и греческий кислый на молоке с рисом. Ну что это за супы, скажете вы, и будете совершенно неправы. Глядя в тарелку немецкого супчика, прозрачного как слеза, никогда бы не подумал, что эта водица с мелко нарезанной капустой может иметь такой вкус. А уж греческий молочный рисовый подкисленный лимоном суп – это вообще песнь песней, а аппетит после него разгорался как олимпийский факел. А жаркое бабушка делала из отборнейшей молодой телятины, которую брала всегда только у хорошо ей знакомой женщины на базаре. Запекала ее одним большим куском, предварительно нашпиговав его чесночком и еще какими-то специями. Тушилось оно на медленном огне в духовке часа 2 или больше. Соус был светлым с луком-пореем. И запах и вкус этого мяса преследовали меня все мои студенческие годы, сейчас же эти воспоминания несколько утратили свою остроту, чему виной моя жenuля, мой маяк и лоцман в мире прикладной кулинарии.

А в конце этого чревоугодного опуса пришла мне в голову пара отвлеченных мыслей. И вот что подумалось. Написать увлекательно и со вкусом о пище нашей телесной может только полуголодный человек. Не утративший ни аппетита, ни эстетической составляющей сложного пищевого навыка. Ну и вправду, какой-нибудь пресыщенный гурман может, конечно, расписать свои кулинарные забавы с массой подробностей, вдаваясь в тончайшие детали и умело выделяя сложнейшие вкусы и ароматы того или иного блюда. Но его экзерсис будет гипертрофированно эстетичен и увлечет разве что такого же зацикленного на пищевой экзотике обжору. Совершенно изголодавшийся человек, скажем, ээк на лесоповале, напротив, практически лишился эстетического чувства, и процесс поглощения пищи обретает у него самые примитивные и неприглядные формы, лишённые вдохновения, фантазии и задора.

Вот на этой ноте я и заканчиваю свою очередную главу и больше о еде не напишу ни слова.

Глава 6: Мама

Наверное, было бы справедливо начать свои воспоминания именно с главы о маме, но я не решился это сделать и все же мама в первой главе присутствует, хотя и с несколько неожиданной стороны. Мне и сейчас очень трудно писать о ней. Она ушла в 2003-м году, но я с ней еще не расстался, она все время где-то рядом, иногда приходит по ночам, хотя уже значительно реже. Моя жена порою обзывает меня "баба Нина", так звали мою маму, говоря, что я точная ее копия. Я этого не осознаю, даже сопротивляюсь внутренне, но все же понимаю, что очень многое во мне именно от мамы. А это означает, что начни я описывать маму, это невольно приведет меня к рассказу и о самом себе, причем с той стороны, которую я, наверное, таю сам от себя. Вот как все это закручено.

Примерно за год до ее кончины мне удалось уговорить маму начать писать воспоминания о себе и своей семье, настолько мне были интересны ее отрывочные рассказы то об отце, то о двоюродном брате, в честь которого меня и назвали, то еще о чем-то. Но все это она рассказывала как бы между прочим, бессистемно и с недомолвками. А ведь мама прекрасно владела искусством рассказа, речью вообще, очень грамотно писала по-русски и умела го-

ворить убедительно. На нашей маленькой станции, где она прожила много лет, она славилась умением писать всякие жалобы, прошения, заявления в разные инстанции. В те времена подобные заявления помогали порою кое-чего добиться. Помню, как благодарили ее деревенские женщины, когда заявление, написанное мамой, помогало. Приносили кто курочку, кто домашние яйца, кто баночку домашней сметаны.

И мама написала эти воспоминания, последнюю страницу она еще писала за день до смерти и написана она дрожащей рукой, обычно четкие буквы валяются на бок, строчки набегают друг на друга, и мне стоило некоторых трудов расшифровать их. Довела она их до момента приезда в Молдавию в 1946 году по комсомольской путевке, после окончания Саратовского финансово-экономического училища. В республику она была послана на укрепление банковской системы Молдавии в качестве фининспектора в один из районных банков. В 1946 году ей исполнилось 19 лет. Но мама не дописала свои мемуары вовсе не потому, что умерла, а потому, что сочла их законченными, т.к. сделала главное – рассказала о своей семье, что помнила и берегла все эти годы, и не хотела продолжать далее, как я ее ни просил. Эти воспоминания, подытоженные мною, опубликованы в одной хорошей интернет-

библиотеке, и я думаю, что мама порадовалась бы этому – она всегда мечтала, что найдет кого-то из своих дальних родственников. Но она до этого не дожидка.

Вроде бы я начал рассказывать о маме, а фактически даже еще не подступился к этому и все откладываю и откладываю начало. Но начать все же придется.

Мама рано осталась сиротой, в 15 лет, в год начала войны. Ее отец пропал в белорусских болотах вместе с батареей, которой командовал – он был майором артиллерии. Ее мама умерла августе 1941-го, и моя мама осталась одна. Работала на гранатном заводе, на золотых приисках, попала в результате эвакуации в Поволжье, отсюда и приехала в Молдавию. В городе, куда она попала по распределению, ее нашла моя будущая бабушка, мама моего будущего отца.

Мама не была счастлива в браке и именно из-за свекрови, точнее – из-за слабых характерности моего отца, для которого его мама навсегда осталась высшим авторитетом. Но в первый год знакомства бабушка отнеслась к будущей невестке по-матерински, и мама поначалу потянулась к ней. В 1947 году мои родители поженились.

1946 и 47-й годы были в Молдавии неурожайными и голодными, люди вымирали целыми семьями. Одна надежда была на бабушку, которая приносила из больницы, где работала, свой паек и чуть-чуть сверху. Мама вспоминала, что ей доставалась поллитровая, а отцу литровая банка перловой каши, хотя мама была уже беременна мною. По настоянию свекрови мама ушла из банка, поступила на курсы медсестер и в дальнейшем всю свою жизнь проработала в разных больницах. Об этом своем шаге она очень жалела, и я хорошо ее понимал. Она была очень умна, контактна, мгновенно находила общий язык с людьми, была начитана. По характеру она была очень сильным и волевым человеком, благодаря чему могла несомненно добиться в своей жизни куда большего, чем в итоге получила от нее. Меня и брата она оба раза рожала в больнице, очень тяжело, и в обоих случаях это едва не стоило ей жизни. После рождения брата мама больше не могла рожать, и ее мечта о дочке так и не исполнилась.

Так получилось, что маму я помню хорошо только в самые первые свои годы, примерно с 3-х до 7-ми, в школу я пошел уже в Кишиневе и с этого времени жил то у тети, сестры отца, то у бабушки. Может быть, именно потому, что мы с мамой так были похожи и потому, что я с детства был очень независимым и вечно ищущим приключений ребен-

ком, в семье дубасили только меня, но только мама – отец нас пальцем не тронул. Ну, а мне доставалось за двоих. Брат мой рос ангелочком, любимчиком мамы, потом учителей, но шкодил не меньше меня, только втихую. Вот мне доставалось и за него. Но я не жаловался и зла ни тогда, ни после не помнил, видно, эта наука шла мне на пользу.

Очень рано мама научила меня читать, мне еще пяти лет не было, и читать я научился за каких-то две недели. С этого времени с книгами я не расставался ни на день, и это исключительно мамина заслуга. Мама многому научила нас с братом, в том числе и всем девичьим занятиям, как вышивание, вязание, нехитрая готовка. Отец научил нас стрелять, ездить на велосипеде, рыбачить и привил любовь к живой природе, хотя мы и так росли среди нее, и она стала нашим домом, куда я все чаще возвращаюсь в последние годы.

Итак, пуповина, связывающая меня с мамой, порвалась, когда я уехал из деревни в город. Да, я приезжал на каждые каникулы, иногда на выходные, но прежней близости с мамой уже не ощущал, возможно, она даже ревновала меня к бабушке, с которой я в основном жил. Думаю, что именно по этой причине она настояла на моем переводе в школу в соседнем поселке (русскую), где я и проучился с

6-го по 8-й класс, причем два последних года жил в интернате при школе, так что с родителями и здесь общался мало. Эта школа не пошла мне на пользу, и с 9-го класса я вновь вернулся в Кишинев.

С мамой я начал сближаться, уже учась в мединституте, особенно после 3-го курса, когда проходил сестринскую практику, причем попросился в сельскую больницу, где работала мама. Позже, уже работая наркологом, я иногда получал своеобразные весточки от мамы – она присылала мне особенно тяжелых больных, так как в то время тоже работала в наркологическом отделении поселковой больницы.

Надо сказать, что мама была очень хорошей медсестрой, не просто доброй, внимательной, но и очень инициативной, умеющей успокоить больного одним только взглядом и словом, она не боялась острых и критических ситуаций, всегда находила нужное решение и не теряла головы. Маму уважали все, кто ее знал, и как медика, и как человека. Мама была заслуженным донором, сдала чуть ли не 200 л крови, и этих красных капелек за каждые, по-моему, 5 или 10 л у нее было несколько десятков. Но кровь мама сдавала не из патриотизма, а лишь потому, что нашей семье всегда не хватало денег на самое

необходимое. Этими "кровными" деньгами она поддерживала и меня, пока я учился.

У мамы был очень сложный характер, все главное о себе она таила в душе и исключительно редко делилась своими переживаниями. Она очень редко плакала и чаще над каким-нибудь израненным котом или отравленным Тузиком (так звали всех наших дворовых псов). Очень любила животных вообще. Вспоминаю, как впервые в жизни она решилась зарезать курицу, обычно это делал отец. Мама просидела с этой курицей на коленях во дворе на табуреточке часа два, глядя ее по голове и вздыхая. Одной рукой она гладила курицу, а во второй у нее был нож. Я в это время был дома, приехал на каникулы, и смотрел на маму и курочку и жалел обеих. Наконец, она решилась чиркнуть ее по горлу, но сделал это неумело, не до конца, курица вырвалась и долго трепыхалась по всему двору, хрипя и разбрызгивая кровь. Больше мама на такие эксперименты не решалась. Я, кстати, тоже.

А еще мама очень нами гордилась, больше братом, он всегда был примерным мальчиком, круглым отличником, комсоргом, ленинским стипендиатом, комиссаром целинного отряда, потом комсомольским и партийным работником, пока не стал бизнесменом. Но по душам мама все же чаще разго-

варивала со мной, особенно в последние годы своей жизни, когда переехала с моим отцом в Кишинев. Именно мама была цементом всей нашей семьи, только она объединяла наши с братом семьи, только у нее в гостях мы забывали все наносное и вспоминали про кровные узы и бывшие привязанности. В эти закатные мамины годы мы очень много с ней говорили обо всем, начиная с книг и кончая прошлым ее семьи, вот только о политике никогда не говорили – ею увлекался мой папа. Я приносил маме книжки, у нее вновь появилось время читать, но мама при этом вовсе не бездельничала, и как ни сопротивлялся мой брат, но она организовала небольшой бизнес у ворот дома, в котором жила, подключив к этому и папу. Торговала всякой мелочью, сигаретами, жвачками и т.п. Когда ей уже было трудно одной ходить, она просила помочь ей сходить на базар, чтобы пополнить ассортимент. Пожалуй, именно эта независимость, нежелание ни от кого зависеть, сохранить свое достоинство и свободу, были определяющими в ней. Думаю, что это перекочевало ко мне от нее и стало и для меня в жизни главным.

Мама сильно болела все последние годы, у нее было несколько болезней, одна другой экзотичнее и любая могла свести ее в могилу. Но она очень мужественно сопротивлялась, нам с трудом удава-

лось периодически положить ее в больницу и подлечить. Никого она не напрягала своими болячками, если иногда жаловалась, то только мне, как врачу, а не сыну. Умерла она ночью, быстро и без мучений, от сердечного приступа, в своей постели, через 10 месяцев после смерти мужа. Ее похороны, как и папы, организовывали я и моя жена, брат платил, но даже глянуть боялся в мертвые лица и старался держаться подальше от гроба. Он всегда боялся смерти – его, в отличие от меня, не закалила медицина. И еще он не знал, что бояться нужно только живых.

Глава 7: Бабушка

Вспоминаю эпизод из детства, когда я уже жил с бабушкой в Кишиневе, в большой 20-метровой комнате в помещении бывшего общежития для сотрудников мединститута. Иногда в выходные дни в дверь стучали и входили 2-3 деревенских женщины, низко кланялись бабушке, целовали ей руку и называли ее при этом мадам Продан. Меня это так поражало, и я преисполнялся такой гордости за бабушку, что словами не передать. Бабушка же расцветала, держась при этом с достоинством, которое вообще-то никогда ее не покидало, и расспрашивала этих крестьянок о житье-бытье. Беседы эти порою длились по несколько часов. На мои расспросы бабушка отвечала, что она работала в свое время в селе, в том самом, в котором я родился, акушеркой, и принимала роды у всех этих женщин. А так как в довоенное время она была единственным медиком в селе, то и отношение к ней было соответствующим. Как я выяснил впоследствии, руку в селе целовали только двум персонам – местному батюшке и моей бабушке. Как же было не гордиться этим.

И вот совсем недавно я вновь побывал в родном селе по делам службы – фотографировал старые дома, улицы, окружающую природу, людей, заодно

попробовал потрясающее вино у примара села, он известный винодел и дом его находится метрах в 20 от того места, где стоял когда-то наш дом, часть которого занимала наша семья. Папа в то время работал учителем в местной школе, мама училась на медсестру. И вот при встрече с одной старушкой я решился спросить ее о бабушке. И каково же было мое удивление, когда она тут же вспомнила ее, наговорила кучу хороших слов о ней, начала вспоминать свои встречи с ней. Зайдя в другой двор и встретив очередную старушку, я задал тот же вопрос, и вновь на меня вылился поток воспоминаний, причем эта старушка говорила о моей бабушке так, словно она с ней только сегодняшним утром и рассталась, словно она и сейчас бегают по селу и принимает очередные роды. Я был потрясен и решил продолжить свои расспросы. На этот раз я спросил женщину лет сорока, которая уж точно не могла ничего знать о моей бабушке, бабушка умерла в конце 1980 года, а свою работу акушеркой закончила лет 65-70 назад. Но женщина тут же начала рассказывать о том, что рассказывала ей ее мама, и как она хвалила мою бабушку, и как ее все любили. А потом я встретил пожилого мужчину, где-то под 70, и рискнул спросить о том же и его. И опять был поражен, когда он задрал рукав рубашки и показал мне шрам на руке, это он в детстве напоролся на гвоздь,

а моя бабушка зашила ему руку. И он тоже сказал немало хороших слов в адрес моей бабушки.

Не могу описать вам свое состояние после этих встреч, я был горд, у меня словно крылья за спиной выросли, и еще меня переполняло счастье. Удивительное чувство пережил я в тот октябрьский день на улицах родного села.

Бабушка по своему характеру, по складу личности, была натуральным Наполеоном в юбке. Все и всегда она решала сама, и не только за себя. Она рано осталась без мужа, он умер лет в 45, больше бабушка замуж не выходила. Осталась она с 2-мя детьми – дочкой, моей любимой тетей, и младшим сыном, моим отцом. Детей своих она любила и на протяжении всей своей жизни стремилась участвовать в их судьбе. Но дочка удалось отстоять свою независимость, чего не скажешь о сыне, т.е. моем отце. И все же один эпизод из жизни моей тети, связанный с бабушкой, с все же расскажу. Мой дядя, т.е. муж тети (о нем еще пойдет речь), был великим врачом, хирургом, человеком очень талантливым, целеустремленным и трудолюбивым. А еще он был человеком исключительной честности и порядочности. Из рассказов тети мне известно, что он на корню пресекал любую попытку бывшего больного отблагодарить его иным способом, кроме словесного.

И вот однажды дядя прооперировал очень тяжелого больного, спас его от смерти, и тот, зная, что профессор взяток и подношений не берет, обратился к его жене и очень просил ее принять от него подарок, красивейший молдавский ковер, вытканый монашками старинного монастыря. И тетя поддалась и приняла подарок. Сначала его прятала, а потом все же повесила на стену, уж очень он был хорош.

Надо сказать, что дядя был вечно погружен в свои раздумья, мало внимания обращал на всякие бытовые мелочи, очень много работал, почти не спал, так что тетин резон, что он не заметит обновки, был вполне оправдан. Но через пару лет он этот ковер все же заметил и спросил о нем у жены. Как тетя ни изворачивалась, но все же пришлось признаться. И дядя сказал, что подает на развод. Дело спасла бабушка, наверное, впервые в своей жизни она пошла на такой шаг. Во-первых, она взяла всю вину на себя, во-вторых, она буквально стояла на коленях перед зятем и таки вымолила прощение. Об этом эпизоде не любили вспоминать, но мне тетя как-то проговорила.

А вот мой папа так и не вырвался из под материнской опеки, слово матери было для него законом и это не просто осложнило жизнь нашей семьи, и моей мамы в первую очередь, оно сделало маму

несчастной, и только мы с братом в какой-то степени были ей утешением. Мама с бабушкой не просто не дружили, они были явными соперницами, сфера их влияния сначала распространялась на одного моего отца, а затем расширилась и на меня с братом. Особенно на меня, так как я с детства был бабушкиным любимчиком, "саса – бабина доня", это я хорошо запомнил. А с 7 лет, как переехал в Кишинев и пошел в школу, я жил в основном с бабушкой, встречаясь с мамой лишь на каникулах и иногда по выходным.

Не семья, а поле битвы какое-то, но не все так просто и однозначно, как могло бы показаться. И тут я скажу главное, для меня во всяком случае. Бабушка любила меня так, как, вероятно, не любила никого за всю свою жизнь. Причем любовь эта не была эгоистичной, требовательной, завистливой, своекорыстной или еще какой-либо иной. Она любила меня, ничего не требуя взамен, она доверяла мне буквально во всем, она не наставляла меня, не одергивала, не воспитывала, а просто проливала на меня свою любовь, как проливает весенний дождь свои струи на заждавшуюся землю. Много позже я пришел к выводу, что именно на мне бабушкина душенька отдыхала и сама бабушка становилась самой собой, переставая руководить, рассчитывать, направлять и принимать решения. А ведь она была

очень властной натурой и всегда умела настоять на своем, причем удавалось ей это без труда, просто в силу ее характера, ее способностей, ее непререкаемого авторитета.

И вот я задаю себе вопрос, так что же дала мне бабушка, что я перенял от нее сам, почему до сегодняшнего дня я, вспоминая о ней, испытываю огромную благодарность и любовь к ней и прощаю ей все, даже то, как она испортила мамину жизнь. И отвечаю себе – она наделила меня способностью любить и доверять своему здравому смыслу. А еще, быть может, явилась для меня примером того, как человек должен сам определять свою судьбу, думать своей головой и как можно меньше полагаться на авторитеты.

Уже после смерти бабушки и когда мама с папой переехали в Кишинев, я вновь сблизился с мамой, я уже писал об этом. Но вот о бабушке мы по-прежнему почти не говорили, и для меня и для мамы это была острая тема, хоть и по разным причинам. И тогда же я понял, что моя бабушка, даже уйдя из жизни, продолжает влиять на нашу семью, такой уж она была человек.

А еще, как бы в завершение этого скупого и фрагментарного портрета бабушки, я вспомнил

один эпизод. Я был уже повторно женат, встретил женщину своей мечты и, конечно, познакомил ее с бабушкой. Бабушка была уже очень старенькой, жила у дочки, встречались мы не каждый день, а порою и не каждую неделю, но вот однажды, когда мы только переехали с женой в свою первую квартиру, она решила нас навестить. Жила она в каких-то 5-6 кварталах от нас, но наняла такси и приехала в гости. Зайдя в дом, она первым делом сказала, что ей попался исключительно вежливый и добрый таксист, который проводил ее до самой нашей двери. Моя жена по наивности спросила, сколько бабушка заплатила за такси. Бабушка ответила – 5 рублей, хотя в то время за 1 рубль можно было пересечь город из конца в конец. Жена рассмеялась и сказала, что за такие деньги он должен был бабушку внести в дом на руках и еще ручки ей расцеловать. Бабушка очень этому смеялась. И раз уж я упомянул тут свою женулю, то должен сказать, что хотя знакомство с моей бабушкой продлилось для нее меньше 2-х лет и бабушка была уже не та, но моя жена любила ее как самого родного человека и до сих пор вспоминает о ней с нежностью и признательностью. И бабушка, в свою очередь, буквально влюбилась в мою жену. Мне даже кажется, что она поняла главное – я попал в хорошие руки, и как бегун, передавший эстафету, она была удовлетворена.

Каждый год мы ходим на кладбище и всегда начинаем с посещения бабушкиной могилы. Затем следует могила ее сестры, Ксении, и в конце мы приходим к могилам моих мамы и папы. Такой маршрут выбран женой. А еще в наших семейных разговорах чаще всего появляется моя бабушка и Симиная мама. Но бабушка все же чаще. И Симуля очень дорожит этими краткими воспоминаниями.

Мир праху твоему, бабушка Настя. Не будь тебя, и все в моей жизни могло бы сложиться иначе, а я был бы совсем другим человеком.

Глава 8: Медицина

Если я скажу, что с детства мечтал стать врачом, то это будет наглая ложь. Ни о чем подобном я и не помышлял. Мне вспоминается, что в самом раннем детстве я хотел стать пожарным, потом клоуном, потом библиотекарем, а накануне принятия окончательного решения я склонялся к журналистике и собирался поступить в университет.

Но... Тут придется сделать отступление, надеюсь, меня простят за него, но иначе мы не тронемся дальше.

Моя любимая бабушка много лет проработала акушеркой в том самом селе, где я родился, потом она пошла на повышение, перешла медсестрой в тубсанаторий, потом стала старшей медсестрой районной больницы, той самой, куда увезли рожать мою маму, т.к. роды были тяжелые и сложные. Под влиянием моей бабушки, т.е. мамы моего отца, мама бросила работу фининспектора и закончила сестринские курсы и до самой пенсии проработала медсестрой в разных больницах. Мой дядя был знаменитым и лучшим в республике хирургом, профессором, заведовал кафедрой, а его жена и моя тетя, т.е. сестра моего папы, была кандидатом биологических

наук, но всю жизнь проработала в медицине, завела лабораторией в мединституте.

Уф, вот и конец отступлению, а вы, я надеюсь, поняли, что при таких медицинских корнях я был обречен стать врачом. Тем более, что два года проработал в мединституте, когда учился в 10-11 классе вечерней школы, т.к. нужно было зарабатывать себе на жизнь. Работал я сначала курьером, затем личным секретарем ректора (родного брата моего дяди), а затем еще и начальником канцелярии мединститута, т.е. регистрировал всю входящую-исходящую корреспонденцию и давал задания машинисткам по распечатке всяких приказов и пр.

И вот тут, в приемной ректора, я познакомился со всем профессорско-преподавательским составом мединститута. И еще одно маленькое отступление, не сердчайте, пожалуйста.

Кишиневский государственный мединститут был организован сразу после войны, в октябре 1945 года, но возник он не с нуля, а на базе полностью переведенного в Кишинев 2-го Ленинградского мединститута, более того, он был усилен рядом профессоров из других ВУЗов Союза. И должен вам заметить, не худших. И вот я, 16-летний сопляк, сидел в приемной, как апостол Петр с ключами от

врат, и от меня зависело, попадет ли профессор N к ректору, а если попадет, то когда, и один я знал, какое настроение у ректора, и не спрашивал ли он о профессоре и пр. и пр. Я же вел список записи на прием. Но не это главное. Все эти ученые и ужасно интеллигентные люди, с множеством званий, наград, а порою и титулов (был профессор-граф, у брата которого в Швеции даже был фамильный замок) в процессе ожидания общались со мной, юнцом, да не просто общались, а вели долгие беседы о том, о сем, хотя вот убейте меня, не вспомню, о чем, настолько я был потрясен самой возможностью общаться с такими людьми на равных. Нет, это они со мной были на равных, а я только рот разевал да глаза таращил и старался понять – что из бесед со мной они могли вынести, о чем со мной вообще можно было говорить, и как я вообще смел рот открывать в их присутствии и что-то там вякать. Но говорю так, как есть. А веду вот к чему – знакомство с такими потрясающими людьми понемногу изменило мое отношение к выбору будущей профессии, и поэтому моим родственникам не пришлось слишком долго меня уговаривать, и я подал документы в мединститут.

В мое время это был очень хороший институт, а может, и лучший в республике. Он достоин более подробного рассказа о себе, но я этого делать не бу-

ду, т.к. пишу сейчас не о нем. Скажу лишь, что из него вышло немало высококлассных специалистов различных медицинских профессий. Но больше всего мне запомнились мои друзья-евреи, которых было не так много (в то время действовало 5%-ное ограничение, лимитирующее прием евреев в ВУЗы), но именно они учились не за страх, а за совесть, и почти все стали выдающимися врачами. Трудятся они, правда, в большинстве своем в других странах, а большая их часть в Израиле. А кое-кого уже нет в живых. Многие мои друзья-медики стали ведущими спецами и у себя дома, возглавляют крупные больницы, кафедры. Но продолжу о себе.

На 4-м курсе, еще не дойдя до знакомства с психиатрией, я все же взбрыкнул и ушел из мединститута, уехал к своей будущей жене в Подмосковье, где и прожил почти год, а вскоре и женился в возрасте 23-х лет. Жена моя ни под каким видом не хотела переезжать в Кишинев, тем более, что получила московское распределение и настаивала на том, чтобы и я перебрался в Москву. Дело чуть не дошло до развода, и она все же сдалась и переехала ко мне. А тем временем мои высокоученые родственники-эскулапы пытались вернуть меня в гиппократово русло и пока что оформили задним числом мне академотпуск, в надежде, что я одумаюсь и вернусь в альма матер. И я вернулся, а куда мне было девать-

ся? А вскоре начались занятия по психиатрии, и я попал в группу к человеку, который сыграл большую роль в моей судьбе.

Он был ассистентом кафедры, к.м.н., но именно к нему в группу мечтали попасть все студенты, вот как мне повезло. Владимир Михайлович Михлин, сын профессора Михлина, из той, первой, ленинградской плеяды профессоров, он заведовал кафедрой органической химии. Скажу сразу, именно встреча с моим преподавателем курса психиатрии примирила меня с медициной и позволила выбрать себе будущую специальность. С самим же Володи́ей, так мы в дальнейшем общались, т.к. стали со временем друзьями, в том числе и по части книголюбства, встречались мы не только на занятиях, но и дома, и в клубе книголюбов, который я в то время возглавлял. Но дружба наша продлилась недолго, Володя был тяжелым гипертоником и вскоре умер в возрасте 44 лет, а его семья уехала из страны.

После окончания института я попал в центральную клиническую психиатрическую б-цу (кстати, крупнейшую в Европе на тот момент), в замечательное отделение пограничной психиатрии. И тут мне снова повезло, т.к. именно пограничная психиатрия, т.е. неврозы, психопатии, патологические развития личности и пр., считаются самым

трудным разделом психиатрии, но важно еще и то, что эти больные как бы не перешагнули некую грань, отделяющую их от "нормальных", не душевнобольных людей, и у них сохранились шансы вернуться из своей болезни в нормальную жизнь. Эта школа дала мне очень много в понимании людей вообще, особенностей их характера, темперамента и других душевных качеств. А т.к. я человек очень открытый и контактный, то могу сказать, что мои больные научили меня куда большему, чем научил их я. Через 4 года мне предложили возглавить новое отделение наркологии, и я согласился. Здесь я проработал 14 лет как заведующий, пока не ушел из медицины навсегда.

Просто для сведения замечу, что по-настоящему обеспеченным человеком я был именно в бытность свою врачом. Полторы ставки, заведование, доплата за категорию, 25% надбавка за вредность, отпуск в 48 рабочих дней и зарплата от 300 до 500 рублей в месяц. На пенсию я вышел именно по врачебной зарплате, хотя пенсия эта нищенская, но считается у нас неплохой, у жены, к примеру, она в 2 раза меньше.

Мне кажется, что я был неплохим врачом, через мои руки прошло около 3 тыс. больных, многие вернулись к нормальной жизни и навсегда бросили

пить. У меня пролечилось 2 сына моих учительниц, в том числе и самой первой моей учительницы, о которой я писал в одном из своих очерков. Работа мне нравилась, отделение мое располагалось при промпредприятии, т.е. вдали от больницы, и поэтому я был свободен в своих действиях, все решения принимал сам, и не только по медчасти, хватало и других забот. Коллектив отделения состоял только из женщин – 8 сестричек, 11 санитарок и трудинструктор. Эта женская команда тоже многому меня научила, и я навсегда останусь им благодарен за науку и даже за те выговоры, которые получил. Отделение было рассчитано на 50 человек, мужчин, у них я тоже научился многому и закалил кое-какие свои качества. Легко ли работать врачом? Я отвечаю – очень тяжело, хлопотно, и это большое испытание тебя как личности, а не только как специалиста. Учиться я любил и люблю, так что в специальности своей не отставал, но вот огромное чувство ответственности за каждого больного и каждого члена коллектива, за все, чем руководишь – это может измотать любого. Тем более, что помощи мне ждать было не от кого, в отделении я был один в полтора лица. Но это и вдохновляло, не позволяло расслабиться и все время требовало от меня быть на высоте положения. Это хорошая, но изматывающая школа. Мне же не хватало общения.

Медицинская среда – вещь довольно косная и даже ограниченная, хотя я знал немало врачей, которые были высококультурными, начитанными людьми, с богатым жизненным опытом, умеющими неформально общаться. Но, во-первых, я был вдали от коллектива больницы и, во-вторых, в 80-е годы начался выезд из страны именно тех, с кем я дружил, с кем имел общие интересы, кого уважал, у кого учился. И мне стало тяжело.

В конце 1990 года было организовано городское об-во книголюбов как отдельная организация и были назначены выборы председателя будущего правления общества. Я узнал это случайно при посещении республиканского общества. И я подал заявку на участие в выборах, вот так сразу и не раздумывая. Через 2 недели я выиграл эти выборы. На следующий день я подал заявление на увольнение и с 1 января 1991 г. приступил к своим новым обязанностям. Вот и все о медицине в применении к собственной биографии. Добавлю лишь, что именно тогда и, пожалуй, впервые в своей жизни я понял, что такое свобода. Твоя, личная, та, которую ты обрел самостоятельно. Мои родственники-врачи выразили мне свое возмущение, назвали предателем и одно время даже перестали со мной общаться. А я до сих пор благодарен судьбе за то, что сделал этот шаг. Я твердо знаю, что не смог бы работать в современной

медицине, иначе мне бы пришлось слишком многое в себе предать и вообще стать другим человеком, я же предпочитаю оставаться самим собой.

Глава 9: Собрания

Собрания, очереди и демонстрации, вот что вспоминается как характерные приметы времени еще не совсем ушедшей эпохи. Но я пишу не об эпохе, я вспоминаю эпизоды своей жизни, которые кажутся мне чем-либо примечательными. Но собрания все же – нечто особенное и навсегда врезавшееся в память.

Попытаюсь вкратце перечислить некоторые виды этих магических коллективных обрядов. Итак – собрание совета дружины, собрание класса, пионерского актива, комсомольское, партийное и открытое партийное. Для непосвященных – на просто партийное приглашались только партийные члены коллектива, а на открытое – и некоторые беспартийные граждане. А еще собрания по случаю обсуждения-осуждения. Профсоюзные. Торжественные праздничные собрания перед первомаем, ноябрем, профессиональными праздниками. Ежедневные утренние пятиминутки о событиях в стране и мире. Собрания по случаю очередных съездов и пленумов с целью всеобщего одобрения принятых на них решений. Собрания по поводу агрессивных вылазок мирового империализма. Упомяну о еженедельных производственных совещаниях, тем более, что они все же имели определенный смысл, т.к. на них гово-

рилось о вполне конкретных и даже полезных вещах.

Нет, не вспомнить мне всех собраний, на которых довелось побывать, и мне остается только рассказать о трех из них и поделиться с вами своими личными впечатлениями.

На первом в своей жизни открытом партсобрании в психиатрической больнице, на которое был приглашен, я заснул минут через 5 после его начала. Даже не знаю, как это описать. Вдруг на меня навалилась страшная сонливость, с которой я не мог совладать, как ни пытался. Я не просто заснул, но даже начал похрапывать. Мой коллега, сидевший рядом со мной, с трудом растолкал меня и посмотрел на меня так, как, наверное, смотрел обычно на своих пациентов. Мне стоило поистине героических усилий все же досидеть до конца собрания, и я совершенно не помню, чему оно было посвящено. Тогда я не придал этому происшествию никакого значения. Но примерно через полгода я вновь был приглашен на аналогичное собрание. И что вы думаете – не прошло и 10 минут, как я заснул и даже сполз с кресла во сне. Опять выручил меня уже другой мой коллега и даже вывел из зала, испросив на то разрешение. По-видимому, случай этот не остался без внимания руководства нашей больницы, т.к. больше

меня на партийные собрания не звали. Все же я был молодым врачом, даже выиграл общебольничный конкурс на лучшего врача, но при этом не состоял ни в партии, ни даже в комсомоле.

Да, мне пришлось бывать в дальнейшем на множестве других, не партийных, собраний, но не припомню, чтобы я на них так внезапно засыпал. Разве что позевывал и пропускал мимо ушей то, что говорилось с трибуны.

Вспоминается еще одно собрание конца 70-х или начала 80-х годов. Происходило оно все в той же психиатрической больнице и посвящено было обсуждению моей коллеги и бывшей сокурсницы, которая уезжала с родителями в Израиль. В то время это стало массовым явлением, и в результате уехали не только хорошие врачи, но и учителя, писатели, художники и просто мои друзья, с которыми я был знаком по клубу книголюбов, который возглавлял много лет.

Сама атмосфера этого собрания, тон выступлений произвели на меня совершенно неизгладимое впечатление. Никогда в жизни мне не было так стыдно за себя и других, хоть я не сказал ни слова осуждения и даже попытался найти оправдание своей коллеге. Правда, договорить мне не дали, но

накал осуждения все же как-то поутих, и все мы, расходясь, помалкивали и старались не глядеть в глаза другу другу. Больше я на такие сборища не приходил никогда, да и собирать их перестали очень скоро, т.к. уезжали почти все евреи и, по видимому, была дана команда прекратить дальнейшие обсуждения.

И последнее собрание, о котором я бы хотел рассказать. Случилось оно еще до тех двух, ранее описанных. Был я тогда еще студентом мединститута то ли 3-го, то ли 4-го курса. А вызван был на комсомольское собрание института, где обсуждался в том числе и вопрос о непосещении мною лекций. А я действительно пренебрегал многими лекциями, а именно теми, которые не давали мне ничего нового, т.е. того, что я не мог прочесть в учебниках. На лекции же тех профессоров, которые не пересказывали учебник, тем более, что именно они порою эти учебники и писали, а делились с нами, желторотиками, плодами своих наблюдений и опытом, который не был отражен в учебных пособиях, я ходил охотно. Да и рассказывали они нам о своем предмете интересно, без занудства и очень талантливо. Такие лекции я не пропускал. Но зато пропускал многие другие.

Вряд ли обсуждение моих прогулов заняло более 5 минут, но для меня это время казалось бесконечным. Вопросов мне почти не задали, оправданий слышать не хотели и тут же единогласно постановили исключить меня из комсомола. И тогда я просто вынужден был встать и запинаясь сказать, что я не комсомолец и никогда им не был. Далее последовала финальная сцена из «Ревизора», затем меня выгнали из зала и продолжили обсуждение уже без меня. В результате было принято решение исключить меня из института. Не будь я из семьи сплошных медиков, которые и вывели меня на эту стезю, то моя врачебная карьера на том бы и закончилась. Но они меня отвоевали, и решение было пересмотрено – я лишился стипендии на один семестр и получил строгий выговор.

Выговор я пережил спокойно, как и все последующие в своей жизни. Более того, эти выговоры всегда шли мне на пользу и чему-то непременно учили. А вот лишение стипендии было жестоким ударом, т.к. я и так едва сводил концы с концами, особенно учитывая мое злостное книголюбство. Стал ли я чаще посещать лекции? Пожалуй, да, все же даже нищенская стипендия в 28 рублей была мне дорога и просто необходима. Но со скучных и никчемных лекций стремился смыться во время перерыва. Врачом же я стал чувствовать себя где-то

через 3-4 года после института, когда мои книжные знания нашли свое подтверждение во врачебной практике. Учиться я, конечно, не перестал, только учили меня теперь не профессора, а все те же книги, мои пациенты и сама жизнь.

Вот и все, пожалуй, о собраниях.

Глава 10: Дороги

Путь к цели и есть цель

В детстве мы с младшим братом были заядлыми рыболовами и знатными ходоками. Во всяком случае, никто из ребят не мог за нами угнаться, и мы всегда оставляли далеко позади наших спутников. Эта привычка сохранилась за мной и до сегодняшнего дня, хотя годы все же поумерили мою прыть. Но не во время путешествий или экскурсий, которых я совершил. В основном по родному краю, т.е. по Молдове.

Родился я в селе в самом центре молдавских кодр, рядом с крупнейшим нашим заповедником, Кодры, а затем папу перевели в другое село, где он проучительствовал несколько лет. Школа располагалась в здании бывшей барской усадьбы, ныне это развалины. А еще через пару лет папу перевели в село, точнее станцию, расположившуюся у подножия второго по величине заповедника Молдовы – Буковый край.

Детство наше прошло на берегу местного озера, бывшей барской купальни того самого помещика, в чьем поместье располагалась школа. Ныне это озеро совсем захирело и стало болотцем. Но именно

на нем мы просиживали с раннего утра до позднего вечера, ловя рыбу и раков, купаясь, влюбляясь и занимаясь другими крайне важными и увлекательными вещами.

Но когда мы подросли, то нашего озерка нам стало мало, и мы начали обследовать округу. А вокруг нас всюду высились холмы, покрытые лесом. И мы знали в этих лесах каждую тропочку, и нам не нужно было никаких карт и компасов, чтобы отправиться в путь за 10-20, а то и 30 км от дома ради возможности порыбачить на еще пока незнакомом нам озере. Пожалуй, именно эти воспоминания – самое дорогое из того, что у меня осталось.

И уже тогда, в детстве и юности, не только возможность порыбачить тянула нас в путь, хоть осознал это я намного позже, когда стал возвращаться сначала в места своего детства, а затем расширил свои путешествия до пределов всей страны и даже вышел за ее пределы (Румыния, Украина).

Когда в 2005 году я приобрел свой первый фотоаппарат-цифровичок, хотя до того в руках не держал вообще никакой фотоаппаратуры, я даже не предполагал, что этот факт может круто изменить мою жизнь. Впрочем, точно так же я не предполагал в своей время, что мое книголюбство уведет меня из

медицины, а знакомство с компьютером в 45-летнем возрасте и вовсе снесет мне крышу и круто изменит круг увлечений, интересов, заставит освоить еще одну профессию, позволит раскрыть в себе некоторые новые способности, о которых я даже подозревать не мог.

И как-то так уж получается в моей довольно извилистой и прихотливой жизни, что одно незначительное событие внезапно меняет вроде бы уже налаженную и устоявшуюся жизнь и гонит осваивать новые территории, приводит к знакомству с множеством новых людей, позволяет найти друзей – таких же непосед, как и ты сам.

Но вернусь к тому, с чего начал – к дорогам. А также тропинкам, тропкам, проселкам.

Молдова удивительная страна и очень разноликая. Для большинства, посещающих ее, она знакома по тому, что они видят с центральных трасс и внутри ее городов. Я же убедился на собственном опыте, что самое интересное таится совсем в иных местах. Для того, чтобы обнаружить это, достаточно просто съехать с трассы и покатить по любой проселочной дороге. А потом и вовсе зашагать по какой-нибудь неприметной тропке на этот холм, или спуститься в эту балку или ущелье, зайти под своды ле-

са или выйти на берег озера или реки. Вы будете смеяться, но в нашей крохотной стране насчитывается свыше 3-х тыс. рек и речушек и более 1,5 тыс. озер. Конечно, реки наши в большинстве своем скорее могут называться ручейками, да и те в засушливые годы пересыхают, но эти крохотные речушки протекают по потрясающе красивым местам, образуя на своем пути изумительные долины, ущелья и даже каньоны.

Но красивее всего, на мой взгляд, именно дороги, потому что каждая из них может привести тебя в такое место, что дыхание замирает, глядя на эту красоту. Дорога, опять же по моему мнению, это не просто путь из пункта А в пункт Б, т.е. некоторое средство, а нередко и помеха, отнимающая время. Нет, любая дорога, если ты пускаешься в путь, широко раскрыв глаза и распахнув душу, это путь в неизведанное и удивительное, и ты никогда не можешь предсказать, что ожидает тебя за очередным поворотом. Собственно, как и вообще в жизни, которая тоже есть дорога. И пока ты шагаешь по ней – жизнь продолжается, а стоит остановиться или повернуть обратно и, быть может, ты предашь самого себя и навеки заплутаешься в лабиринте так и не пройденных тобой дорог.

И совсем неудивительно то, что начав свою жизнь с путешествий, я ими же и закончиваю. Но покинув дороги и тропки я продолжаю самое большое свое путешествие – в тайники и закоулки своей памяти. Пока она мне не изменит.

И все же как я люблю дороги!

Глава 11: Любовь

Давно я подступаю к этой главе своих незамысловатых бредней-воспоминаний, да что-то меня все за руку держало и не пускало. А и вправду, ну что мужик, да еще траченный, может сказать о любви? Чай не поэт какой, а тщедушный среднестатистический мужичонка. Но вот – сколько себя помню, все в моей жизни было любовью и любовями озарено. А было время, так она одна царила и все вокруг освещала, слепя очи и туманя незрелый разум. Она и теперь мне светит, только куда более мягким и спокойным светом, словно щадит мои подслеповатые буркалы.

Но от правды не уйдешь – любовь для меня не звук пустой и ей я обязан слишком многим, чтобы вот так взять, да и соврать – мол, чушь все это и ненужная трата сил. Все совсем наоборот. И силы эти я, пожалуй, именно из этого источника и черпал, да и сейчас горсточкой прихлебываю, хотя уже скорее песочек сквозь пальцы сыплется, чем эта животворная влага струится.

В самом раннем детстве, похоже, меня недолюбили, но любви этой я добрал с лихвою уже в школьные годы, когда жил с бабушкой, в одной из глав я уже писал об этом. Здесь же скажу только,

что бабушка моя, женщина суровая и властная, наверное, в первый раз в жизни так любила – от души, бескорыстно и щедро. И любила именно меня и никого другого, это я знаю точно, и все, кто ее знал ее, это подтвердят. То есть подтвердят то, что протоптать тропку к сердцу моей любимой бабушки было очень трудно, чтоб не сказать – невозможно. И я эту тропку не торил, она сама как-то проложилась, и, шагая по ней, я становился и стал тем, кто есть. А любовь наполнила меня до краев так, что и до сих пор этот источник не иссяк.

И, наверное, именно потому, что пил я из этой волшебной криницы, мое отношение к людям, а к женщинам особенно, всегда было наивно-доверчивым, и никакие разочарования так и не погасили этот интерес. Но не только к людям, а вообще ко всему, что меня окружало и окружает. Начиная с книг и кончая природой. Наверное, именно отсюда произрастает во мне стремление во всем видеть красоту, а не уродство; добро, а не зло; сочувствовать, а не злорадствовать. И я давно себе говорю – красота разлита повсюду, но чтобы увидеть ее, нужно не только пошире раскрыть глаза, но еще и распахнуть навстречу ей душу.

Пишу все это и страшно смущаюсь. И не потому, что преувеличиваю или кривлю душой, а от-

того, что вообще решился затронуть такой деликатный и интимный предмет. Одно только и успокаивает – терять мне, пожалуй, уже почти и нечего, к синякам да шишкам я с детства приучен, а поймет ли кто меня правильно – это и вовсе не заботит. Самому бы себя понять.

Мою первую дочь от первой жены зовут Любаша. Так уж получилось, что жизнь развела нас с нею напрочь, и я мало что о ней знаю, и контакты наши отнюдь не родственные. Но я все равно ее люблю, и двух своих внуков, которых только на фотках и видел, тоже. И вина за то, что так получилось, грызет меня непрестанно, хотя не только я тому виной, но моя от того меньше не становится. Как и любовь.

Но главная любовь моей жизни – это вторая и настоящая моя половинка – Серафима, Сима, Симуля. Уж не знаю, как она меня терпит вот уж 39 лет, как я вообще сподобился такую награду от жизни получить – это для меня по-прежнему тайна. И вторая моя дочуля – Агата, Агатуля, Агафондия или просто Мусик – еще одна моя звездочка ясная, хотя тот еще кремешек, так что искры у нас на весь дом разлетаются. Прикуривать можно.

А самая первая моя настоящая любовь приключилась еще в первом классе, и кончилась трагически, и вовсе не потому, что была безответной, а совсем по другой причине. Но об этом я вам поведаю в отдельной главе. Она не только о любви. Здесь же я упоминаю об этом лишь потому, что давно убедился, что не бывает любви несчастливой, если сам любишь. Это действительно награда – уметь любить и не бояться любить. И твердо знаю, что как только иссякнет во мне этот дар, так и жизнь моя кончится.

Глава 12: Книги. Часть 1

Вспоминать и писать о том, что действительно любишь, одновременно и легко и очень трудно, мучительно и радостно. Легко и радостно потому, что это, быть может, лучшая часть твоей жизни, а трудно и мучительно из-за того, что она уже прошла, что многое безвозвратно потеряно, а еще более пропущено, не замечено, не оценено тобою по достоинству. И слишком поздно осмыслено.

Хотел начать традиционно, мол, не было мне еще и 5 лет, как я научился читать и делаю это вот уж хрен знает какой год, но понял, что это не то. Попробую зайти с другого конца.

Жизнь человеческая очень коротка, и уже в силу этого непреодолимого обстоятельства наш жизненный опыт крайне ограничен. Говоря опыт, я имею в виду все, что человек узнал о себе и мире и в чем хоть немного сумел разобраться, чтобы ответить на три простых вопроса – кто ты, откуда, куда идешь. Эти нехитрые вопросы человечество задает себе уж которое тысячелетие, и, быть может, именно попытки ответить на них и объединяют людей в нечто единое и наделяют жизнь каждого отдельного человека определенным смыслом. Если, конечно,

этот отдельный гражданин задается такими вопросами и видит в том хоть какой-то прок.

Те, кто полагает, что прок все же есть, озаботились способами расширить границы своего опыта, а фактически возможностью так спрессовать время, чтобы успеть побольше узнать обо всем, чуть лучше понять это все и, наконец, почерпнуть из этого знания кое-какие практические навыки для получения определенных выгод или хотя бы удовольствия. Хотя с удовольствием этим просто беда – кто-то получает его от полученных выгод, а кто-то удовлетворяется самим процессом, полагая, что это и есть главная выгода или, говоря по-современному, профит.

Лично мне известно как минимум пять путей расширения этого опыта – общение, практическая деятельность, путешествия, наука и мир искусства. Каждый из нас выбирает свои приоритеты, я же пишу о своих и именно поэтому общение вынесено мною во главу этого далеко не полного списка. Но при этом под общением я понимаю не только живое или виртуальное общение с реальными людьми, но и с теми, кто успел покинуть этот бранный мир, но при этом частичку нажитого все же оставил нам на память. И вот тут я и перехожу к книгам, этому универсальному и наиболее адекватному средству

запечатлеть свой личный опыт и пополнить им копилку опыта общечеловеческого. И я искренне считаю, что пока никто еще не изобрел лучшего средства сделать это, чем книга.

Да, не всякая книга и не всякий опыт, почерпнутый из нее, несет пользу, надежду и служит опорой. Есть книги, которые говорят об ужасных злодеяниях, великих заблуждениях, беспросветной глупости и прочих премиленьких вещах, но разве и этот опыт не должен быть учтен, осмыслен и принят во внимание?

Но книга не просто копилка, она еще и посредник, иногда единственный, позволяющий понять другого, не такого, как ты сам, и тем дать возможность для сравнения и даже преодоления собственного несовершенства и неполноты. А еще книга – проводник в мир идей и неведомых ранее чувств. И если тебе повезло вовремя прочесть именно те самые нужные книжки, то ты обретаешь себе поводыря и в самом мире книг, когда каждая прочитанная подсказывает тебе те, что еще нужно прочесть. Говорю об этом, исходя исключительно из собственного опыта, т.к. именно так со мной и произошло и продолжает происходить, и я не вижу конца этому пути. Пока жив, конечно.

Когда-то я прочел, что умирающий Пушкин свои последние слова – прощайте, друзья – адресовал своим книгам. Тогда я воспринял это как метафору, но слова эти врезались в память на всю жизнь. Но лишь спустя долгие годы я стал воспринимать их буквально и готов повторить вслед за своим великим тезкой. Лучших друзей я и вправду за свою жизнь не знал. Ни один из них не предал, не обманул – ведь обманываемся мы сами, вольно или невольно желая этого. И, конечно, это самые бескорыстные друзья, не требующие у тебя ничего взамен приобретенному. И самые щедрые – если знаешь, что ищешь, то непременно найдешь и тем обогатишься.

Почему-то широко распространено мнение, что книги отрывают от жизни реальной и уводят тебя в мир надуманного и даже завирального, отвращающего твой взор от прозы жизни и искажающего сам взгляд на мир и его реалии. Я придерживаюсь совсем другого мнения, сравнивая книги с ситом, которое помогает тебе отсеивать все, что не является главным, истинным и человечным. Впуская тебя в свой мир, книги выпускают тебя чуть преображенным, причем эти изменения происходят на первый взгляд незаметно и, главное, совершенно добровольно. Так же добровольно, как и твое общение с книгой и тем, кто ее написал. Из своего опыта чте-

ния я вспоминаю, что не раз закрывал книгу, не дочитав ее и сопротивляясь ее влиянию. Годами позже появлялось желание доспорить, и книга открывалась на недочитанной странице и диалог продолжался, но я сам к тому времени уже был другим и поражался тому, что просто не сумел понять или понял не так, или же, напротив, убеждался, что все же оказался прав. Но чаще правым оказывался все же не я. Но в любом случае, другого такого собеседника трудно найти.

И последнее, что хотел бы сказать. Мне книги помогли стать самим собой, помогли отстоять в себе то, что я считаю главным для себя – свободу, умение мыслить самостоятельно и выражать эти мысли, привили ироничный взгляд на себя, да и других, пожалуй, заразили оптимизмом и помогли осознать огромное количество недостатков в самом себе. Последнее очень важно, т.к. только осознав собственное несовершенство, ты куда терпимее начинаешь относиться к чужим недостаткам.

Исходя из всего вышесказанного, я считаю себя вечным должником тех книг, что меня окружают, и именно поэтому я стараюсь хоть частично отдать им свой долг. И вот почему уже почти 16 лет я систематически сканирую книги своей библиотеки и выкладываю их в сеть. Сделано не слишком много,

но все же и не так и мало, особенно учитывая, что процесс этот продолжается. Естественно, что оцифровываю я только те книги, которые до того не были представлены в электронной форме или, в редких случаях, стараюсь исправить чьи-то небрежные и полные ошибок сканы. Все они разбросаны по очень многим сетевым библиотекам, некоторые из которых уже недоступны.

Глава 13: Эпоха и пиксель

Когда я только задумывал свой цикл то ли воспоминаний, то ли бредней о том, о сем, то смутно представлялось мне, что сквозь отдельные эпизоды того, что мне запомнилось и что порою действительно являлось важным для меня, должно как бы проявиться и то время, в котором я жил. То, что принято называть эпохой. Но получилось совсем по-другому, т.е. как обычно – планируешь после работы сходить за цветами для жены, а попадаешь почему-то в какую-то бадыгу и возвращаешься домой на ушах, без цветов и изрядно помятый.

И вот когда я таки дополз до дюжины, т.е до 12-й главы, во что не верилось, то начал понимать кое-что. А именно следующее. Ну, какое мне дело до каких-то там эпох, я ж ее не выбирал, появился в той, что попалась, и нет мне до нее дела, как и ей до меня. Ну, и правда, родился я 200-300 годами раньше и попади в иную эпоху, неужели хоть что-то во мне изменилось бы настолько радикально, что я не имел бы права утверждать, что я – это все-таки я, а не пес Барбос.

С другой стороны то, что мы называем эпохой, конечно же, существует, и каждый из нас является ее частью, но настолько ничтожно малой, что

приходит на ум такая аналогия. Т.е. я представил себе эпоху как много-многопиксельную картинку, а себя самого единственным пикселем на ее фоне. Настолько неразличимым на этой обширной картине, что изыми меня из нее – и ничего в ней самой не изменится. Даже дырочки не останется. А ведь бывали эпохи, когда миллионы пикселей из нее исчезали, а ей хоть бы хны, даже живописнее становилась. Во всяком случае, всегда находились те, кто убеждал остальных в том, что эпоха требовала жертв, или что лес рубят – щепки летят, или что они пали жертвой в борьбе роковой во имя счастья грядущих поколений. И оставшиеся пиксели бурно выражали свой восторг и теснее сплывали ряды вокруг кучки других пикселей, которые только и имели право изымать из картинке чуждые идеи пикселишки. Впрочем, и тут периодически совершались генеральные прополки и изъятия во имя сплочения рядов, но остальным пикселям это было по барабану.

И как только я это понял, так сразу же и перестал даже пытаться что-то такое отразить, вообразить и представить. И совершенно неважно при этом, что ты за пиксель такой, какого ты цвета и не имел ли порочащих тебя связей с пикселями иного окраса. Важным остается лишь одно – ты был, ты пытался кем-то стать, что-то связывало тебя с ины-

ми, сродными тебе чем-либо пикселями, пиксельшами и пиксельятами. А еще ты пытался выглянуть за пределы этой картины, вертя головой в совершенно разных направлениях, то стремясь разглядеть далекие звезды, то, чаще, тропку под ногами. Многие из знакомых тебе даже полагали, что им ведом замысел творца всей картины и что если как следует научиться бить ему поклоны, то он непременно перенесет тебя в иную, офигенно многопиксельную картину, из которой пиксели вовек не изымаются, а лишь прибавляются.

Но скудный мой умишко, по счастью, уберег меня от этой заманчивости и желания перебраться со временем в иные времена и выси, сосредоточив все мои усилия на то, чтобы понять, попробовать и суметь объяснить себе – на кой ляд я вообще появился. Кстати, отказавшись от позывов продолжить свое существование в вечности, я научился ценить время, друзей, любимых, довольствоваться лишь самым необходимым и никогда и ничего ни у кого не кланчить и не одалживаться. Все это было известно многим другим пикселям из совсем иных эпох и картин, но я до всего этого должен был добраться сам – и для того, чтобы сравнить себя с ними, и для того, чтобы совесть моя пикселиная мучила меня совсем по иным поводам. А таковых предостаточно в жизни каждого пикселя, даже если он пола-

гает, что это не его забота и что взятый на душу грех всегда можно отмолить и тем удостоиться входа в царство офигеть какое многопиксельное.

И вот, заканчиваю свою дюжинную бормоталку и с тихим ужасом вспоминаю, как и о чем я писал первую. А была она о маминых трусах. И тут вдруг эпоха. Но вспоминая те трусы, кажется мне, что они-то уж точно куда полнее отражали именно эпоху, чем все, что я думаю и осмеливаюсь писать тут, пикселишка хренов.

Глава 14: Книги. Часть 2

О книгах и библиотеках мне приходилось писать не раз, но рассказ этот, конечно, не окончен – слишком большую роль в моей жизни сыграли книги. Думаю даже, что именно они, да еще, пожалуй, любовь, сформировали меня и даже определили все извивы моей личной судьбы.

Но здесь я хотел бы поговорить о книге не как об источнике разумного, доброго, вечного, а как о вожделенном объекте, которого ты домогался, прилагая порою совершенно невероятные и труднодостижимые сегодня усилия. Речь идет о книгах личной библиотеки, которую я начал систематически собирать, еще не окончив школу.

Началось это в самом начале 60-х годов, до этого времени я пользовался вначале детской, юношеской, а потом и центральной республиканской библиотеками. Но из последней был выписан в возрасте 14 или 15 лет из-за того, что были изменены правила, и пользоваться ее абонементом стало возможно лишь после наступления 16-летия. Именно тогда я и стал покупать книги, экономя на всем остальном, и очень скоро стал законченным книголюбом – было такое увлечение и даже призвание в те

далекие времена. Вот об этой книжной охоте, собственно, и пойдет речь.

Книг в Союзе выпускалось очень много, больше, чем в любой другой стране мира, это чистая правда. Но это только часть правды, т.к. из огромного количества выпускаемых книг добрая половина их была т.н общественно-политическая литература, включая сочинения классиков марксизма, прошлых и нынешних руководителей, идеологов и обслуживающей эту камарилью челяди. И, конечно, книги писателей-лауреатов, чьи имена ныне вряд ли кто помнит, но тиражи их книг были огромны, полки магазинов и складов ломились от их изобилия. Простояв на полках годик-другой, они шли в переработку, а их место занимали другие, аналогичные им.

Тут стоит сказать пару слов о тиражной политике. Для СССР средний тираж книги был 100 тыс. экземпляров. Меньшими тиражами выпускались книги специализированные, научные, большинство поэтических, книги по искусству. Тиражи детских книг и книг популярных авторов обычно значительно превышали эту цифру, и книга могла выйти и миллионным, и даже многомиллионным тиражом. К примеру, Библиотека всемирной литературы в 200 огромных томах, выпускавшаяся по

подписке, печаталась тиражом 300 тыс, а затем даже 303 тыс. Книги популярных писателей и поэтов выпускались порою тиражами в несколько сотен тысяч экз., но и тогда их было трудно найти. Куда хуже обстояло дело с произведениями зарубежных авторов, особенно из стран за пределами железного занавеса. Тут тиражи редко превышали 50 тыс., а это была капля в море. И дело не только в том, что слишком многие желали их прочесть, но и потому, что эти книги порою просто не поступали в книжные магазины, а распространялись по спискам.

Я много лет дружил с директором большого книжного магазина, был председателем клуба книголюбов, организованном при этом же магазине, и потому знаю из первых рук, что магазин получал книги, которые тут же передавал по назначению, указанному в сопроводилровке. Это были горком партии, райкомы партии и комсомола, Райисполком, Совет министров и еще ряд организаций.

Но и это еще не все. Иногда выпускались книги, которые в Союзе купить было просто невозможно, их тут и не продавали, и выпущены они были небольшими тиражами – от 5 до 20-30 тыс. – и купить их можно было только за рубежом, в магазинах русской книги где-нибудь в Праге, Будапеште или Варшаве, но также в Париже или Бонне. Впро-

чем, иногда их можно было найти и в Союзе, но в инвалютных или чековых магазинах – Березках или Каштанах. Что же это были за книги, спросите вы? Например, сборник Франца Кафки, тираж 7,5 тыс, за которым я охотился много лет, пока не купил за совершенно дурную цену на черном рынке. Или сборник Марины Цветаевой или Саши Черного в Б-ке поэта, о которых и мечтать не приходилось, хотя со временем и эти книги нашли меня и встали на полки. Я не оговорился – не я их нашел, а они меня нашли. И именно тогда, когда я уже отчаялся встретиться с ними хотя бы потому, что не мог себе позволить заплатить на толчке за любую из них от 50-ти до 100 рублей, т.е. почти ползарплаты.

Быть книголюбом в советском понимании – это значило не только найти нужную книгу, но и купить ее по номиналу, а он редко превышал 1 руб, хотя с годами цены росли, но все же книга была дешева. Хотя это как посмотреть – если книга стоила 2-3 рубля, а пообедать можно было за рубль, а моя стипендия была 28 руб., то дилемма возникала нешуточная – книга или обед, ужин и завтрак. Так что те несколько книг, которые я купил по дурным ценам, это некие исключения. За все остальное заплачено согласно цене на обложке. А вот для этого нужно было прочесывать в поисках книг десятки магазинов, знать расписание привозов, быть знако-

мым со всеми продавщицами, зав. отделами, многими директорами книжных магазинов. А чтобы подписаться на многие подписки, приходилось дежурить сутками в огромной очереди, хотя это не гарантировало успеха. Бывало, что записалось 3 тыс. человек, а подписаться сумели 20-30-50 человек. Все остальное было распределено среди "своих".

Вот в этих ежедневных походах по магазинам я и познакомился с целой гвардией старых книголюбов, среди которых встречались совершенно уникальные и очень интересные люди. У них я многое перенял, многому научился, многое понял, отточил вкус к настоящей книге, хотя я был способным учеником, тем более, что с детства мне повезло нащупать свой путь в этом безбрежном море. Немало мне дало членство в клубе книголюбов, первом в Кишиневе, который я вскоре и возглавил, а уже в начале 90-х даже 3 года пробыл председателем городского об-ва книголюбов. Пока и общество и объединявшиеся в него книголюбы попросту не исчезли. Наступили совсем иные времена, где многим было вовсе не до книг, вначале по причинам экономическим, а затем и по многим другим.

Мне в моих книголюбских приключениях повезло дважды – первый раз, что зародилась эта страсть в 60-е, оттепельные, годы, когда наконец-то

стали выпускаться не просто идеологемы, а книги, и второй раз в 80-е, когда книжный поток стал огромным паводком и затопил прежде просто пустовавшие лакуны в мозгах читающей публики и открыл сотни новых (и хорошо забытых старых) имен. А ведь были еще и журналы, но это уже особая песня, тем более, что спелась она быстро и мотив ее, пожалуй, сейчас мало кто вспомнит. А кое-что и вовсе может показаться фантастикой, как например тиражи толстых литературных журналов, достигавшие порою миллионной отметки. В эти годы я выписывал по 60 журналов в год и огромные конволюты из лучшего в них, лично мною переплетенных, тоже стоят на полках моей библиотеки. Но чувствует мое сердце, что это не последний мой рассказ о книгах, поэтому тут замолкаю.

Часть 15: Увлечения

Чем дольше живу, тем более крепнет во мне убеждение, что каждый из нас фактически состоит из своих увлечений. И именно в них человеку удастся проявить свои лучшие качества, раскрыть свои способности и таланты. А еще говорят, что ничто не обходится нам дороже наших увлечений. Другие, правда, говорят то же самое об удовольствиях. Не вижу в том противоречия, т.к. полагаю, что увлечение непременно приносит удовольствие, хотя не всякое удовольствие является увлечением.

Мой взгляд на увлечения очень пристрастен и субъективен, и именно потому, что с самого раннего детства я непременно чем-то увлекался, а некоторые из этих пристрастий и до сих пор меня не покинули. И увлечения эти были не просто многочисленны, а еще и очень разноплановы. Сам не устаю этому поражаться.

Первое из них, конечно, чтение. Но из увлечения оно очень быстро превратилось в потребность, и с годами она только крепла. Поэтому чтение я все же не рассматриваю как только увлечение. Но вот уже в юношестве я стал собирать свою первую библиотеку, и именно тогда и обрел свое пожизненное увлечение.

С книгами связано и еще одно увлечение. Странное хобби и очень хлопотное, даже не похожее на обычное увлечение. Я говорю о сканировании и оцифровке книг своей библиотеки. А странным я его называю потому, что оно скорее напоминает добровольно взятую на себя повинность. И, похоже, именно так и обстоит дело – я отдаю долги книгам, которые помогли мне стать человеком. Но мне это нравится, а значит, и это род увлечения.

Я родился и вырос в деревне, в самом сердце молдавских кодр, т.е. лесов. Почти все свое детство и большую часть юности я провел или на берегу озер или плутая по лесным тропкам. С 7 лет я стал заядлым рыболовом, уходя из дому затемно и затемно же возвращаясь. Помню, как мы с братом шлепали босыми пятками по еще теплому шоссе, ведущему к озеру. Мы буквально дрожали от нетерпения, и с этими минутами мало что может сравниться.

Наше первое озеро (в дальнейшем мы обошли и объездили десятки, если не сотни озер) было маленькое и заросшее камышом и ряской. Некогда это был барский пруд, в то время уже захиревший. Солнце всходило часа через полтора после нашего появления, мы же сидели на берегу и наблюдали за туманом над водой, слушали шорох камыша, ред-

кий птичий пересвист, а иногда и трели запоздалого соловья в дубовой роще на другом берегу протоки. А еще нужно было расчистить в раске маленькое окошко и точнехонько опустить туда крючки и поплавок, а перед этим подкормить место. В озере этом водился очень красивый одичалый золотистый карась, а иногда удавалось поймать вьюна, которого еще нужно было в руках удерживать, настолько он был скользкий и изворотливый. А уж когда попался на крючок огромный темноспинный с золотым отливом серебристый карась или сазанчик, то радости нашей просто не было предела.

Лишь где-то к пятидесяти страсть к рыбалке меня отпустила. Зато я заболел путешествиями. Нет, не по дальним и неведомым странам, а все по той же молдавской земле, а она очень красива, и я знаю, что мне жизни не хватит, чтобы узнать ее так, как она того заслуживает. Вот так ко мне вернулась часть моего детства.

Я назвал два самых сильных своих увлечения, которые пронес через всю жизнь. Но ведь были и есть еще и другие, частью связанные с этими, базовыми, а частью вообще непонятно как меня зацепившие.

Конечно, я собирал марки, потом монеты, спичечные этикетки, я был увлечен, и очень сильно, вязанием крючком, было мне тогда лет 10-12. Чего я только не связал, чуть ли не скатерти, не говоря уж о множестве салфеток, накидок, сумочек и не помню чего еще. Моя мама очень хотела девочку, а родила двоих сыновей, вот она нас и научила. Брат, по моему, до сих пор вяжет макраме, моя же вязальная болезнь окончилась лет в 15-16.

И вот, когда я уже был уверен, что больше ничем не увлекусь, именно тогда и начались мои увлечения, которые очень сильно стали менять направление моей жизни.

Впрочем, жизнь моя начала меняться чуть раньше. В 42 года я ушел из медицины и возглавил городскую книголюбскую организацию, а до этого почти 20 лет руководил первым в городе клубом книголюбов. Так что и тут мое увлечение напрямую вмешалось в течение моей жизни. И сделав этот шаг, прервав свою служебную и вполне благополучную медицинскую карьеру, я дал себе слово – впредь заниматься только тем, что мне по душе. Чего бы мне это ни стоило.

Профессионально заниматься книголюбством мне пришлось менее четырех лет по причине разва-

ла не только книголюбской организации, но и той страны, в которой она возникла. И совершенно не покривлю душой, если скажу, что меня это не испугало и не сделало бомжем, алкоголиком или, на худой конец, каким-нибудь ловчилой. Меня вполне устраивала свобода выбора. Тем более, что в свои 44 года я внезапно нашел новое увлечение – впервые прикоснулся к компьютеру и заболел им тяжело и очень надолго. Никто меня не учил, я всегда всему учился сам, сначала книги, а вскоре и интернет стали моими наставниками. Через 3 года после первого тюка по тете клавише я стал системным администратором в фирме брата. Хотя вначале там был один неработающий компьютер, в который я вдохнул жизнь, а спустя 14 лет, когда я покинул фирму, повинаясь новому увлечению, их уже было около 30 со всей положенной инфраструктурой. И мне не было стыдно передать это отлаженное хозяйство в руки молодого преемника, которого я же и натаскал. А компьютеры перестали быть моим увлечением и служебной обязанностью, оставшись просто помощниками и слугами.

Лет 13 назад я стал регулярно пускаться в путешествия, сначала с одной турфирмой, а потом организовав свою самостоятельную тургруппу, с которой проездил лет пять. А незадолго до этого, впервые в жизни, взял в руки фотоаппарат, цифровичок

по имени сонька. Очень быстро сонька уступила место другому, помощнее, а затем я и вовсе обнаглел и ухлопав все свои сбережения, да еще и одолжившись впервые в жизни, приобрел уже вполне приличный кэнон. Вот настолько захватило меня мое увлечение. А через полгода меня пригласили, совершенно неожиданно, в один крупный интернет проект заниматься именно тем, чем я увлекся. Теперь уже за зарплату. Колебался я всего месяца два и согласился.

Иногда я спрашиваю себя – а если бы я не следовал своим увлечениям, а продолжил то, с чего начал? Был бы я все тем же человеком или стал кем-то совсем другим. Но, времени у меня всегда мало, а всяких дел много, что ж я буду тратить эти крохи на глупые мысли. Как говаривал мой старый друг – дурак думкой богатеет. Я же богат своими коньками.

Часть 16: Жenuля

Эта глава, написанная довольно давно, носила другое название – Моя половина. И вот, решившись ее опубликовать, я начал сомневаться в названии. Во-первых, кто тут и чья половина. Во-вторых, и это вы поймете из содержания, Симуля не тот человек, который согласился бы быть чьей-то там половиной. И в-третьих, и главных, что значит моя? И поэтому я выбрал более нейтральное название. Родителей и начальство не выбирают. Это вопрос везения. Почти аксиома. Но вот друзей и любимых выбираем мы сами. И если с друзьями дело обстоит именно так, то с любимыми чуть по-другому. Мы ли их выбираем, или они нас. Поверьте, вопрос совсем не праздный. А еще мы выбираем увлечения, профессии, направление пути, где нам жить, что нам есть. Многое, короче. А вот с любимыми закавыка.

Я так часто в своей жизни влюблялся и так много любил, что могу смело сказать, что не было такого дня, когда бы я кого-нибудь не любил. Тем более, что любил и люблю очень многих близких и даже не слишком близких мне людей. Верно, меня недолюбили, вот я и ищущу эту любовь повсюду, хотя чего ее искать, коли она меня никогда и не покидала. Но что-то я не о том говорю, словно боюсь на-

чать о главном. Вернусь-ка я на землю, точнее, в небеса.

Я возвращался из Москвы, где провел у друга свой отпуск. Ждал самолета в отстойнике Внуковского аэровокзала. Услышал родную молдавскую речь и множество черноволосых и востроглазых соплеменников, пока мой взгляд не остановился на ней. Она сидела в стильном черном вельветовом костюмчике, с черными очками в поллица, но лицо... Я, конечно, не понял тогда, что капкан захлопнулся и что моей независимости пришел конец. А ведь совсем недавно я развелся с первой своей, московской, женой и даже в страшном сне не звучал для меня больше марш Мендельсона-Бартольди.

Посмотрел я на нее, впечатлился, и все. А потом мы сели в самолет, рядом со мной сидел один из музыкантов ансамбля "Жок", который возвращался из длительных гастролей по России, а все эти молдаване вокруг были его артистами. И вдруг незнакомка в черном подходит к своему коллеге, как выяснилось чуть позже, и просит поменяться с ней местом, т.к. у нее разболелась голова, а в том отсеке, где она сидела, очень шумно. Еще бы не шумно – это же молдаване, артисты, да еще возвращающиеся на родину. И вот рядом со мной сидит она, уже без очков, и я не могу оторвать от нее глаз. Но лицо

немного измученное, и я понимаю, что она действительно плохо себя чувствует.

Мы разговорились, по ходу дела я собрал краткий анамнез, из которого выяснилось, что несколько лет назад с ней случилось несчастье. Она была отобрана в числе 20 самых красивых девушек ансамбля "Жок", которым было поручено преподнести цветы дорогому Леониду Ильичу Брежневу, посетившему Кишинев. И она в составе этой группы бежала по лестнице навстречу Ленечке, но споткнулась, упала и головушкой своей приложилась к ступенькам. Сотрясение мозга. Пролежала недельку и вновь за работу. А головные боли стали ее спутниками. Что ж, ей повезло, встретила она своего врача, который 5 лет ее лечил и таки избавил от головных болей. Первый рецепт я ей выписал прямо в самолете, а еще взял телефон ее общежития и дал телефон своей тети, у которой в то время проживал.

А через три дня мы встретились, и встреча эта длится вот уже ровно 39 лет, если считать с момента процедуры кольцевания.

Просто к сведению, как курьез, скажу, что с первой своей женой я познакомился в поезде, следующем на этот раз в Москву. А уезжали мы на нем с Каролина-Бугаза от холеры, и поезд этот был по-

следним, и набилось в него столько народа, что все 7 часов, что я ехал, я простоял практически на одной ноге. А рядом, буквально втиснувшись в меня, стояла моя будущая жена. Но не будем о печальном, вернемся к моей истинной половине, Серафиме. Я говорю о ней – жenuля, звать Симуля. В быту она просто Мусик, иногда доамна (госпожа) Серафима, но чаще всего все же Симуля.

Говорят, что браки заключаются на небесах, и хоть я абсолютный безбожник, но в данном случае именно так и произошло, на высоте 10 тыс метров. А еще я думаю, что не заслужил такую жену, и мог бы три жизни прожить, а так и не встретить ее, а еще, что дуракам везет.

Только не подумайте, что жить с такой женщиной – это купаться в блаженстве. Когда Симуля входит в дом, то я весь подбираюсь, т.к. твердо знаю, что первое, что услышу от нее – это что-то вроде – что тут валяется?, или – меня ждешь, чтобы посуду вымыла?, или... Нет, какой смысл перечислять, потому что повод может быть какой угодно, а цель одна – заявить о себе и приструнить меня. И это женщина, которая до сих пор так и не призналась мне в любви, и шансов на это просто нет.

Что в любви так и не призналась, в том никакой беды нет, и вообще я не припомню, чтобы спрашивал у своих любимых хоть раз – любят ли они меня. Мне достаточно было того, что я их любил, а взаимно ли это чувство, то разве в словах нужно тому искать подтверждение? Я это и так знал и очень остро ощущал – и когда была взаимность, и когда ее не было. А уж с Серафимой, то тут и гадать не нужно, ну не люби она меня, да разве стала бы она треть века водить меня строем и пытаться постоянно и неуклонно переделать мой дурацкий и совсем не легкий характер. Да все мои учителя и родственники, даже самые дорогие, не уделили мне столько внимания и неравнодушия, как моя драгоценная и лучшая половина.

Молдавские женщины вообще особого замеса, и я искренне считаю, что лучших просто нет на свете. Мало, что красивы, темпераментны, энергичны, самостоятельны, главное в них то, что, похоже, они сами о своей красоте даже не подозревают и потому поведение писаной красавицы и дамы "так себе" ничем практически не отличается. Все то же достоинство, живость, бьющая через край энергия и никакого чванства или зазнайства. Ну, разве что попадетса совсем глупышка и будет ходить, задравши нос.

Так вот, Симуля от всех них отличается именно тем, что действительно знает себе цену. И на это у нее есть масса оснований. А более гордой женщины я вообще не встречал. И все она таит в себе. Пожалуй, лишь 2-3 раза за нашу совместную жизнь она поделилась своими печальями и даже всплакнула. Я даже испугался один раз, подумав, что дела совсем плохи. Полночи успокаивал женулю и извелся так, как за неделю в своей психушке не смог бы. И вот именно в этой независимости, самостоятельности мы с ней сходимся как ключик и замочек. Правда, я способен выболтать о себе почти все, делясь с близкими мне людьми всем, чем ни попада. Только не своими горестями и самыми глубокими ранами. Это и я придерживаю про себя.

В 16 лет Сима ушла из дома и начала самостоятельную жизнь. Танцевала в самоделке, заведовала сельским клубом, была замечена профессиональным коллективом и поступила туда на работу, через год ее переманили в "Жок", а это высшая школа мастерства в народном танце, а в советские времена этот ансамбль был в числе 3-х самых лучших на всю страну. Попастъ туда без хореографического образования где-нибудь в школе Игоря Моисеева было немислимо. Она же не просто попала, а была красой и гордостью "Жока", солисткой в танце с знаменитым танцором, который после них вряд ли

кто восстановит. Танец назывался "Баба мя" (Моя женщина, моя половина, моя жена). После 20 лет танцев вышла на пенсию, устроилась в школу хореографом, и теперь уже ее ученики пополняют ряды "Жока".

Заразилась от меня жenuля страстью к путешествиям по родному краю (по маме Симуля украинка), наследовала мою прежнюю фототехнику и щелкает напрапалую. Изъездили мы с ней многие десятки тысяч км. Правда, в отличие от меня, путешествовала она и по нашему шарикy, лишь в Австралии не была, болела, да в Индии – рожала нашу дочку. Все остальные континенты и десятки стран ей знакомы не понаслышке. Иногда я ей зачитываю свои глупости, и однажды у нее таки вырвалось – пишешь ты хорошо, но тут же добавила что-то менее вдохновляющее. И клянусь вам – большей похвалы я в жизни своей не получал.

Когда я встретился с Симулей, моя бабушка была еще жива. Я, конечно, их познакомил. Бабушка моя, человек осторожный и даже недоверчивый, влюбилась в нее с первого взгляда. И чувство ее было взаимным. То же самое произошло и с моей мамой, тетей, кузиной. Да что там родственники – все, кто ее знают, души в ней не чают и прислушиваются к каждому ее слову. Таким авторитетом редко кто

пользуется – не подхалимски-показным, а чистой воды и высшей пробы. Один я осмеливаюсь этот авторитет подвергать сомнению в силу врожденного уродства моей личности. Я же любые авторитеты подвергаю сомнению и ни одному из них не следую слепо. Даже симулиному. Но я всегда с ней соглашаюсь, ну, на худой конец, отмалчиваюсь, а делаю по-своему. Как и она, впрочем. Вот таких два кремешка рядом катятся, искрят, а не разбегаются. Чудны дела твои, тот, которого нет.

Чтобы вы могли получить более полное впечатление от этой удивительной женщине я предлагаю вам просмотреть музыкальное слайд-шоу, которое я слепил к одному из Серафиминых юбилеев. Ведь словами всего не расскажешь.

<https://www.youtube.com/watch?v=3NWXkFj-yYE&index=12&t=0s&list=PLjWYbU1rn0pX1ivGhbIS4TL5XVxVzCYAL>

Глава 17: Природа

Природа без человека мертва, а с человеком больна. Вроде бы сказал о природе, а получилось о человеке. И вправду, разве без воспринимающего ее человека эта природа обладала бы какими-то чертами, могла бы быть описана, опоэтизирована, волновала бы и возбуждала столько чувств, споров, борьбы. Но человек тоже часть природы, именно она его и породила и наделила способностью развиваться, расти, познавать, восхищаться. Да вот беда – этот неожиданный ребенок слишком быстро подрос, обособился и отделился от родительской семьи. Природа же, породив его, воспитывала только с помощью испытаний, словно бы и вправду знала, что это дитя иного языка просто не поймет. Впрочем, природа и всех иных чад не слишком баловала, но и не воевала с ними и не мстила им, лишь предостерегала.

Но люди, по счастью, непохожи друг на друга, и непохожесть эта, в частности, касается и того, как мы общаемся с матерью-природой. Вариантов не слишком много, но грани между ними довольно четки. Большинство придерживается принципа, что природа – это то, что необходимо изменить, приспособить к своим, чисто человеческим нуждам, но при этом все же сохраняют уважение к ней и стремятся

как-то ограничить размер нанесенного ущерба. Другие, которых меньше, но именно они самые активные из всех, лишь эксплуатируют природу и ее дары и убеждены в этом своем праве, преследуя порою очень даже прогрессивные цели – накормить всех, развлечь, сделать счастливыми. У этих людей короткая память, но гигантское честолюбие и размах. Так и хочется сравнить их с бульдозером на автопилоте, который все снесет на своем пути, подчиняясь заложенной в него программе.

Сделаю маленькое отступление. О человеке, конечно. Очень несовершенное существо этот человек. И главное его несовершенство (неужели природа его таким сделала, или он обрел его самостоятельно?) – это фатальное неумение предвидеть последствия своих поступков и очень короткая память. Т.е. он всегда между прошлым и будущим, но при этом отрезан от них почти напрочь. От прошлого из-за памяти, от будущего из-за гордыни, но можно сказать, что из-за глупости или невежества не менее.

Но есть все же еще одна категория людей, которые еще не обрезали пуповину, связывающую их с материнским организмом. Именно они и возвращаются нередко в лоно природы, и им человечество обязано тем, что о природе еще помнят не только

как о источнике благ материальных, а как о чем-то вдохновляющем, питающем надежды и взывающем о милосердии. И не только к природе, вот что удивительно, а и к человеку. Но может быть, я все слишком усложняю, и весь этот пафос здесь совершенно неуместен, т.к. общение с природой есть вещь глубоко интимная, очень личная и не терпящая суесловья. А еще это, наверное, единственное (разве что искусство вровень с ним) бескорыстное и трепетное чувство, которое помогает человеку избавиться от стесняющих его пут маеты и суеты, заставляющее задуматься не только о личной судьбе, но и помогающее приблизиться к понимаю куда более значимых и обширных вещей. Да и общаются эти люди с природой всяк по-своему, и не факт, что то, что назовет природой один, для другого будет значить то же. Вон, японцы вообще с природой ни на миг не расстаются, и не только взбираясь по склонам Фудзи или высыпая всей страной под ветви цветущей сакуры. Для них природа -это и крохотное деревце в кадке, и садик величиной с письменный стол, где один лишь хризантемовый куст растет. Ведь даже выезжая куда-нибудь очень далеко, чтобы полюбоваться красотой каких-то природных чудес, мы общаемся с ними в глубине своей души. Я говорю об этом так – красота разлита повсюду, но чтобы увидеть ее, недостаточно пошире открыть

глаза, нужно еще и распахнуть навстречу ей свою душу.

Совсем разболтался, вон уже сколько про душу наплел, а о природе почти ничего. Но тут все довольно просто – чтобы рассказать о природе, одних слов недостаточно. К ней нужно приобщиться, вступить с ней в интимный контакт, это сродни общению между любящими. А если уж рассказываешь, то или должен быть поэтом, или незаурядным художником (фотографом), но это все равно не заменит личной встречи.

Я живу в очень маленькой и очень красивой стране. Стране хоженной-перехоженной, распаханной и размежеванной, но и в ней есть такие заповедные места, где очень редко кто бывает, а порою попадаешь и в вовсе нехоженный уголок. И тому есть несколько причин – первое – это то, что страна моя бедна, и у ее людей просто не хватает душевных сил оглянуться вокруг, настолько они погружены в будничные заботы. Вторая, опять же проистекающая из бедности, это плохие дороги, а то и вовсе их отсутствие. И два этих несчастья позволяют ищущему найти для себя места, где он остается наедине с нетронутой и не исковерканной человеком природой.

С раннего детства я был в буквальном смысле погружен в эту молдавскую природу, чувствовал себя как дома в любом лесу, балке, на любом озере или речке. Я насквозь пропитан этой природой и чувствую себя наедине с нею куда лучше, чем даже в кругу знакомых и симпатичных мне людей. А к городам вообще отношусь очень пристрастно и все меньше их люблю. И вот все впитанное мною в детстве и юности странным образом вновь во мне проросло спустя несколько десятилетий, и я не просто стал навещать памятные мне места, но погрузился в молдавскую природу с головой, все расширяя круги своих путешествий. Да еще привлек к этому большую группу своих друзей и родственников, с которыми проездил много тысяч километров по родному краю. Но чем больше я путешествовал, чем больше я снимал, а потом и писал об увиденном и пережитом, тем больше понимал, что до конца моих путешествий еще далеко и вряд ли я их успею завершить.

Глава 18: О вечном и сиюминутном

Такой главы своих очерков я не планировал, напрашивались совсем другие темы, Учителя и школы, например, или об именах и названиях, но никак не о кладбищах, могилах и усопших. Но вот оно, благо общения, пусть даже только виртуально; вдруг встречаешь человека, а если повезет, то и нескольких, при общении с которыми мысли твои вдруг приобретают совсем иное направление, заставляют задуматься и даже высказаться о чем-то, что иначе, быть может, вовек из тебя не вылилось.

Это счастливые и довольно редкие случаи, когда встречаются собеседники, с которыми общаешься на одной волне, и это вовсе не означает, что твои и его взгляды во всем сходятся и между собеседниками царит нерушимое согласие. Нет, просто твои усилия навстречу другому внезапно оказываются поддержанными, и уже не жалеешь, что лишний раз рот раскрыл и наплел с три короба. А на эту тему меня подвигла одна "кладбищенская" публикация моего друга в интернет-форуме, и захотелось сказать на эту тему кое-что свое.

Я вспоминаю судьбу родственников своей мамы – ее отца, мамы, ее двоюродного брата, все они погибли трагически, все в военную пору, и у двоих

из них – отца и брата, и вовсе не оказалось могил. Первый сгинул с артбатареей в белорусских лесах и так и остался в списках пропавших без вести, а второй погиб в небе над Харьковом, когда пилотировал самолет с местным начальством, пытавшемся покинуть город при приближении немцев. А мама, т.е. моя бабушка, умерла в начале войны под Киевом, и могилка ее затерялась, и моя мама так ее никогда больше не нашла.

Не видел я и могилы своего деда по отцовской линии, который умер относительно молодым, еще до войны, и бабушка никогда не говорила мне о том, где он похоронен, и не навещала его могилу. Может, время было такое, что подобных "безмогильных" ушедших оказалось слишком много, а может, память человеческая все же не так прочна, как принято о ней думать, кто знает?

Если же говорить о самом себе, то я очень люблю кладбища, причем с детства, а одно время даже жил неподалеку от старейшего, Армянского, кладбища Кишинева и гулял в нем, как в парке. Очень оно было живописно и уютно. Там можно было найти могилы не только начала 20-го, но и 19-го века и даже старые турецкие могилы, насчитывающие 300-400 лет. Ныне этих старых могил практически нет, а на их месте высятся шикарные мо-

нументы, а то и целые подземные многоэтажные склепы, забетонированные, как бункер рейхсканцелярии. Не зря кладбищенский бизнес всегда был прибыльным и с годами только повышал свою рентабельность.

Я не верю в богов, загробную жизнь, перевоплощение и вообще в то, что кто-то или что-то может помочь человеку в его кратких скитаниях по жизни. И уверен, что вот эта самая, единственная и неповторимая жизнь – это наш уникальный шанс что-то понять, что-то выразить, что-то оставить после себя миру; кого-то согреть, кого-то пожалеть, с кем-то подружиться, и непременно любить, любить, любить. А уходя – уходим насовсем и очень быстро растворяемся в океане вечного ничто, ведь хоть мы и состоим из этих сгустков энергии, называемых атомами, волнами, частицами, но в такой уникальной комбинации встречаемся только раз. Я не пытаюсь тут теоретизировать или спорить о том, что, мол, дух наш вечен, а после смерти тела он вливается в некое коллективное поле, сферу или разум. Для меня так вопрос не стоял никогда, и еще в раннем детстве, лет в пять, я понял это окончательно и бесповоротно – я непременно умру, и ничего после меня не останется. С годами эта уверенность только росла и стала совершенно непоколебимой, а я не то чтобы с нею смирился, а просто принял ее как дан-

ность, и чем дольше живу, тем более понимаю, что и от жизни можно устать и не слишком печалиться по поводу ее утраты. Но вот пока живешь, должен напрягаться по полной, не давая себе роздыху и пощады, ко всему относиться как к первой и последней попытке, все доделывать до конца, а если что останется незавершенным, то в том не должно быть твоей вины.

Вон куда меня занесло, вон чего опять наплел, столько ненужных слов произнес, но все это именно то, что я думаю и во что я верю, и отступить от этого не могу никак, иначе вся моя жизнь окажется напрасной и пустой. И вот почему я так люблю бывать на кладбищах, я словно чувствую, что среди тех, кто нашел здесь свой последний приют, есть и те, кто думал примерно так же, как и я, и что это не место скорби, а именно упокоения, вечного и нерушимого покоя, который каждый живущий рано или поздно заслуживает и обретает.

Если честно, то я предпочел бы, чтобы у меня и вовсе не было могилы, чтобы меня сожгли и развеяли, а если уж это невозможно, то похоронили вблизи села, где прошло мое детство, на маленьком сельском кладбище, на холме, откуда открываются потрясающие виды на поля и Кодры. Но вряд ли это произойдет, знаю я своих родственников, не за-

хотят они потом ехать в такую даль. Но это уже не моя проблема.

Так как я затронул тему кладбищ, то просто хочу сообщить вам пару фактов, касающихся кишиневских кладбищ.

Кишиневское городское кладбище – огромных размеров, самое большое в Европе. Если так пойдет и дальше, то через каких-то лет 100 и оно станет больше самого города. Еще на закате советской власти было принято решение построить крематорий, в первую очередь это связано с тем, что мы очень маленькая страна и каждый клочок земли у нас на вес золота. Были начаты работы, но тут грянула сначала перестройка, потом пришла независимость, источники финансирования иссякли. Но не это оказалось главным – воспротивилась наша православная церковь, а она у нас очень влиятельна. И попов понять можно – больше половины своих доходов, а может, и намного больше, они получают от погребальных церемоний, которые в Молдове отличаются исключительной сложностью и изощренностью. По этому случаю вспоминается анекдот:

Еврейская мама учит сына:

- Моня, первый раз женись на русской, они такие красивые. А второй раз на украинке, она тебя так откормит. А последний раз женись только на молдаванке – они таааак хоронят...

Вот так Кишинев остался без колумбария и стал кладбищенским рекордсменом. Есть в городе еще старое Армянское кладбище, но там хоронят только великих и очень богатых. Причем, в основном поверх чьих-то прежних могил. Есть еще католическо-армянское и еврейское кладбища. Но там хоронить почти некого – евреи давно уехали, армян мало, католиков тоже не густо.

Эта глава получилась не слишком мажорной и все, кто ее прочли, скорее всего подумали, что она заключительная во всем цикле моих бормоталок. Надо же когда-то заканчивать, так и я было подумал. Но почему-то мне кажется, что за этой главой последуют и другие, и будет их немало, а некоторые я даже начал писать. Но торопиться не буду, хотя пишу я очень быстро, но прежде долго думаю о том, что хочу написать. А потом совершенно незначительное событие, встреча, разговор, впечатление вдруг дают тебе толчок, и все становится на свои места. Я не писатель и не живу для того, чтобы писать. А пишу потому, что все чаще обнаруживаю,

что просто не с кем поговорить по душам. Вот и разговариваю с самим собой.

Глава 19: Кровь и почва

В силу каких-то мне самому не слишком понятных причин я очень не люблю громких слов, вроде родина, патриот, патриотизм, национальная идея. Моя нелюбовь распространяется не на сами эти слова, а на то, как они в большинстве случаев произносятся – громогласно, с битием в грудь, особым пафосом и надрывом. Слова эти сами по себе обозначают нечто значимое, родное, близкое, даже интимное. Вот именно последнее, т.е. любовь к родине, т.е. месту, где ты родился, прожил и где упокоишься, вызывает такое отторжение этих слишком часто и по ничтожному поводу произносимых слов. Ведь любовь – чувство потаенное, сугубо частное, очень индивидуальное и трепетное. Ее так легко спугнуть неискренностью, грубостью, ложью. Любовь нужно таить и беречь от вторжений. Иначе грош ей цена, ведь жизнь – не подиум, не телеэкран и не эстрада. И именно поэтому я так поздно решил все же кое-что сказать о том, что для меня родина. А еще точнее – кровь и почва. Кровь, доставшаяся от предков, и почва, на которой я вырос и в которой обрел покой. Это очень конкретные и родственные понятия, а в сочетании они и есть то, что я называю родина.

Когда я перешагнул за 50, то почувствовал настоятельную потребность собрать воедино все, что возможно, о своих предках, обо всех этих дедушках, бабушках, а также пра- и пра-прадедах. А по-возможности и о тех, кто с нашим корнем породнился и стал частью нашего родословного дерева.хлопотное оказалось дело, особенно трудно было вытащить из чужих семейных альбомов старые фотографии, а затем еще буквально по капле выудить сведения об этих пожелтелых ликах – кто, где, когда и т.д. Худо-бедно, но с этой задачей я все же справился, выстроил древо в семь поколений, в котором участвовали двадцать одна фамилия и десятки отпрысков этих фамилий. Собрал это в специальную компьютерную программу и сделал презентацию для всех ныне живущих и доступных. Встреча получилась замечательная, а многих из присутствующих я впервые увидел. Но как радовались старшие среди нас, ведь некоторые из них в силу болезней и физических недостатков из дому не выходили месяцами, а тут вдруг встретились, пообщались, разговорились, почувствовали себя еще нужными и кому-то интересными. Именно на этой встрече сделано последнее фото моей мамы, за две недели до ее смерти.

Но я чуть отвлекся, ведь собирался рассказать о кровях этих самых, которые влились в меня из

разных таинственных источников. И вот в результате этих генеалогических исследований выяснилось, что больше всего во мне крови польской, причем сразу с двух сторон – и по матушке, и по бабушке. Оказалось, что мой прапрадед был поляком, ксёндзом, и была у него дочка, которая вышла замуж за моего прадеда, молдаванина. Это по отцовской линии. А по маминой все еще ближе – мамин папа, а мой дед, был чистокровным поляком и после революции бежал из Польши, ассимилировался в Украине, фамилию сменил с Дзембовского на Зубчевского, стал красным командиром, кавалеристом, командовал отрядом или эскадронам, воюя с бандами на западе Украины и Белоруссии. Затем стал артиллеристом, дослужился до майора и сгинул в белорусских болотах в 1942 году, пропал без вести. Мама же моей мамы была украинкой, но не исключено, что с порядочной примесью еврейской крови, мама об этом в своих воспоминаниях писала как-то уклончиво, и полной определенности на этот счет я так и не имею. Но вот вам пока две линии – польская и украинская.

Дед по папе был в основном молдавских кровей, но и с известной уже нам примесью крови польской, по своей бабушке, а моей пра-пра-бабушке. Женат он был на моей бабушке, в девичестве Григорьевой (просто казацкая фамилия, но уж точно рус-

ская). О ее предках я практически ничего не знаю – был еще глуп и юн, пока она жила, а когда вопросы возникли – бабушки уже не стало. Но эта струйка русской крови, несомненно, в меня влилась, это факт. Итак, еще две линии – молдавская и русская. Итого, как минимум, четыре, а может, и пять (еврейская под вопросом).

И вот я спрашиваю себя, так кто же я по национальности? И что всего удивительнее – точно знаю ответ на этот вопрос и никогда не испытывал сомнений в нем. Конечно, молдаванин. Вот так мы плавненько сошли с пути кровного и вступили на путь почвенный, т.е. молдавский.

Родился я в самом центре Молдавии, в Каларашском районе, одном из 4-х, которые входят в зону молдавских Кодр (Центральной молдавской возвышенности), в старом молдавском селе Садова, расположенном в низине среди знаменитых лесов, виноградников и фруктовых садов. Там прошли первые 5-6 лет моей жизни, затем семья переехала в другое село того же района – Бахмут, а потом в его придаток – станцию Бахмут, опять же у подножья молдавских кодр, у знаменитого заповедника "Буковый край". Т.к. я уже писал об этом, то не буду повторяться, но все же замечу, что молдавская природа, все эти леса, озера, балки, речки, луга и сады

стали частью меня, и воспоминания о детских годах в окружении этой природы – это самое дорогое из того, что сохранили моя память и мои чувства. И никогда, даже в самые трудные времена и при наличии реальных возможностей, я не помышлял поменять эту землю ни на какую другую и никогда ни разу об этом не пожалел.

Тогда же, в самом раннем детстве в меня вошел и молдавский язык и стал родным мне, до 7 лет вне дома я общался со сверстниками только по-молдавски, дома же мы разговаривали по-русски, и книжки, которые я начал читать, тоже были на русском. А потом школа, институт, и тоже все на русском. Вот так я обрел два родных языка – молдавский и русский. Только, к глубочайшему моему сожалению, молдавским я все же владею хуже, он как бы менее развит, грешит просторечиями, лексикон его существенно уступает русскому. И поэтому, когда я хочу сказать или пояснить какую-нибудь более сложную ситуацию или проблему, то я перехожу на русский язык. Но стараюсь никогда не мешать – в пределах одной мысли, по крайней мере, – оба этих языка. Из уважения к обоим – ведь они мне родные. И кто же я теперь, уже по почве да еще и языку? Ответ все тот же – молдаванин.

Только уверяю всех, кто согласится поверить мне на слово, никакой такой особой гордости по этому поводу я не испытываю, это просто факт моей биографии, мое самоощущение и даже фатальность моей судьбы. И не стал бы я об этом вообще говорить, не начни я писать все эти бредни о себе и своих близких. Ведь это касается только меня и никого более – кем я себя считаю и кем себя ощущаю – поляком, русским, украинцем или молдаванином. Ведь не распространяемся же мы направо и налево о наших сердечных тайнах. Не бьем себя в грудь и не размахиваем знаменами. Вот такое нешумное родственное чувство владеет мною.

И все-таки, а как же быть со всеми этими кровями, что переданы мне в наследство, неужели они никак не влияют на мою судьбу, не определяют образ моих мыслей, моих привязанностей и предубеждений? Можно, конечно, сказать, что кровь у всех красная и исполняет совсем иную функцию, чем определяет твою принадлежность к той или иной нации, а все остальное, мол, от лукавого и от нашего блудомудрия. Ведь люди так часто создают умственные химеры, затем подчиняются им и начинают их проповедовать, а порою и навязывать всем остальным. Но это как бы за отсутствием иных аргументов. Я же меньше всего подхожу на роль учителя, проповедника или мессии. Никого и никуда за

собой не зову, ничего своего не навязываю, но в той же мере не терплю покушений на свободу моего выбора. Может, именно поэтому я и не даю разыграться в себе ни одной из кровушек. Этот выбор я предоставляю только своей совести и здравому смыслу. Последний, правда, способен и изменить, тогда на помощь приходит ирония. Никакой, короче, из меня патриот.

Глава 20: Воспитатели и наставники

Благословен тот, кто, начиная мыслить, охранен наставником, и познавая женщину, охранен любовью.

Юрий Карлович Олеша

Мои первые опыты в мемуарном жанре и ваше к ним отношение заставили меня всерьез задуматься. В первую очередь о том, что я никогда не собирался ничего подобного писать и уж тем более обнародовать. Во вторую – о моем стойком убеждении в том, что это кому-то может показаться интересным и нужным. И, в-третьих – что моя частная жизнь вообще достойна быть представлена на рассмотрение и обсуждение.

Я не пишу художественной прозы, т.к. не умею "выдумывать", не пишу стихов, т.к. не обладаю необходимыми для этого качествами и, в первую очередь, талантом. Но и просто "вспоминать" я тоже не умею. Каждое воспоминание, если оно касается важных лично для меня моментов, требует от меня неких обобщений, некоторой типизации. И это не потому, что я считаю себя типичным примером

чего-либо, а потому, что жил в определенное время и сталкивался со знакомыми всем вам проблемами и в меру своих сил и способностей пытался их понять, осмыслить и сделать для себя какие-то выводы, а все это вместе взятое в конечном счете сформировало меня и сделало таким, каков я есть. Хотя на вопрос – кто я, откуда и куда иду – я скорее всего так и не получу ответа. Но здесь важно само стремление задавать эти вопросы, а не получать на них ответы. Ответы нам подбрасывает сама жизнь, но не всегда мы готовы их услышать.

До сих пор я как бы вырывал эпизоды или даже целые периоды из своей жизни, чтобы осмыслить их, в том числе и для себя самого, и выбор их был скорее делом случая, чем частью какого-то плана. Но я же пишу не автобиографию, а нечто вроде эссе на заданные темы. Но настало время приостановиться и ответить на несколько вопросов. Первый из них, если я таков, каким вы меня уже немного знаете, то кто и что повлияло на эту "таковость-каковость", уж извините за неблагозвучие. На вопрос что? я уже частично ответил – это книги, хотя речь шла в основном о детском чтении пусть и не всегда детских книг. Но в дальнейшем я не стал развивать эту тему. Но думаю, что придется. Правда, во второй части заявленной темы. А первую я хотел бы посвятить тем людям, которых я встречал

на своем пути и которые и по сегодняшний день являются для меня недостижимым образцом и которых я вспоминаю постоянно. И никогда не забуду.

Больше всего я не люблю долгов. Самое мучительное для меня состояние – это знать, что я что-то кому-то должен. Это не касается, правда, долгов, которые взвалил на себя добровольно и которые правильнее было бы назвать обязанностями или ответственностью перед кем-то или чем-то. Но есть одна категория долгов, которые я ощущаю как совершенно неоплатные, и которые настолько срочлись с тобой, что уже не поддаются оценке и не воспринимаются как некое внешнее обстоятельство. Это долг перед теми, кого уже нет.

Признаюсь честно, что я очень долго колебался перед тем, как взяться за эту тему. Я просто боюсь, что мне не хватит такта, мудрости и любви, чтобы сказать то, чего они действительно заслуживают, эти люди, столь счастливо встреченные на моем пути. И лучше я уж чего-нибудь не договорю, чем скажу лишнее и пустое о них.

Бабушка

Не было в моей жизни человека, который бы любил меня так, как моя единственная бабушка. Она любила совершенно бескорыстно, ничего не требуя взамен. И она абсолютно доверяла мне во всем. И вот это сочетание любви и доверия, наверное, оказало на меня самое большое влияние. Ничто другое не могло повлиять на меня в такой степени, тем более, что я с детства отличался своеволием и всегда старался самостоятельно принимать любые решения, что на протяжении жизни не раз выходило мне боком, но от чего я не откажусь до своего последнего часа.

И эта совершенно беззаветная любовь моей бабушки была тем более удивительна, что бабушка была фантастически волевой, целеустремленной и практичной женщиной, с поистине командирским характером. Этаким "Наполеон в юбке". Она всю свою жизнь пыталась, и не без успеха, влиять на жизнь своих близких, а нередко и посторонних людей. Жизнь ее сложилась не очень удачно, во многом из-за характера и усвоенных ею принципов. Она рано потеряла мужа, т.е. моего дедушку, которого я не знал и о котором от бабушки тоже почти ничего не узнал. Он вроде бы попивал, поигрывал, и умер в неполных 45 лет. Бабушка никогда более

не пробовала выходить замуж, ей это было просто не нужно, она была самодостаточным человеком. В молодости она под присмотром опытного кулинара научилась готовить. Таких супов и жаркого, которые готовила бабушка, я никогда ни до того, ни после более не пробовал. Это была пища богов.

В дальнейшем бабушка закончила школу медсестер, еще румынскую, и затем работала медсестрой, старшей медсестрой районной больницы, а последние годы своей трудовой биографии она провела акушеркой в селе, где жили мои родители и где я родился – в селе Садова Каларашского р-на, центре молдавских Кодр. Работа сельской акушерки – это далеко не то же самое, что под этим понимают в современной медицине. Ведь бабушка была тогда единственным медработником села, и кроме того, что, пожалуй, полсела прошло через ее руки, она оказывала любую медицинскую помощь, на которую была способна. Я за малостью лет не знал подробностей ее медицинского служения, но уже спустя многие годы я помню, как к бабушке приезжали в Кишинев, в нашу комнату, где мы жили вдвоем, женщины-крестьянки, низко ей кланялись, целовали ей руки и называли ее только "мадам Продан". И всегда оставляли деревенские гостинцы. Так в селе относились раньше только к еще одному человеку – местному батюшке. Мне это врезалось в память на-

всегда, т.к. я хоть и не понимал, за что бабушке такая честь, но гордостью за нее эта картина меня просто переполняла.

Бабушка никогда не читала мне нравочений, не говорила о добре и зле, не грозила карами за грехи, тем более, что была она, по-моему, совершенно нерелигиозна, и я не припомню, чтобы она даже в старости посещала церковь, крестилась или молилась. Я весь в нее в этом отношении. Но некоторые бабушкины шутки, меткие высказывания, врезались мне в память навсегда. Одно особенно: я не так богата, чтобы покупать дешевые вещи. Я в душе посмеивался над ним, пока однажды не прикупил чудные французские ботинки на собачьем меху французской фирмы "Андре". Стоили они умопомрачительных 45 рублей. Когда лет через 8 я со слезами на глазах решил их выбросить, т.к. у одного из них лопнул верх, но зато были целы молнии, совершенно не стерлась подошва, а мех, хоть и слежался, но по-прежнему грел и нигде не отклеился, – только тогда я впервые осознал бабушкину правоту. Понадобилось мне для этого всего ничего – прожить лет 25-26 на этом свете. В дальнейшем я от этого бабушкиного совета не отступал почти никогда, а если случалось, то всегда затем сожалел об этом.

Я уже говорил, что бабушка была командиршей. Без ее ведома и одобрения в нашей семье не происходило ничего. Моя мама, тот еще кремешок, пострадала от этого, пожалуй, больше всех. А связано это было с моим отцом. Папа был очень хорошим человеком, но абсолютно покорным сыном своей мамы, т.е. моей бабушки. Ее слово было для него всегда решающим. И меня это всегда поражало – как бабушка не дала вольной моему отцу, но совершенно не пыталась контролировать меня. Видно, я был ее последней любовью, которая позволила ей отступить от своих принципов. Я же до конца своих дней за эту любовь и доверие останусь благодарным своей любимой и единственной бабушке. Умерла она в 1980 году, на 81-м году жизни.

Пусть будет земля ей пухом.

Дядя Саша

Об этом замечательном человеке, двухметровом гиганте с рыжеватой бородой, т.к. он был священнослужителем, я могу рассказать очень мало. Он умер, когда мне едва исполнилось пять лет. Но я помню этого человека, словно только вчера с ним расстался. Встречались мы с ним, когда мама при-

возила меня в Кишинев, и вряд ли таких встреч было больше 4-5. Я помню их, как одну большую и непрекращающуюся встречу.

Дядя Саша был мужем сестры моего дедушки, т.е. мужа моей бабушки. У них был сын, Дима, который погиб в 17 лет при трагических обстоятельствах. Больше детей у них не было. И дядя Саша как-то сразу привязался ко мне и при каждом удобном случае забирал меня на весь день и шел со мной гулять по Кишиневу. Старому Кишиневу, еще не оправившемуся после войны и довоенного сильнейшего землетрясения. Он водил меня гулять в основном в самую старую часть Кишинева, нередко мы доходили до старинной Мазарикиевской церкви, стоящей над рекой, точнее, речушкой, Бык (Бычок). Все эти прогулки настолько врезались мне в память, что я помню абсолютно все посещенные с ним места и, будь я художником, сумел бы, наверное, даже нарисовать некоторые здания, от которых ныне не осталось и следа. Церковь, в которой он служил, располагалась на территории старого Армянского кладбища, по которому мы тоже гуляли. Именно после этих прогулок я навсегда полюбил это место и в юности даже назначал здесь девушкам свидания. Оно и сейчас очень уютное и похоже на парк. Ныне там хоронят только по спецразрешениям и только очень видных деятелей.

Я не помню наших с ним разговоров, слишком мал был, но точно помню, что он тоже никогда не читал мне морали, не говорил о религии, не "воспитывал". Он меня просто любил и, по-видимому, отдыхал со мной душою. Исходившие от него любовь, нежность и какое-то грустное обаяние навсегда остались во мне.

Дядя Коля

Николай Христофорович Анестиади, муж моей родной тети, т.е. сестры отца и дочери моей бабушки. В его семье я прожил несколько лет. Он был старшим ребенком в большой семье. По отцу и деду дядя Коля чистокровный грек. Его дед в 80-е годы 19-го века бежал из Греции от турок. Был он православным священником. Осел в Бессарабии, женился на молдаванке. Эта семья подарила Молдавии немало видных ученых, врачей и просто хороших и честных людей. Дядя Коля был не только старшим в своей семье, но и самым одаренным. В гимназии он проявил незаурядные математические способности, но сердце свое отдал медицине, поступив на медицинский факультет Ясского университета. Но и с математикой не расстался. Его посмертная работа называлась "Секвенциальный анализ в дифферен-

циальной диагностике легочной патологии", хотя не могу ручаться за дословность приведенного названия. С началом войны сразу же ушел на фронт, прослужил всю войну в чине капитана медицинской службы, хирурга. Имел ордена и медали, но не помню, чтобы он их надевал. После демобилизации поступил в аспирантуру, закончил ее с блеском, вскоре защитился, получил звание кандидата, а еще через несколько лет доктора медицинских наук. Он сделал первую в Молдавии операцию на сердце, основал клинику хирургической пульмонологии, возглавлял кафедру клинической хирургии, был заслуженным деятелем наук, главным хирургом минздрава. Самые сложные операции у самых "важных" пациентов проводил только он.

Для меня лично он был первым встреченным мною человеком, не имеющим изъянов.

Внешне это был невысокий, довольно плотный человек, с выразительным крупным лицом и совершенно необыкновенными лучистыми и добрыми глазами. Взгляд их был всегда немного рассеянным и сосредоточенным одновременно, он словно смотрел куда-то вдаль и одновременно глубоко внутрь. Дядя Коля всегда был в ровном настроении, немного отрешен от всего внешнего, но при этом удивительно быстро и точно реагировал на все про-

исходящее вокруг. Говорил он красивым глубоким негромким голосом, шутил очень мягко и обладал фантастическим чувством юмора.

Казалось – он знал все на свете. Я не припомню, чтобы он не имел своего мнения о чем-либо, касалось ли это его родной медицины, литературы, музыки, искусства, политики. Ум его был цепок и необычайно аналитичен. Он умел связывать, казалось бы, несопоставимые понятия и факты и делать из них свои глубоко оригинальные выводы. Говорил он очень красиво и убедительно, никогда не пытаюсь навязать собеседнику свою точку зрения, а словно рассуждал вслух. Им можно было заслушаться в буквальном смысле этого слова. Я не раз бывал свидетелем того, как за столом по случаю какого-либо торжественного события (что, впрочем, бывало не часто) собирались очень интересные и даже высокопоставленные гости и начиналась беседа или интеллигентный спор на совершенно разные темы. Все как обычно в умной, воспитанной и высокоинтеллектуальной компании. Пока слово не брал дядя Коля. Когда он начинал говорить, то все тут же замолкали и ловили каждое его слово, никогда не перебивая и не вступая в спор. Он моментально завладевал всеобщим вниманием, причем абсолютно не стремясь к этому, так получалось само собой, словно его слово или мнение были самым решаю-

щим и весомым аргументом и итогом предыдущих обсуждений и споров. Не припомню, чтобы его доводы или просто рассуждения кем-либо после этого оспаривались. То внимание, с которым прислушивались к сказанному им, было одновременно и данью уважения к сказанному и к нему лично, как человеку.

Но и это не было главным в нем, хотя понял я это намного позже. Николай Христофорович был абсолютно честным и бескорыстным человеком, в самом буквальном значении этих слов.

Дядя Коля был самым настоящим трудоголиком. Его рабочий день никогда не кончался, т.к. он работал круглосуточно. По ночам он думал и читал. И курил. Очень много курил. Еще с фронта он привык к Беломору и выкуривал пачку в день и 2 пачки за ночь. Читал он фантастически быстро и продуктивно. Я не знаю, когда он успевал читать художественную литературу, хотя был исключительно начитан и знал русскую, румынскую и мировую литературу в лучших ее образцах. Но вот научные труды он глотал килограммами, т.к. стопки книг из научной б-ки, заказываемые для него по всесоюзному межбиблиотечному абонементу, обновлялись едва ли не каждую неделю. Мне трудно представить, как можно перелопатить такое количество специальной

литературы с пользой для себя за столь короткое время. Дяде это удавалось с легкостью. И все прочитанное помогало ему совершенствоваться и применять на практике полученные знания. Это редкий дар. Меня эта его способность приводила просто в трепет.

Николай Христофорович Анестиади, профессор медицины, великий хирург и человек, умер через 2 недели после переезда в свою первую "профессорскую" 4-комнатную квартиру в первой 9-этажке города, 19 ноября 1968 года в возрасте 52 лет. Его жена, а моя тетя, пережила его на 39 лет, покинув нас в июне 2007 года на 85-м году жизни.

Годы, проведенные в их семье, совершенно незабываемый период моей жизни, хотя, надо сказать, я был очень молод и еще более глуп, чтобы суметь в должной мере понять то, с каким великим и необыкновенным человеком я жил рядом и даже пользовался его расположением. Понимание значимости всего этого стало приходиться ко мне значительно позже. Но кое-какие наглядные уроки, преподанные мне моим дядей, все же многое во мне изменили уже тогда, при его жизни. И моя благодарность за это пребудет со мной до самого конца. Мне очень жаль, что я так мало сумел сказать об этом человеке, и вовсе не потому, что мне нечего больше

добавить, скорее наоборот, но именно поэтому я замолкаю.

Владимир Михайлович Михлин

Этот человек последний из тех, о ком я хотел бы рассказать и из тех, кого я могу назвать в числе оказавших на меня самое непосредственное и личное влияние. Познакомился с ним я на одном из первых занятий по психиатрии на 5-м курсе. Он вел нашу группу в течение 2-х недель. До этого я был знаком с его отцом, Михаилом Сергеевичем, профессором, который возглавлял кафедру биохимии мединститута. Он был из того самого первого призыва профессоров, которые были присланы в Молдавию из Ленинграда, т.е. был потомственным интеллигентом и очень старым человеком.

Его сын, Владимир Михайлович, был ассистентом кафедры психиатрии, к моменту моего с ним знакомства ему было лет 36-37. До знакомства с психиатрией я не раз порывался бросить мединститут, куда поступил скорее по семейной традиции, чем по внутреннему влечению, даже бросил однажды, но усилиями родственников был оформлен в

академический отпуск и через год вернулся, на этот самый 5-й курс.

И вот я слушаю первую лекцию Владимира Михайловича, и во мне что-то начинает меняться. Мы все, не я один, сидели, раскрыв рты, и слушали так, как за предыдущие 5 лет не слушали никого из наших преподавателей. Мне трудно выделить то, чем нас так привлек рассказ нашего учителя. Скорее всего, кроме новизны и необычности самого предмета, тут был сам стиль разговора с нами. Это был разговор на равных, без всякого апломба и украшательства. Поначалу вообще казалось, что речь не о новой для нас медицинской дисциплине, а предлагается экскурс в историю человеческих взаимоотношений, с привлечением обширнейшего культурно-исторического материала, но поданный так, что проблемы психического здоровья и отклонений в нем просто вписывались в некую непрерывную последовательность развития человеческого духа в целом, с высочайшими его взлетами и не менее глубокими падениями. Цитировались самым естественным образом классики древности и нового времени, причем исторические герои как-то очень мирно и дружески уживались с героями литературными. Меня, достаточно уже начитанного студизуса, поразила именно эта легкость и непринужденность обращения с богатейшим историко-литературным

материалом. За всем этим угадывалась исключительно богатая и органичная человеческая личность, с высочайшей внутренней культурой, красочной и лаконичной речью, эмоциональной живостью и внешней простотой. Для Владимира Михайловича разговаривать так было столь же естественно, как и дышать. Этих полутора часов нам хватило для того, чтобы полностью и окончательно влюбиться в нашего учителя психиатрии, а для многих из нас – и в саму психиатрию. Со мной так и случилось, и я понял, что если стану врачом, то только психиатром. Никем другим.

В дальнейшем наши отношения с Владимиром Михайловичем превратились в дружеские, вначале на почве книголюбства, т.к. я не раз приглашал его выступить в нашем клубе "Универсул" и где он очаровал куда более критичных книжных волков не меньше, чем ранее молодых и глупых студентов. Я стал бывать у него дома, познакомился с его женой, замечательным врачом акушер-гинекологом, его дочерью, которая впоследствии стала также психиатром-наркологом. Но дистанция между нами сохранилась навсегда. Я признавал его старшинство, опыт, целеустремленность, высочайший профессионализм. Относился к нему с почтением, так и не смог перейти на ты.

Владимир Михайлович был замечательным читателем, вдумчивым, дотошным и, в отличие от меня, куда менее всеядным. Все, что он читал, в той или иной степени использовалось им для своих профессиональных нужд, лекционной деятельности, а лекции он читал не только студентам и книголюбам, но просто гражданам по линии общества "Знание", фактически подрабатывая. А делать это он был вынужден, т.к. получал далеко не гигантскую ассистентскую зарплату. Он так и не стал доцентом или профессором, хотя он был лучшим психиатром Молдавии, и все доценты и профессора кафедры ему в подметки не годились. Он учился у великого профессора Молохова, которого я уже не застал. По складу личности он был очень скромным, склонным к сомнениям человеком. Даже когда он рассказывал о чем-либо, хорошо ему знакомом и не раз обдуманном, то все равно словно приглашал тебя поучаствовать в беседе, чтобы вдвоем или группой быстрее докопаться до истины. Его контакт с больными был идеальным, ему доверяли самые тяжелые душевнобольные. Говорят, что лучше всех чувствуют фальшь и истинное отношение к себе дети, животные и душевнобольные. Их не обманешь, они всегда тебя раскусят и если ты неискренен с ними, если не готов принять их проблемы, как свои собственные, если не говоришь с ними от души и не на равных, они тебе не раскроются. Я бы добавил к этим трем

категориям четвертую – настоящих психиатров-душеведов, каким был мой учитель, Владимир Михайлович Михлин.

Он умер в возрасте 44 лет от кровоизлияния в мозг, т.к. страдал тяжелой формой гипертонии.

Вот я и закончил очень краткий рассказ о моих учителях и наставниках и мне не верится, что я на это решился, но еще более, что я довел дело до конца. И еще мне стыдно, что я так мало и коряво рассказал о людях, которые заслужили большего. Но это уже моя вина.

И еще. По жизни мне везло на встречи с замечательными и интересными людьми. Я бы мог исписать не одну страницу, рассказывая, например, о замечательной женщине, моем давнем друге, Александре Федоровне Стакановой, нынешнем директоре Кишиневского Дома-музея Пушкина. Она сделала для культуры Молдавии, для сохранения исторической памяти и для возможности живого культурного общения людей, быть может, больше, чем целые государственные ведомства, созданные специально для этих целей. Мое восхищение перед нею безгранично, и я низко ей кланяюсь за все, что она сделала.

Глава 21: Как я не стал октябреном, комсомольцем и коммунистом

Октябреном я не стал по вполне очевидной причине – это звание было введено уже после того, как я перешагнул тот возраст, в котором тебя надеялись эти гордым званием. И поэтому я сразу стал пионером, где-то в классе 4-м. Ох, сколько мороки было с этим пионерским галстуком, вы даже себе не представляете. Во-первых, он постоянно пачкался, мялся, а то и рвался. Зато, в том же 4-м классе меня избрали Председателем Совета Отряда. Только не спрашивайте меня, что это значит. Я до сих пор понять этого не могу. Да и пробыл я в этом звании всего неполных два года, а потом меня забрала мама, и я стал ходить в поселковую школу в 8 км от станции, на которой проживал с родителями. И вот, в классе, по-моему, 6-м или 7-м, меня вызвали в комитет комсомола и сказали, что намерены принять меня в ВЛКСМ. Но прежде я должен выполнить свое первое комсомольское задание, а именно – собрать 100 кг металлолома. Учитывая, что я жил в соседнем селе и каждый день чапал пешком туда и обратно, то таскать на себе железяки было бы смерти подобно. Этой мыслью я и поделился с уважаемым Комитетом Комсомола. Однако, мои возражения приняты не были, и задание осталось в силе.

Через некоторое время, пытаясь найти хотя бы пару собранных мною кг металлолома, КК вновь призвал меня пред свои очи и задал мне нелицеприятный вопрос – а достоин ли я вообще стать комсомольцем. Я ответил уклончиво, сказав, что мог бы собирать макулатуру, а не железяки. Однако КК был непреклонен и мое задание не отменил. Казалось бы, что на этом мой несостоявшийся роман с комсомолом был завершен. Ан нет – спустя еще пару месяцев меня вновь вызвали и сказали, что, пожалуй, пойдут мне навстречу и примут меня в ВЛКСМ просто так, безвозмездно, в виде особого одолжения. Но тут я взбрыкнул и заявил, что то же самое можно было проделать в самом начале комсомольской эпопеи, а ныне поезд уже ушел и его не догонишь. Что я много о чем передумал за это время и понял, что комсомолец из меня никакой.

Вот так я и не стал комсомольцем. Однако это не помешало уже другому КК принять решение выгнать меня из комсомола за прогулы лекций в медицинском институте. Об этом я уже писал в главе о собраниях. Лишь чудом и благодаря влиянию медицинских родственников я не был исключен из своей альма матер и таки стал врачом.

Про партию вроде бы и писать нечего. Не будучи комсомольцем, коммунистом не станешь. Разве

что на поле боя или посмертно, опять же после боя. Но в военных действиях я не участвовал. Не говоря уж о том, что заявлений о приеме меня в ряды КПСС никто в глаза не видел. И, уж конечно, я не стал членом и любой другой партии. И это пусть маленький, но все же повод чуть погордиться. Шу-чу.

Глава 22: Учителя и школы

Сразу скажу, что и школ и учителей было много, даже слишком много. Но начнем по порядку.

Первой, и самой любимой, была школа № 5 по бывшей Садовой улице, ныне ул. А. Матеевич. Первые полгода мы ходили в здание на углу Садовой и Жуковского. Здесь когда-то была мужская гимназия, в которой учился мой папа. По удивительному совпадению мой класс был в том же помещении, что и папин. А через полгода всю школу перевели в здание напротив. Это был двухэтажный дворец, хотя я затрудняюсь сказать, кто в нем проживал до прихода советов. А затем сюда вселилась Молдавская Академия наук, это ее первое обиталище. Позже 5-ю школу вообще ликвидировали, а помещение отдали Институту искусств, ныне Академия художеств. Здание это стоит на высоком холме над бывшим Комсомольским озером, так что на большой перемене мы успевали сбегать и искупаться в заливчике рядом с лодочной станцией. Вот уже более 20-ти лет это здание, а фактически его руины, стоит без крыши и медленно и неотвратно разрушается. А это значит, что кто-то пасет это место, уж больно оно заманчиво. Но вернемся к школе.

Я с бабушкой жил всего в одном квартале от школы, даже на той же стороне улицы, так что с первого дня я ходил в школу сам. Ростом я не вышел, зато башкенция у меня была большая и глядя на свою фотографию, где я еще в школьной форме (ее отменили где-то в классе 3-м) и в форменной фуражке напоминаю лопухого гномика. Моя первая учительница была очень заслуженным человеком, носила на груди орден Ленина. Это была властная сухонькая старушка, требовавшая дисциплины и еще раз дисциплины. Спорить с нею было смерти подобно. Но мои с нею отношения не сложились совсем по другим причинам. Возможно, я как-нибудь об этом вам расскажу. Зато моя бабушка очень подружилась с моей классной дамой и сохранила эту привязанность до последних дней своей жизни.

Учился я хорошо, даже был пару лет отличником, чего более никогда не повторял, где бы ни учился. В 5-м классе у нас уже были разные учителя, мне запомнилась только англичанка и учительница молдавского языка. С молдавским у меня было все в порядке, так что я мог и прогулять урок-другой. Английский давался мне легко и я с удовольствием его постигал, даже начал почитать на нем детские книжки. Все, что я ныне знаю по-английски – это усвоенное в 5-м классе 5-й школы и

еще компьютерный сленг, освоенный мною много позже.

В 6-й класс я пошел уже совсем в другую школу, русскую среднюю поселка Корнешты Унгенского р-на. Так решила моя мама и забрала меня на станцию Бахмут Каларашского р-на. Здесь была только начальная школа, в которой директорствовал мой папа, а в селе Бахмут была только молдавская восьмилетка. Первый год я почти каждый день ходил пешком от станции до поселка, т.к. далеко не всегда находил в своих карманах 10 копеек за проезд на попутке. Но мне нравились эти 8-км прогулки и я до сих пор помню каждый кустик, каждый колодец, каждое деревце или ручеек на этом пути. Кстати, вернувшись сюда лет через 50 я с удивлением обнаружил, что практически ничего на этом отрезке пути не изменилось. В следующие два года я жил в школьном интернате, а домой возвращался только на выходные. В интернате жили дети из украинских сел, расположенных поблизости, мне запомнились два их названия – Романовка и Христовка. Пишу об этом потому, что мне понадобилось почти полгода, пока я научился понимать язык, на котором эти дети. Это была страшная тарбарщина, смесь русских и украинских слов и еще каких-то местных наречий. За три года учебы мне запомнились только 3 учителя – английского, чер-

чения и математики, и химии. Англичанин навсегда отбил у меня охоту выучить английский по-настоящему, зато Вера Васильевна, химичка, навсегда привила мне любовь к химии. К слову сказать, через много лет ко мне в наркоотделение попал ее единственный сын, очень красивый и высокий парень. Я очень старался ему помочь и эти усилия не были напрасны. Насколько я знаю он вернулся к трезвой жизни. В мое же отделение попал и сын моей первой, орденоносной, учительницы. Но он был безнадежен, натуральный паразит и совершенно безвольное существо. Бабушка, продолжавшая контактировать с моей учительницей, рассказала, что этот сыночек издевается над матерью, избивает ее и отнимает у нее пенсию. А вскоре моя первая учительница умерла. И я не смог себя заставить пойти на ее похороны, как бабушка меня ни уговаривала.

Из 5-й школы в конце года меня и еще троих хулиганов, с которыми я дружил, хотя вроде бы хулиганом не был, попросили уйти из школы, чтобы не доводить до исключения. И я перевелся в 34-ю школу вблизи Мединститута и Дендрариума. Он тогда назывался Ботаническим садом. Почти ничего не помню ни об этой школе, ни о ее учителях. Тем более, что закончив 9-й класс, я перевелся в 9-ю вечернюю школу, где и проучился два последних года, и устроился на работу в мединститут. Вначале курь-

ером, затем секретарем ректора (это младший брат моего дяди, о котором я вам уже рассказывал). А последний год я исполнял еще и обязанности заведующего канцелярией.

В завершение школьной эпопеи должен сказать, что учителя меня недолюбливали, особенно за неудобные вопросы, которые я нередко задавал. А еще за то, что был слишком начитан и писал странные сочинения. И за то, что на все имел свое мнение, не предусмотренное школьной программой. Даже на выпускном экзамене за 8-й класс я отличился и чуть не провалил экзамен по литературе. А все за чтение любимого мною стихотворения Лермонтова "Царица Тамара". Это стихотворение я до сих пор помню наизусть. Но на экзамене мне с трудом удалось прочесть его до конца, т.к. комиссия пыталась пресечь это безобразие. И все же четверку мне поставили и я распростился с Корнештской русской школой.

И все школы дали мне бесценный опыт, суть которого состоит в том, что настоящее образование – это самообразование. На том до сих пор стою.

Глава 23: Любовь и предательство

Очерк этот написан давным-давно, еще когда даже помыслить не мог, что возьмусь за писание мемуаризмов. И вот, спустя много лет, вернувшись к этому странному занятию – вспоминать и записывать, я вдруг вспомнил про него. Очерк этот был назван мною "История трех П.". А вспомнил я про него вот почему. Да, вроде бы главное в нем это любовь, да еще и первая. Но ведь не она одна, есть тут еще кое-что, кажущееся мне важным и имеющим далеко идущие последствия. Я почти ничего в нем не изменил, лишь чуток отредактировал.

Странная это штука – тяга к писательству. Ну, спрашивается, что заставляет человека взять в руки перо или склониться над клавиатурой, чтобы начать что-то рассказывать? Я всю жизнь очень много читал, всегда благоговел перед печатным словом и именно по этой причине никогда не пытался писать сам. Даже юношеский дневник был заброшен мною на 2-й неделе. Исключение составляют только письма, которых я за свою жизнь написал тысячи. И не сидя за компьютером, а перед обычным тетрадным листом бумаги.

Первую половину своей жизни, как мне кажется, почти каждый живет в ладу с собой и миром.

Все, что случается с тобой, кажется закономерным и в основном понятным. И мир вокруг тебя тоже относительно ясен и гармоничен. Недостаток сведений о происходящем всегда можно пополнить, благо желающим это сделать, легион. И вот так переходишь со ступеньки на ступеньку, из класса в класс, из института в рабочий кабинет, из ЗАГСа в роддом, из общежития в квартиру. Все прекрасно, ну может быть не совсем, но не намного хуже, чем у других. Но вдруг наступает момент, когда вся эта ясность внезапно начинает мутиться и давать трещины. Ты узнал о нелепой смерти друга, о измене любимой женщины, и умерла твоя любимая и единственная бабушка, которая души в тебе не чаяла и до последних своих дней все старалась тебе чем-то помочь, что-то подсказать. И еще ты замечаешь, что перестал себе нравиться, особенно по утрам, бреясь перед зеркалом. И это не просто недовольство формой носа или кривизной зубов. Нет, ты вдруг перестаешь себя узнавать, перестаешь понимать, что и кто таится под этой оболочкой, которую ты до сих пор называл собой. Кто я, откуда, куда иду? Задав себе такой вопрос впервые, знай – обратной дороги нет и что путь этот неясен и тяжел, что нет на нем указателей, привалов, и нет этому пути конца. Вначале это ошеломляет, затем ты начинаешь лихорадочно подводить какие-то итоги, подсчитывая прибыли и убытки. Вдруг остро осознаешь, как бездарно тра-

тил время, как мало успел сделать, да и то, что сделано, не вызывает восторга и удовлетворения. Мир вокруг меняется стремительно и порою ты уже не понимаешь ранее ясных и безусловных вещей. И еще ты постоянно теряешь, – уходят самые близкие, самые любимые, самые надежные. И уже не у кого спросить совета, некому поплакаться. И некому назвать тебя по имени уменьшительно: Шурик, Ванек, Ицик. И только тогда ты обнаруживаешь в себе нечто, на что можно опереться, чему хоть отчасти можно доверять и чем... утешиться. Это память.

И сразу же в голову приходит страшная мысль – ведь все, что я помню, может исчезнуть в один момент и навсегда.

И ты продолжаешь жить по инерции дальше, но что-то в тебе начинает меняться, появляется какой-то зуд, потребность выговориться, выплеснуть из себя то, что было когда-то таким дорогим и близким. Или причиняло тебе боль и повергало в отчаяние. Случилось это и со мной и я решил рассказать одну историю, о трех П. Где "П" – это предательство. И все эти три П случились с семилетним шкетом в один ясный осенний день много-много лет тому назад.

Первый раз я влюбился по-настоящему в первом классе. В девочку, назовем ее И., с которой я сидел за одной партой. Это была очень красивая и очень воспитанная девочка из прекрасной семьи, ее папа был заслуженным художником, а И. получила свои 7 лет домашнего воспитания сполна (здесь я перефразирую молдавское идиоматическое выражение, которое намного емче и выразительнее, звучит оно как "шапте ань де акасъ"). У молдован это верный признак настоящей воспитанности человека. Девочка, правда, была не из молдавской, а из еврейской семьи, и этот факт только усиливал ее воспитанность и идеальность. Она была очень белокожей, с густыми рыжеватыми волосами, нежным румянцем. Ходила она легко и уверенно и знала себе цену. Был у нее и небольшой изъян – маленька бородавочка на мизинчике левой руки. Она меня умиляла и была мне особенно дорога, словно я уже тогда понимал, что этот недостаток делал ее более земной и доступной. Но чтобы признаться ей в любви? Об этом я и помыслить не мог. Мое обожание выражалось во всяких мелких знаках внимания и еще в том, что ее я никогда не дергал ее за косички, не называл уменьшительными именами и кличками и даже однажды попытался проводить ее домой. Безуспешно, правда.

С каждым днем моя любовь усиливалась, пока не превратилась в настоящее наваждение. Я стал просыпаться по ночам и думать о ней. Это чувство так меня распирало, что я, почти не понимая зачем я это делаю, однажды ночью взял листочек в клеточку и написал на нем большими печатными буквами: И. Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. С. Сразу вроде бы немного полегчало, но я понимал, что это ненадолго, если я не сумею сохранить эту свою тайну от всех. А значит я должен был где-то спрятать эту бесценное послание, которое вовсе не предназначалось для И., а было мне как бы опорой в борьбе с этой любовью. И я стал искать такое место.

Во дворе у нас было несколько сараев, обычных послевоенных сараев, куда их владельцы складывали все, что не помещалось в тесных квартирах. Мы с бабушкой были счастливыми обладателями одного из них. И едва занялась заря, как я выбежал во двор, несколько раз оглянувшись, не подглядывает ли кто, и засунул бесценную коробочку с моей тайной в щель слева от двери, прикрыл сверху какой-то щепочкой и побежал завтракать и готовится в школу. Школа была от меня в 1 квартале и каждое утро мы ходили в нее с моим соседом, другом, тезкой и одноклассником. Мы с ним даже родились в один год, месяц и день. В это утро мой тезка все время, что мы шли не спеша к школе, как-то странно под-

смеивался, чему-то улыбался и таинственно на меня посматривал, а на мои расспросы бормотал нечто невразумительное.

Первое П произошло на первом же уроке. По классу пронесся какой-то шорох, смешки, все что-то друг другу передавали и в конце концов это нечто оказалось в руках у И., моей обожаемой соседки по парте.

Тут я чуть отступлю и кое-что разъясню. У моего тезки и друга тоже был сарай и он соседствовал с нашим, а щель, в которую я спрятал заветное послание была щелью между этими двумя строениями. То ли он подсмотрел за мной, а парнишка он был шустрый и глазастый, то ли это получилось случайно, но моя коробочка попала ему в руки. А придя в класс, он пустил мое послание по рядам с наказом доставить объекту моей любви. Далее начинались второй и третий акты драмы.

Я вдруг обратил внимание, что получив какую-то бумажку с задней парты, моя обожаемая И. зарделась, стала смущенно оглядываться, а затем вперила в меня свой ясный взор. И в этом взгляде я прочел нечто ужасное. Затем она подняла правую ручку, как примерная ученица, и попросила учительницу, Е. Н., взять у нее ЭТО. Собственно, акт

передачи этого в руки учительницы и был вторым П. из отпущенных мне в тот злосчастный день.

Но здесь я вынужден отвлечься, и сказать несколько слов о моей первой учительнице, Е. Н. Это была не простая учительница, а очень заслуженная, на груди она носила орден Ленина, в школе проработала около 40 лет. На вид она была миловидной старушкой, такой я ее тогда воспринимал, гладко зачесанной, с узлом волос на затылке (это самая ненавистная мне из женских причесок и по сегодняшний день). Ходила она в темно-синем костюме, походившем на униформу. Для нас она была царь и бог, авторитет имела совершенно непререкаемый. Вдобавок ко всему моя любимая бабушка очень с ней подружилась и сохранила эту дружбу до конца своих дней. Я же после того, как закончил начальные классы, больше ее ни разу не видел и несмотря на все уговоры бабушки сходить в гости к Е. Н., так ни разу и не пошел.

И вот эта злосчастная бумажка в руках нашей железной Е. Н. А я только сейчас стал понимать, что это за бумажка, хотя поверить в это было невозможно, немыслимо. И вот орденоносная учительница разворачивает эту немудрящую записку, читает ее, затем меняется в лице, перечитывает и, грозно глядя на меня, предлагает выйти к доске. Дальнейшее

я помню как-то смутно, даже отрывочно. Но сказанные ею слова я запомнил очень отчетливо: я не для того вас учила писать и читать, чтобы вы писали такие гадости. Свою реакцию на эту фразу я тоже запомнил отчетливо, и хоть мне было очень стыдно за все происшедшее в этот день со мной и с моей запиской, но я твердо знал, что никаких гадостей не писал и ничего плохого никому не желал, и что даже если любить так стыдно, то еще стыднее эту любовь выставлять напоказ и говорить о ней при всех. У доски меня продержали с полчаса, но может быть и значительно меньше, т.к. в этот день время шло как-то по-особенному, а порою казалось, что оно и вовсе остановилось.

После уроков я как следует оттаскал И. за ее образцовые косички, обозвал какими-то прилепившимися к ней кличками. На следующий уроке я сам ушел с первой парты, за которой сидел с И. и перебрался на камчатку. Но что меня действительно поразило в тот день, так это то, что когда я вспоминал о бородавке на пальце моей соседки, то начинал испытывать едва ли не тошноту, настолько мне стала противна эта невинная бородавка. С моим тезкой, соседом и бывшим другом мы все же продолжали приятельские отношения, но одним другом в моей жизни в тот день стало меньше. Следующий раз я

осмелился по-настоящему влюбиться только в 4-м классе, но это уже совершенно другая история.

И что? – спросит читатель. А ничего – отвечу я. Добавив разве лишь то, что все происшедшее более полувека назад все так же живо и совершенно не изгладилось из памяти. И что на протяжении жизни я не раз возвращался мысленно к этой истории, пытаясь извлечь из нее какие-то уроки и... ничего так и не извлек. Или почти ничего. А потребность любить до самозабвения так и не покинула меня.

Глава 24: Моя перестройка

К этой главе я долго подступался, все откладывал, потом начинал, бросал и опять откладывал. Но всему свое время, и, похоже, сейчас в самый раз рассказать об этой неожиданной удаче и потрясении всех основ того, чем все мы жили долгие-долгие годы. Справедливости ради все же замечу, что говорить и спорить на тему перестройки и ее творцов мне приходилось немало в разных форумах и блогах. И меня всегда поражало то, с какой ненавистью отзывались об этом периоде многие мои сетевые друзья и приятели. В большинстве своем русские. Мне это было непонятно, странно и даже обидно. Особенно доставалось Горбачеву, Ельцину и Раисе Горбачевой. Но я сейчас пишу не об этом, а о том, как перестройка отразилась на моей личной судьбе. Как открыла новые, еще вчера немыслимые возможности, как придала силы и желание испытать себя. А ведь я уже был не мальчик, в 1988 году мне стукнуло 40, у меня была жена, дочка, хорошо оплачиваемая работа, я кое-чего достиг в медицине, у меня были прекрасная библиотека и даже квартира. Я уже рассказывал, как без сожаления покинул медицину и пустился во все тяжкие. Не случись этих всеобщих перемен, вряд ли бы я на это решился.

Во-первых, я совершенно перестал бояться неожиданных перемен, более того – я их сам торопил, спеша наверстать упущенные ранее возможности. Но для начала я скажу, что необычайно расширилась информационная сфера. Мы впервые в советской истории стали получать более или менее достоверную информацию, причем из разных источников, что вообще было невозможно в прошлом. Если не считать "вражеские" голоса. Впервые в жизни я стал смотреть телевизор. Кто бы мог представить себе, что мы, не отрывая глаз, будем смотреть отчеты о съездах, о заседаниях парламента. А какие чудные передачи появились! "До и после полуночи", "Куклы", телемосты и множество других приковывали к телеку миллионы людей. А еще рацвела буйным цветом журналистика, стала открываться правда о многих позорных страницах нашей недавней истории. Уследить за всем было невозможно, но я очень старался. А какие книги пошли косяком! Вчера еще запретные авторы красовались на полках магазинов. Авторы – как зарубежные и полностью запретные, так и отечественные и потому еще более недоступные. Мы открыли целую плеяду великих эмигрантских писателей и тех, кто уже в наше время писал в стол без всяких надежд на публикацию на родине. Мы впервые из первоисточников читали труды великих историков, философов, политиков, общественных деятелей. Именно в эти годы

моя библиотека почти удвоилась и грозилась выгнать меня из квартиры. Поэтому после 1991 года я едва ли купил более 2-3-х десятков книг. Однако благодаря интернету прочел сотни книг, о которых даже не мечтал. О том, что произошло с журналами, я расскажу в отдельной главе. Это того стоит.

А продолжу с того, что с 1 января 1991 года я возглавил недавно созданную городскую организацию общества книголюбов. А фактически стал книгопродавцом. И должен сказать, что перед Книготоргом у меня было огромное преимущество – несколько десятков книголюбских организаций и армия организованных книголюбов в количестве около 25 тыс. человек. А книги хлынули потоком, нужно было только их найти, договориться о поставках, причем в долг и под честное слово. Вы не поверите, но так в то время стали работать многие, не только книголюбы. Кроме местных новоиспеченных издателей и посредников, я искал книги в Украине, Белоруссии (она в эту пору стала чемпионом книгоиздательства). В Москве книги в долг было не взять, а вот в Нижнем Новгороде мне однажды удалось. И я возил книги фургонами. Я и 4 моих помощницы плюс главбух, сидящие в одной тесной комнате, справлялись с тем, что не мог сделать самый большой в городе книжный магазин. А уж по ассортименту я превосходил весь Молдкниготорг. Доста-

точно было позвонить на предприятие нашему активисту, и приезжали 2-3 дамочки, брали пачки книг и не позже, чем через неделю, привозили наличные деньги. А я собирал их, по справедливости награждал своих коллег, паковал денежки и шел на поезд в Белоруссию, Киев или Н. Новгород. Пару раз нанимал охранника, занимал отдельное купе, все же две огромных сумки с несколькими млн рублей могли стоить и жизни. Один раз в качестве телохранителя меня сопровождал мой брат.

Впрочем, эта лафа довольно быстро кончилась по очень банальной причине. Закрылись все крупные производства, люди остались без работы, без денег. Тут уж не до чтения. Короче, к середине 1994 года книголюбское движение, и не только в Молдове, приказало долго жить. Людям стало не до книг. Но даже когда жизнь стала выправляться и люди ценой собственных усилий (особенно женских) стали зарабатывать себе на жизнь, к книгам больше не вернулись. Но я это не сразу понял и даже официально зарегистрировал частное предприятие, в сферу услуг которого входил прокат книг. Называлось оно "Серафима" (до сих пор где-то валяются визитные карточки). Читатели, несмотря на объявления, так и не пришли, зато закрыть это ООО мне стоило огромного труда. И только через хороших знакомых года через 4 мне удалось это сделать.

По-счастью, в 1993 году мой брат подарил мне примитивный сов. компьютер "Вектор", который выпускал местный завод "Сигнал". Это было чудовищное создание, но, впервые ткнув по его клавиатуре в возрасте 45 лет, я понял, что должен освоить это чудо техники и что это мне может пригодиться в дальнейшем. Через несколько месяцев я приобрел тоже советскую писишку, ЕС-1841, уже с жестким диском, операционкой, чудовищной мышкой и экраном на 16 цветов. За год-полтора я все же сделал из него нечто приличное. Поменял процессор на вдвое более быстрый, монитор, нарастил оперативную память, вдвое увеличил емкость дисков, пришпандорил нормальную мышку и даже купил в Москве на рынке южнокорейский военный модем размером с большой палец. И стал пользователем ФИДЕ, был такой прообраз интернета. А уже в 1995 году я купил нормальный западный компьютер, стал давать уроки компьютерной грамотности чайникам и целым организациям. Но о своей компьютерной эре я напишу в другой главе.

Все эти стремительные зигзаги моей жизни были бы невозможными, если бы не перестройка и все, что за ней последовало. Я обрел окончательно и навсегда свободу, дорожке которой не знаю ничего.

Глава 25: Журналы

Эта глава моих воспоминаний необычна. С одной стороны, она продолжает главы о роли книг в моей жизни, с другой стороны, это рассказ о своего рода бзике, т.е. чем-то, выходящем за рамки здравого смысла. Назовем это особого рода увлечением. А посему только эту главу я сопровождаю несколькими фотоиллюстрациями, чтобы нагляднее представить вам плоды этого странного увлечения.

Насколько я знаю, в Кишиневе времен перестройки было только два психа, которые до такой степени были заражены этой странной болезнью. Надеюсь, что мой коллега сам откликнется и выскажется на этот счет, благо, что он числится в списке моих друзей в ФБ.

Итак, с середины 80-х в Стране Советов начался журнальный бум, книжный последовал чуть позже. Именно в эти годы тиражи многих журналов, и не только литературных, взлетели до невиданных ранее цифр. Журнал "Новый мир", например, на пике этого бума выпускался 2-миллионным тиражом. И, несмотря на это, не всем желающим удавалось на него подписаться. Но и другие журналы не слишком отставали, в том числе и узкоотраслевые, ранее почти никому неведомые. Окраины бывшей импе-

рии тоже не дремали и спешили воспользоваться этим повальным увлечением нецензурированным печатным словом. Я оценю навскидку, т.к. не в силах ныне вспомнить все 60 (!) названий журналов, которые выписывал с середины 80-х до начала 90-х. Правда, должен заметить, что задолго до этого журнального половодья я регулярно выписывал несколько литературно-критических журналов. Это были Новый мир, Иностранка, Вопросы лит-ры, Книжное обозрение, Наука и жизнь, Техника молодежи и, возможно, еще парочка других, названия которых уже не припоминаю. Но вот слышали ли вы о таких журналах, как Литературная Армения, Лит. Грузия, Родник, Даугава, Кодры, Полиграфия, Простор? Возможно, слышали, но вряд ли читали и уж тем более – выписывали. Я же и еще один кишиневский книголюб выписывали и урывками читали не только эти, но и многие другие. Например, Вопросы философии, Человек, Наше наследие, Звезда, Знамя, Наука и религия (этот журнала буквально преобразился в годы перестройки, и читать его было очень интересно). Даже Крокодил, наконец, сумел показать свои зубы и стал вполне читабельным изданием. Его я, правда, не выписывал. А журнал Огонек, который из унылого дерьма стал Настоящим Журналом Для Всех благодаря его главному редактору, Виталию Коротичу! Но хватит о названиях.

Не знаю, как мой кишиневский коллега по странному увлечению распорядился своей коллекцией журналов, я же решил сохранить все лучшее, что мне в них встретилось. Сохранить полные комплекты было немыслимо, особенно проживая в 2-комнатной квартире в 50 кв. м. И я стал выдирать из них то, что было новым, интересным, действительно ценным и переплетать их в огромные конволюты. Размер каждого колеблется от 300 до 800 стр., снабжен оглавлением, ручной нумерацией страниц, прошит, обрезан и переплетен. Но предварительно отсортирован по темам, авторам и форматам страниц. И вот таких конволютов у меня хранится 711 томов. Более того, я сделал для журналов компьютерную базу данных, собственноручно написанную в борландовском Парадоксе (еще под MS DOS). Впоследствии такую же базу я слепил и для почти 3-тысячной коллекции виниловых грампластинок (эту коллекцию вместе со всей аппаратурой я подарил своей соседке, учительнице музыки, благо у нее на 1 комнату больше). В журнальной базе данных числится более 14 тыс. записей, и поиск ведется по всем полям – автор, название, тема, серия, издательство, название журнала, год издания. На фотографиях вы увидите 3 образца этой самодельной продукции, взятых мною наугад с книжных полок.

А еще я показываю вам несколько самодельных книжечек. В 1991 году журнал Полиграфия стал выпускать номера с макетами миниатюрных книжечек, очень интересных и прекрасно оформленных. Только эти книжечки нужно было вырезать из журнальных страниц, разрезать на блоки, сшить, сделать им переплет и наклеить на них картиночку, которая тоже присутствовала в этом наборе. Последнюю книжечку я слепил в 1993 году, т.к. с этого года выпускаемые в России журналы перестали поступать в Молдову. То же случилось и с книгами. И я вздохнул с облегчением, иначе книги и журналы выжили бы меня и жену из дома. Так что нет худа без добра.

И еще кое-что о журналах. В конце 50-х – начале 60-х годов, когда началась т.н. оттепель, многие центральные и провинциальные журналалы стали печатать то, что несколькими годами ранее могло окончиться лагерем или ссылкой. Это были в большинстве своем советские авторы, писавшие в стол или публиковавшиеся за рубежом, а также запертые в Госхране. Тогда появилось много имен, которые были прочно и, казалось, навсегда забытых. Навскидку несколько имен – Бабель, Платонов (пока еще не весь), Георгий Владимов, Цветаева, Саша Черный и многие другие. Я в то время был еще слишком юн и журналов не выписывал. И вот

ближе к концу 70-х-началу 80-х издательства стали выпускать многотиражные книжки зарубежных и популярных советских авторов, всяких Голонов с любимой Анжеликой, Дрюонов, Пикулей, Агат Кристи, Сименонов и прочее в том же духе. Книги эти, кое-как оформленные выпускались огромными тиражами, но купить их можно было только по талонам за сданную макулатуру. Кстати, именно в это время Кишинев и Минск стали книжными столицами Союза.

И вот народ понес на пункты приема макулатуры все, что под рукой нашлось. В том числе и целые комплекты подписок тех самых, "оттепельных" журналов с их редкостями. Я быстро сориентировался и завел знакомства с дамами из этих пунктов. Коробочка конфет и они позволяли мне выдирать из журналов все, что моей душеньке угодно. Эти "выдирки" тоже вошли в мои журнальные конволюты.

Но остался один вопрос – что с этим делать. Выбросить жалко, и это никому не нужно. Впрочем, то же касается и 8-тысячной библиотеки. Но я говорю себе – это меня уже не касается. Пока же я продолжаю сканировать любимые книги, переводя их в цифру и тем самым сохраняя то, что сделало меня тем, кто я есть. Одно время я начал раздаривать

книжки, но ныне ко мне в гости никто не ходит. Вот такая печальная книжно-журнальная история.

Глава 26: Квартирный вопрос

Мне повезло родиться в сейсмически опасной зоне, иначе вовек бы мне не видать собственного жилья.

Но начну я не с землетрясений, а с самого раннего детства и домов, в которых жила наша семья.

В селе Садова Каларашского р-на, где я и родился, мы жили в половине большого деревянного дома, его здесь называли Дом Орлова. Но кем был этот Орлов, я так и не узнал. И спросить некого, тем более что и дома этого уже нет, а на его месте построен очень красивый крестьянский дом. Эту квартиру папа получил от местного Сельсовета как учитель местной школы. В связи с этим домом расскажу одну маленькую историю. Когда мне было не более 2-х лет, мама сделала для меня своеобразный манеж из большого фанерного ящика и поставила его во дворе в тенечке. И вот однажды она обратила внимание, что я то появляюсь, то исчезаю за стенами этого ящика. Ну, просто как ванька-встанька какой-то. Мама очень удивилась и вышла ко мне. И обнаружила, что я просто обделался и превратил свой ящик в своеобразный каток. А еще вспоминаю, что в этом же дворе стоял еще один дом, и жила в нем

цыганская семья, в том числе и два мальчика, которые утром, когда я выходил во двор, стоя на крыльце своего дома, снимали штаны и показывали мне свои чумазые попы. С одним из них я все же разобрался, т.е. подрался и в результате он упал в выгребную яму в нашем огороде, где до кости порезал ногу об осколки банки. И я помню, как мой папа, взяв его на руки, бежал по селу к медпункту, а я, вцепившись в его рукав и ревя белугой, бежал рядом и горько сокрушался и плакал. Но все обошлось сравнительно мирно и благополучно. Нога зажила, а меня мама выпорола не очень больно.

Затем мы переехали в село Бахмут того же района, и здесь нам выделили старую избушку в верхней части села. В ней мы прожили недолго, т.к. папу перевели на станцию Бахмут, и он стал директором местной начальной школы. Здесь мы тоже получили в пользование старый, еще румынский дом, из красного кирпича. В нем было 3 комнаты, одна, большая, использовалась мамой в качестве птичника, а в двух маленьких комнатках жили мы. Именно с этим домом, стоящим прямо у шоссе Кишинев-Унгены, внизу отвесного склона, на верху которого начинался лес, связаны мои лучшие детские воспоминания. Дом этот и ныне существует, его отремонтировала местная община баптистов и использует в качестве молельного дома. То, что дом

этот стоял у проезжей части дороги, имело серьезные последствия. Несколько наших псов, а также множество кур и уток нашли свою смерть под колесами грузовиков.

Дальше о местах своего обитания я упомяну эскизно и кратко. С 7 лет я жил в Кишиневе, в основном у бабушки в большой комнате на 2-м этаже старого румынского дома. Некогда это был спиртовой завод, спирт гнали из картофеля. Поэтому у этого дома был огромный подвал, а с улицы в этот подвал вел большой люк, через который ссыпали картофель. Жил я также и у тети в разных частях города, я помню три квартиры. Уже учась в медицинском институте, с полгода я прожил в студенческом общежитии. Это неприятные воспоминания, т.к. здесь я подцепил чесотку, от которой почти год пытался избавиться.

Но вернемся к землетрусам. В 1977 году, я, уже будучи врачом, проходил в Харькове, в Украинском ин-те усовершенствования врачей 6-месячный курс по психотерапии. Естественно, жил в общежитии при институте. И вот 4 марта 1977 года, утром, мы вдруг заметили, что лампочка под потолком стала раскачиваться, что всех нас удивило. И только к вечеру я узнал, что в Кишиневе произошло сильное землетрясение.

Когда я вернулся домой в начале июня, то обнаружил, что бабушкина квартира, где были прописаны я, моя первая жена и мой брат с женой, не говоря уж о бабушке, пришла в полную негодность, в стенах дома образовались большие трещины, и дом был признан аварийным. И горисполком на всю нашу ораву выдал нам ордер на 3-комнатную квартиру в районе Ботаника. Однако в нее переехали только мы с женой. Брат получил от районного комитета комсомола большую комнату, бабушку приютила дочка, т.е. моя тетя. Мы с женой уже были в разводе, так что я фактически почти не жил в той квартире, а перебрался к тете. И начал искать размен. Но, пока суд да дело, я встретил свою настоящую половинку (о ней речь впереди), и вскоре мы поженились. Первое время жили тоже у тети, но затем мне сообщили, что моя бывшая ходит по этажам нового дома и собирает подписи у жильцов под заявлением о том, что я не проживаю в данной квартире и требует лишить меня прав на нее.

Делать было нечего, и я со своей Симулей въехали в эту большую трехкомнатную квартиру и заняли одну из ее комнат. Было у нас из мебели раскладушка, табуретка и книжный шкаф. Вы не поверите, но вдвоем на раскладушке спать с любимым человеком – это блаженство. Больше и сказать нечего. А вскоре мы нашли размен. Моя бывшая

жена переехала в соседний дом в новую однокомнатную квартиру. Я же с женой переехали в старый дом в центре города, в потрепанную двухкомнатную квартиру, пристроенную к зданию бывшего БТИ. Об этой квартире я мог бы написать целый роман, т.к. те 7 лет, что мы в ней прожили, были самыми счастливыми в нашей жизни. Здесь родилась наша доченька, Агата, хотя я называл ее то Агатусей, то Агафондией и даже Сундуком с малявками. Но, кроме нас, в квартире жила еще масса обитателей. Во-первых, крысы, которые каждую ночь под полом устраивали совершенно дикие концерты и вообще страшно безобразничали. Расскажу одну маленькую историю.

Жена моя, вернувшись с очередных гастролей, накинулась на меня за то, что я, мол, раздарил своим любовницам ее трусики. Все мои клятвы и заверения ее не убедили, и дело запахло керосином. И вот я как-то полез под старую проржавевшую ванну и обнаружил там уютное крысиное гнездышко, сотворенное из жениных трусиков и нескольких пар моих носков. И угроза развода нас миновала.

Но не только крысы с нами сожительствовали. По утрам, выйдя на крылечко, мы нередко обнаруживали десятки садовых слизней, которые блаженствовали у входа в наше жилище. А однажды

ночью мы проснулись и обнаружили, что весь пол покрыт массой черных муравьев. Но это была только прелюдия. Через несколько дней через нашу квартиру прошли миллионы, т.е. целая армия этих созданий. Шли они откуда-то из подвала (был у нас небольшой погребок под кухней), затем проползали через щель между кухней и комнатой и по узкой невидимой нам тропе вышагивали куда-то на чердак дома. Длилось это переселение муравьиного народа почти трое суток.

Но эту квартиру посещали не только крысы и муравьи. Здесь постоянно бывали многочисленные гости. Говоря постоянно, я не преувеличиваю. К нам в гости приходил Клуб самодеятельной песни в полном составе, иногда с приезжими бардами. А еще во дворе в здании старой церкви располагался народный театр "Данко", и его актеры и некоторые посетители тоже частенько забегали на кофеек-чаек. И, конечно, сюда же приходили члены клуба книголюбов "Универсул", который я тогда возглавлял. Приходили и приезжие гости. Так, однажды в Кишинев приехал на месячные гастроли совершенно потрясающий театр русской драмы из Риги. Я вначале пригласил этих ребят в наш клуб, а затем и к себе домой. Мы очень подружились с несколькими актерами. Дошло до того, что двое из них, не занятых в этот день, оставались с нашей доченькой, а

мы с женой отправлялись на очередной спектакль. Один из этих ребят влюбился в мою жену и уже после отъезда из Кишинева целый год писал ей письма. Я не ревновал и писем этих не читал. Но знаю, что жена ни на одно из них не ответила. А если и ответила, то вряд ли ответ удовлетворил ее адресата.

И вот он, август 1986 года. В 10:30 вечера и начался очередной землетрус. Мы успели завернуть в одеяло нашу малышку и выскочили под проливной дождь во двор. Гремел гром, сверкали молнии, с крыши дома на сараи под ним с грохотом падали камни, купол церкви на глазах перекосило с жутким скрежетом. Длилось это вечность, но вряд ли больше 3-4 минут. Когда мы вернулись в дом, то обнаружили, что стена между комнатами сдвинулась почти на метр, в потолке зияли трещины, а в наружной стене образовалась огромная трещина и перекосила оконный переплет. Дом был признан аварийным, и к концу года я получил ордер на новую квартиру в отдаленном спальном районе Чеканы. Однако переехали мы только в апреле следующего года, т.к. квартиру эту нужно было довести до ума. И я стал долбить, сверлить, клеить и все такое прочее. Библиотека моя уже была приличных размеров, и для ее перевозки понадобился большой грузовик. А до того я ходил по городским магазинам и клян-

чил картонные ящики, чтобы упаковать книги. В дороге один из этих ящичков выпал, и его подобрал один добрый нечитающий человек, который догнал нас на своей машине, чтобы его вернуть.

Конечно, список моих жилищ здесь представлен не полностью, но главные из них все же охвачены мною. Пора и честь знать.

Глава 27: Болячки и другие неприятности

В моем изношенном организме почти нет костей, которые я бы не ломал. Голову мне повредили еще в момент рождения, когда вытаскивали мою здоровую башку из маминого узкого таза. Заодно уж сломали нижнюю челюсть. Я помню как в отрочестве ходил более года с проволочным корсетом на зубах, но прикус при этом почти не выровнялся, а зубы я испортил на всю жизнь. Далее просто перечислю в хронологическом порядке остальные травмы.

Перелом ключицы (упал с брусьев), позже повторный перелом той же ключицы (хоккей на льду). Легкий перелом носа (бокс). Переломы лучевых костей в типичном месте дважды, причин не помню. Переломов ребер было несколько, последний раз когда я полез в пещеру для ее съемки. Собственно, там я и должен был погибнуть, т.к. падал на бетонный пол с 6-метровой высоты. Но по-счастью упал на правое плечо на край люка и сильно ушиб плечевой сустав, надорвал бицепс (с сильным внутренним кровотечением) и заодно сломал 3 ребра.

Дважды травмы позвоночника – первый раз при падении с 7-8-метрового обрыва на копчик, компрессия дисков в поясничной области. Второй раз нырнул с обрыва в озеро в Корнештах, а глуби-

на оказалась менее метра. Влетел головой в дно, на минуту с чем-то паралич дыхания и минут 5 не мог говорить. Итог – компрессия дисков в грудной области. Если бы меня не вытащили во-время, то просто утонул бы на мелковье.

Рваные раны левой руки, ожог лица 2-3 степени, 11 наложенных на руку швов, разрыв сухожилия. Это я сыпал из бутылочки в неполностью погашенный костер черный порох. Из леса до дома за мной тянулся кровавый след, но сознание я потерял только дома. Мама быстренько взяла старый капроновый чулок и обмакнув его в раствор марганцовки сняла с лица подгоревшую кожу, наложила какой-то крем. Зажило как на кошке. Только год я ходил с блестящим розовым лицом и еще у меня перестали расти ресницы и брови. Так и хожу безбровый. Ресницы чуть подросли, до до детских, девичьих, пушистых уже никогда не смогли дотянуться.

И лишь сейчас мне пришло в голову, что самые опасные для меня годы пришились на период с 12 до 14 лет, когда я учился в сельской школе, бродил по дорогам или жил в интернате. Две травмы позвоночника, перелом ключицы, перелом руки, ожог лица и рваные раны левой кисти, перелом но-

са. Все вписалось в эти 3 года. Странно, что жив остался.

И уже совсем недавно, в 2016 году я упал, поскользнувшись на ступеньках Каскадной лестницы любимого мною с детства парка Валя Морилор (бывший ЦПКО). Упал на левый тазобедренный сустав, держа в высоко поднятой руке фотоаппарат, он не пострадал. Я же получил сильнейшую контузию сустава и всего тазового пояса. Несколько недель провалялся трупиком, затем два месяца передвигался на костылях. Эту печальную историю я вам уже рассказывал.

Понимаю ваше недоумение, т.е. что я все еще жив. Я и сам этому дивлюсь. Но это я только про травмы говорил и даже не уверен, что все вспомнил. Далее – корь, эпидпаротит (свинка), дважды тяжелейший грипп, вирусный гепатит А, месяц в инфекционной б-це. На 2-м курсе открылась кровоточащая язва 12-перстной кишки, ждал операции, но обошлось консервативным лечением. В период офицерских сборов после 4-го курса в в/ч города Бельцы через неделю после прибытия (и после принятия присяги) заболел пневмонией. Месяц провалялся в гарнизоне лазарете, где меня лечили детскими дозами пенициллина. И тут я почувствовал реально, что дни мои сочтены, срочно позвонил жене (еще

первой) и она привезла мне современный антибиотик и жутко дефицитный тогда бисептол. С их помощью я таки выкарабкался и успел еще с месяцком прослужить, чтобы получить погоны младшего лейтенанта медслужбы. Но эта недолеченная пневмония и, как оказалось при обследовании, остатки бронходенита (детский туберкулез) стали меня сильно напрягать. Спасли две лечебные путевки в Институт климатологии и физиотерапии им Семашко в Ялте. В прошлом это был туберкулезный санаторий. Ниже ин-та метров на 50 располагался дом Софии Ротару, а институтский парк граничил с Никитским ботаническим садом. Эти лечебные путевки я получил по огромному благу, попав в список докторанта, нашей хорошей знакомой, которая под свою диссертацию получила 25 бесплатных путевок. Здесь я лечился дважды. И только движением, лечебными гимнастическими, сном на открытом воздухе (это в ноябре и декабре) и физиотерапевтическими процедурами. Если бы мне так не повезло, то никаких циклов я бы так и не написал, да и писать было бы не о чем.

Расскажу до кучи один забавный случай. Меня вызвали в военкомат для отправки на очередные военные сборы, я еще институт не окончил. Я рассказал про свои болячки, особенно легочные, и меня положили в военный госпиталь на обследование.

Должны были делать бронхоскопию, т.е. засунуть в меня металлическую трубку, чтобы познакомиться с моими легкими поближе. Здесь предусмотрена местная анестезия, во избежание бронхоспазмов. Не будь я студентом медиком, то там бы я кончил свои дни. А дело в анестетике – новокаин, диакаин или совкаин. Все новокаинового ряда, других соетская медицина тогда не имела. А у меня жуткая аллергия на новокаин. И я, узнав про анестезию, спросил чем будут снимать болевой синдром. Ответили – дикаином, ничего другого армия не имела. Я сказал об аллергии, они не поверили, но были вынуждены по инструкции сделать пробу на новокаиновый ряд. Внутрикожно на предплечье. Через минут 10 рука опухла до плеча. Все перепугались и от греха подальше выписали меня за непригодностью к службе в мирное время. А войны я так и не дождался.

Да, чуть не забыл. Однажды меня вызвали на 3-дневные сборы, мы должны были в том числе совершить прыжок с парашютом где-то под Белгород-Днестровским. Никакие возражения и доводы не помогли, в назначенный час нас посадили в автобусы и мы погнали вперед за приключениями в воздухе. Но в пути мне удалось найти общий язык с лейтенантом, который нас сопровождал и рассказать о ряде своих травм, в первую очередь позвоночных, и о возможных последствиях этого парашитного

прыжка. Он внял, но все же я пробыл в этом лагере положенные 3 дня, но за парашютами и самолетами наблюдал с матушки-земли. Пронесло.

И таки да, я еще жив.

Глава 28: Письма и прочая писанина

Моя страсть к писанному и, тем более, печатному слову ведет свое происхождение из раннего детства. Первые два слова, которые я вывел собственной рукой, были – ЛУНА и СОБАКА. Вот именно так, заглавными печатными буквами. Почему именно эти слова, я припомнить не в силах.

В дальнейшем, начиная с моих первых влюбленностей, я пристрастился к писанию писем. И написал их за свою жизнь несколько тысяч. В это число я не включаю письма электронные, иначе это число пришлось бы увеличить многократно. Больше всего писем я написал моей деревенской любви, девочке чуть младше меня, с которой мы встречались несколько лет, когда я возвращался в отчий дом на выходные или в каникулы. А потом ее семья внезапно уехала в далекую Мурманскую область, Оймяконский район и поселилась в поселке Кушка. Я не раз порывался съездить туда, но не мог себе этого позволить по чисто материальным соображениям. И я писал письма. Рукой, на бумаге, ручкой. Ответов от своей любимой я получил в несколько раз меньше, но это меня ничуть не смущало. Как и то, что ответные письма были в несколько раз короче моих. А потом я перестал получать ответы, а затем и писать письма по этому адресу.

Но моя письменная эпопея на этом не закончилась. Я писал письма нескольким друзьям, призванным в армию. Особенно одному из них, моему тезке. Этих писем тоже не одна сотня наберется. И здесь возникает вопрос – о чем мог я, еще безусый и безбородый пацан, или даже юноша, писать многостраничные послания. И я честно признаюсь – не знаю. И даже вспомнить не могу. Это больше похоже на какое-то наваждение, чем на сознательный акт. Просто во мне жила эта потребность к общению и еще попытка сохранить те тонкие и почти неуловимые связи, что порою возникают между людьми. Особенно между близкими тебе по тем или иным причинам. Причин этих, собственно, всего две – любовь и дружба. Но к этому я еще вернусь в одной из глав этого цикла.

В ранней юности я пытался вести дневник. Этих дневников было несколько, но ни один из них не прожил долго и ни один из них я не сохранил. А затем я и вовсе отказался от этой писанины, поняв, что это не мое – хроноскопировать и переносить на бумагу то, что прекрасно заменяла мне моя память. Тут, правда, нужно заметить, что память эта большая проказница и с годами, т.е. удаляясь от запомнившегося события, может тебя подвести, а то и просто обмануть. Но и о памяти я еще поговорю отдельно.

В зрелые годы, если таковые действительно были зрелыми, я занимался совсем другой писаниной. Медицинской. Будь я хирургом, то и говорить было бы не о чем. Но я был психиатром, а это совсем иная материя. И если инструмент хирурга – скальпель и зажим, то у психиатра это речь, память и способность к анализу. Не говоря уж о всяких там человеколюбивых чувствах. Но последние на бумагу не перенесешь, это для внутреннего потребления. Итак, я писал истории болезни. Анамнез или история жизни, анамнез болезни, психическое состояние, дифференциальный диагноз, диагноз, заключение. На каждого больного приходилось писать примерно от 5-6 до 10 страниц формата А4. А еще были анамнезы со слов близких родственников. Кроме этого, ежедневно нужно было писать дневники на каждого больного, однако по мере улучшения его состояния можно было позволить себе писать их раз в 3 дня. Но все равно за день набегало до 150 страниц текста. Рукой, на бумаге, ручкой. Что такое писчий спазм, я знаю не понаслышке. И должен сказать, не ради хвастовства, поверьте, что мои истории не раз ставились в пример другим врачам. Просто мне это было интересно и позволяло самому лучше понимать как больного, так и кое-что о человеке в целом, и даже о себе самом. И я до сих пор убежден, что мои больные научили меня куда большему, чем я их.

Все это еще доинтернетная эпоха, и все, что писалось тогда, касалось реальных, из плоти и крови, людей и твоих с ними контактов, связей, столкновений, притяжений, отталкиваний. Интернет и социальные сети полностью изменили картину мира общения. Электронные письма, затем т.н. мессенджеры, коим имя легион, лички, подмигивания, смайлики. И, как венец человеческого общения, СМС-ки. Тут вообще можно обходиться без слов. Но что я тут вам рассказываю, мои виртуальные друзья и читатели. Вы же и сами это знаете. Так что читать все описанное в этой главе имеет смысл лишь для тех, кто не застал эпоху бумажно-ручную. Кто письмо на 5 страниц нипочем не отстукает даже на клавиатуре. А уж представить, что его можно написать в прямом смысле этого слова – этого я даже представить себе не могу.

И последнее. Несмотря на эту неистребимую страсть ко всяческой писанине, я никогда не мечтал стать писателем. А если эта мысль вдруг закрадывалась в мою голову, то я гнал ее прочь без всяких сожалений. Для меня писатель – тот, кто создает иную, параллельную реальность. Чтобы быть писателем в том смысле, как я это понимаю, недостаточно уметь писать, помнить, вспоминать, создавать образы, характеры, оперировать метафорами и прочими атрибутами писательского мастерства. Нет, в

первую очередь нужно уметь заглянуть внутрь себя, а затем попытаться обобщить увиденное с тем, что наблюдаешь в самой жизни. И уметь это органично соединить, дофантазировать, довериться своей интуиции и творческому дару. А после всего еще иметь смелость выйти на публику и суметь принять любой ее приговор, но не подчиниться ему, а продолжать свое дело. А еще уметь писать тогда, когда ты лишен возможности выйти к читателю, когда то, что ты пишешь, может угрожать твоей жизни и благополучию близких тебе людей. И еще писатель, если он именно тот, за кого себя выдает, должен обладать мужеством, не бояться одиночества и непонимания. Я говорю о писателях, имея в виду моих самых любимых, самых проникательных, самых талантливых и честных. Мне повезло, что с детства я сумел выработать вкус, позволяющий выбирать именно таких писателей, а они, в свою очередь, прокладывали мне пути к другим творцам и их творениям. И еще я очень рано понял, что как бы много я ни читал, все равно не успею прочесть все из самого лучшего. Я читатель и таковым пребуду до конца.

Глава 29: Писатель – книга – читатель

Это уже третья глава о книгах в моей жизни, а если считать и главу о журналах, то четвертая. И касается она уже не просто любимых мною книг, но и их авторов, а также моего восприятия и книг, и авторов, их написавших.

Мое детское чтение вначале ограничивалось маминой этажеркой в 4 полки с примерно 50-70 книгами на них. Многие из них были гигантскими томами собраний сочинений известных авторов. Это были толстенные томища, которые начали выпускаться сразу после войны, и призваны они были утолить книжный голод советского человека. Я помню томы Короленко, Чехова, Бальзака, Пушкина, Толстого. Но были и другие книжки, вроде "Спартака" Джованьоли. Его я перечитывал неоднократно. Но больше всего мне полюбился Бальзак. Я просто упивался им, особенно его философскими повестями, ставя на первое место "Шагреновую кожу". В последующем я прочел все, что было написано Бальзаком и переведено на русский язык. То же самое касается Стендаля, Гессе или Кафки, которые вошли в мою жизнь намного позже. Потом папа стал приносить книги из школьной библиотеки, надо сказать, необыкновенно богатой для сельской школы. Это были сказки чуть ли не всех народов

мира, а также множество авторских книг. Бажов, Афанасьев и ряд других, которые я помню только по названию, например, о стране Терра-ферро или что-то в этом роде. Эти сказки нескольких десятков народов мира сыграли в моей жизни какую-то особую и трудноопределимую роль. Во всяком случае, я до сих пор люблю сказки и продолжаю оцифровывать сказочные книги. В том числе и чудом сохранившиеся в моей библиотеке английские народные сказки и итальянские сказки в пересказе Итало Кальвино. А еще я полюбил легенды и мифы разных народов. Книгу Куна "Легенды и мифы Древней Греции" я перечитал с десятков раз. А много позже прочел огромный том Грейвза на ту же тему. Но Кун мне понравился больше.

А теперь об авторах. Очень рано я стал задумываться о том, что же это за люди, которые пишут так полюбившиеся мне книги. Мне они казались какими-то гигантами, прозревающими время и расстояние, проникающими в тайники человеческой души и выдумывающими незабываемых героев. И я спрашивал себя – неужели все это можно просто выдумать, а не только подсмотреть, заметить, а затем обобщить и представить читателю как вполне реального человека. И уже в юности я стал усиленно читать не только книги любимых авторов, но и книги о самих авторах. Это были вначале их биогра-

фии, затем я подналег на мемуары современников, а чуть позже стал читать литературоведческие труды и литературную критику. Никто меня на это не науськивал, особенно школа с ее жестким катехизисом и ублюдочным разбором характеров героев литературных произведений и идеологических взглядов создавших их авторов. Так что единственным путеводителем в мире книг были сами книги и их авторы. Последние ведь тоже были читателями, имели свои пристрастия, которые не скрывали от своих читателей. И каждый новый автор порою открывал передо мной целые созвездия новых книг и новых авторов.

Фактически я пишу сейчас об одном самом длинном и увлекательном своем путешествии – в мир книг и их авторов. И вот еще очень важное дополнение к этому книжно-авторскому путешествию. Если книги я просто читал, то с их авторами я вступал в заочный диалог, а нередко и спор. Ведь они были моими собеседниками, и я действительно с ними общался, чему-то учась, но одновременно и споря или лучше сказать – сравнивая свое мнение с мнением этих корифеев, а иногда почти богов. Это, наверное, от вздорности характера или недостатка обычного общения, которое, как правило, не касается очень многих важных и крайне интересных ве-

щей. Но об общении я надеюсь написать целую главу, если не передумаю.

Мой книжный опыт чтения книг и книг об их авторах именно таков. И вот почему среди тех 700 с лишком оцифрованных мною книг примерно треть о книжных авторах. Это биографии, мемуары и литературно-критические труды. А иногда и книги скорее философские или исторические, когда речь идет об авторах, не писавших беллетристику. К чтению исторических и философских трудов я пришел именно вот таким странным путем.

Меньше всего я думаю о том, что мой опыт чтения может кому-либо пригодиться. И именно поэтому я даже не называю своих самых любимых авторов, кроме нескольких упомянутых в начале очерка. Каждый, кто пускается в подобное путешествие, должен пройти его самостоятельно и всему научиться сам. То же самое я отношу и к образованию, полагая, что нет иного, кроме самообразования. Разве что на самом раннем этапе неплохо иметь неназойливого советчика, который просто подсунет тебе вовремя хорошую книгу. А если у вас под рукой есть библиотека, то начните свое путешествие с рекогносцировки ее полок и стеллажей. Наверное, этот единственный совет, на который я решился, выглядит смешно, учитывая, что читают мои очерки поч-

ти одни мои ровесники, у которых за плечами свои тропки, свои маршруты и свои открытия. И именно поэтому я надеюсь на их снисхождение.

Глава 30: Общение

Это на текущий момент последняя глава моих мемуаризмов. Последняя не по номеру, а по факту написания. Сразу же признаюсь, что вся эта воспоминательная писанина здорово меня измотала. Душевно, морально и почти физически. Это пишу, чтобы дать вам понять – какое неблагоприятное дело извлекать из своей памяти всякие глупости и никому не нужные подробности. Считайте это моим вам предостережением.

В самом раннем моем детстве мое общение было очень ограниченным. Папа то на работе, то читает какую-то толстую книгу. Мама хлопотала по хозяйству, очень скудному и оттого требовавшему от нее героических усилий и изворотливости. Оставались деревенские пацаны и еще одна девочка, Лиза, с которой мы проводили где-нибудь под забором многие часы. Лиза почти не разговаривала, разве что бормотала что-то своей кукле. И еще помню, что Лиза не носила трусов. Тогда это меня ничуть не смущало.

С переездом в другое село, а потом и в третье, в плане общения ничего не изменилось. Но зато я научился читать и обрел-таки настоящих собеседников. Вот каким странным путем можно прикипеть

к чтению. Отсюда и мои заочные споры с авторами любимых книг. А настоящее общение началось с моего переезда в Кишинев и поступления в 1-й класс. К своим новым друзьям я притирался долго, было их, мягко говоря, не слишком много. И, что характерно, почти все они были из еврейских семей. Говорю об этом потому, что у каждого из них дома были семейные библиотеки, а благодаря нашей дружбе мне позволялось брать книги. Вот такая корыстная дружба.

Но было и несколько друзей, с которыми я проводил долгие часы, обычно в ЦПКО, ныне это парк Валя Морилор (Долина мельниц). Этот парк поистине моя детская площадка, и здесь я пропадал днями, а позже и ночами, назначая свидания почти позабытым ныне девушкам.

Но настоящее общение началось с того момента, как я стал собирать свою первую библиотеку. Куда ни кинь, всюду кли... т.е. книги. Дальше больше, и лет в 17-18 я вступил в первый в городе клуб книголюбов, и именно здесь началось то, что я называю общением. Неинтересных людей здесь отроду не было. Все читали, любой из членов клуба мог рассказать что-то интересное и, конечно, похвастаться приобретенным и даже прочитанным. Но были и другие книжники, которые наш клуб не жа-

ловали, это были натуральные книжные зубры. Навсегда мне запомнился мой первый и самый умудренный проводник в мир книг. Мы звали его просто Леня, но его настоящее имя было Алан О'Брайан, а в его паспорте было записано место его рождения – город Нью-Йорк, остров Манхэттен. Его родители, прихватив с собой и Алана-Леню, почему-то решили переехать из Америки в Советский Союз и таки переехали, когда Лене было лет 18. Было это сразу после окончания всемирной бойни, и еврей Леня с ирландским именем, записанным в американском паспорте, попал через пару лет на долгих 10 лет в лагерь, на лесоповал, по статье то ли за шпионаж, то ли за неблагонадежность. В лагерях с Леной случилась масса неприятностей, но он все же выжил. Был он, кстати, гомосексуалистом, но об этом я узнал случайно много позже, и меня этот факт ничуть не смутил, как не смущает и поныне. Помню, что лет 15 кряду я стригся у парикмахера-нетрадиционала и лучшего мастера своего дела за всю свою жизнь ни разу не встретил. Занесло меня чуть в сторону, беда с этой памятью.

Вернусь к Леониду О'Брайану, или Эйбрамсу, как было записано в его советском паспорте. Леня собирал только редкие книжки. Библиотека у него была не слишком большая, тысячи 3-4 книг. Жил он в старой однокомнатной квартире, но с высоким по-

толком, вместе со своей почти слепой мамой. Ей он по вечерам читал вслух. Леня просветил меня в отношении очень многих вещей, познакомил с массой до того совершенно мне неизвестных авторов. Например, с маркизом де Садом. Должен заметить, что маркиз мне не понравился и вовсе не из-за того, что писал о всяких чудовищных вещах, а потому, что был он плохим, монотонным и очень скучным писателем. Описанные им характеры были похожи на чучелки, а не на живых людей. О других редкостях лениной б-ки я говорить не буду. А вот о его коллекции Есенианы сказать должен. Это была одна из лучших, а может и лучшая, коллекция в Союзе. Она включала все прижизненные издания поэта, все воспоминания о нем, все гашенные к его юбилеям конверты и марки, а также всякие буклеты, прижизненные плакаты о его выступлениях, всякие значки, медальки, скульптуры и уж не помню что еще. После смерти Лени эта коллекция пропала, точнее, ее увез в Одессу старый, еще по лесоповалу, друг. Больше я о ней не слышал.

Но самая общительная пора моей жизни наступила с переездом в старую двухкомнатную квартиру в центре города, к тому времени я уже был повторно женат, и именно здесь родилась моя вторая дочка – Агата. Так вот, дверь этой квартиры порою не запиралась на ключ неделями. Особенно, когда

жена моя отправлялась на очередные гастроли с ансамблем "Жок". В большую комнату этой квартиры набивалось порою человек 30. Это были члены Клуба самодеятельной песни, актеры Народного театра "Данко", который располагался прямо в нашем дворе в помещении старой церкви, избранные члены клуба книголюбов и очень часто – приезжие гости. Или барды, или заезжие артисты, которых мы сначала приглашали в наш клуб с просьбой выступить или рассказать о себе, а затем некоторые из них попадали и в мою квартиру. Это был пир, а не просто общение, и эти несколько лет – одни из самых светлых в моей жизни. Но в 1986 году нас опять трухачило, и я получил новую квартиру в спальном районе, Тогда это было редкое захолустье, ныне же – самый быстрорастущий и развивающийся район города. Но с переездом кончились посиделки – как отрезало.

Следующий пик общения начался спустя почти 20 лет, когда я стал целеустремленно путешествовать по Молдове с собранной мною группой туристов. Но и это общение продлилось каких-то лет 5, а дальше пошли рабочие будни. Конечно, и в пору моего медицинского этапа жизни, и в период компьютерной деятельности мне приходилось общаться с многими людьми. Но профессиональное общение мною выводится за скобки того, что я понимаю под

общением от души. Без корысти, определенной цели, без навязанных кем-то тем. Ведь и собрание можно назвать формой общения, но я-то пишу совсем о другом. Лишь одна форма общения сопровождает меня всю мою жизнь – это общение с книгами и их авторами.

Очень многое мне дало общение с моими пациентами, вначале невротиками, а затем алкоголиками. Я не говорю здесь о моем влиянии на моих больных, т.е. о психотерапевтических беседах в группах или индивидуально. Но вот общение с женами мужей-алкоголиков требовало особого умения и напряжения. Иногда эти беседы длились до полутора часов. И если жена больного не выходила от меня в слезах, значит, я недоработал. Это очень трудный вид общения, когда за ограниченное время ты должен суметь расшатать годами и десятилетиями сложившийся стереотип. Не вдаваясь в подробности, скажу главное – жена должна была стать мне союзником в борьбе с болезнью мужа. Иначе шансы на стойкую и долгую ремиссию (о выздоровлении речь не шла) стремительно приближались к нулю. Но это лечебное общение вещь совершенно изматывающая, хотя полезная не только для твоего собеседника, но и для тебя самого. Поэтому я не устаю повторять, что мои больные (и их родственники) дали мне не меньше, чем я им. Ведь настоящее

общение всегда обогащает обе стороны, значительно меньше обогащает, если сторон этих больше. Живой пример – ООН.

Мне приходилось общаться с людьми из самых разных социальных, профессиональных и иных групп. Тут были хулиганы, бандиты, даже трое убийц, карточные шулера. Один из них даже пытался посвятить меня в тайны этой "профессии". Безуспешно, правда. А еще люди необычайно развитые как в интеллектуальном, так и в моральном плане. Я общался с людьми творческими, начиная с писателей, актеров, режиссеров, кончая музыкантами, танцорами, изобретателями, профессорами, академиками. И людьми деловыми, т.н. новой элитой, внезапно разбогатевшей и словно сорвавшейся с цепи. С последними общение уступало место чему-то другому, скорее всего изумлению и неприятию. Но в любом случае это общение чем-то меня обогащало, расширяло мое понимание, кто есть человек и кто есть я сам. А ведь есть еще один вид общения – с друзьями нашими меньшими. Мое общение с собаками с самого раннего детства достойно отдельного рассказа. Скажу лишь одно – ни одна собака, даже сидящая на цепи и, казалось бы, готовая тебя разорвать, ни разу меня не укусила. Я мог подойти к любой собаке и погладить ее. Конечно, бывали и исключения, но связаны они были всегда не с самой

собакой, а с ее хозяином. И должен вам сказать, что если бы мне вдруг выпала судьба оказаться на необитаемом острове, то я предпочел бы иметь рядом с собой собаку, а не человека. И вот почему я считаю общение одной из величайших человеческих ценностей. Ведь общение – это, в первую очередь, доверие. А без него человечество давно бы рухнуло, как карточный домик. Это основа всего того, что мы называем обществом, социумом, общностью, взаимопониманием и терпимостью к тем или иным слабостям или отличиям.

И самое последнее и, пожалуй, главное. Чтобы понять, кто ты таков, ты просто обязан общаться. Ведь все познается в сравнении. Единственным исключением из этого правила является общение с дураком. И здесь приходит на помощь выработанное с годами искусство держать дурака на дальних подступах, чтобы он сам избегал общения с тобой. Но своими маленькими секретам на этот счет я не склонен разбрасываться. На этом и закончу оду общению.

Глава 31: Синдром Плюшкина

Эта глава мною не планировалась и возникла совершенно случайно. Т.е. сижу я себе в кресле перед компьютером и озираюсь вокруг. А озираясь, начинаю задумываться. И мысли эти меня ошеломляют. Ведь вокруг меня столько всякого барахла, которое я собирал почти целую жизнь. Начиная с книг, музыкальных дисков. А еще коллекция *фильмов, хотя с этим я решил покончить. Есть интернет – качнул, просмотрел, стер. Разве что десяток-другой остаются на дисках, чтобы можно было пересмотреть под *настроение. Да, об ошеломлении. Все, что меня окружает, абсолютно никому не нужно, и я сочувствую тем, кто все это должен будет разгрести и донести до мусорки. И еще понял, что мне совсем не жалко всех этих вещей, для меня они свою роль уже сыграли, а понадобятся ли другим – какое мне до этого дело. Если бы нашлись желающие, то я прямо вот сейчас начал бы раздавать все это, за какими-то редкими исключениями. Имею в виду те книги, что запланированы к оцифровке.

Но начну-ка я с начала, с детства. Станция, на которой я проживал, со всех сторон окружена лесами. Они раскинулись по обе стороны долины маленькой речки, железной дороги и шоссе Кишинев-Унгены. А во время последней войны на этих леси-

стых склонах велись интенсивные бои во время Яско-Кишиневской операции. По правую сторону, если смотреть в направлении Унген, в лесах окопались немецкие войска, а по левую сторону советские. И мы с пацанами эту правую, немецкую часть леса все время прочесывали в поисках всяких раритетов. Тогда еще были видны окопы, огневые точки, траншеи, которые с годами осыпались, заросли травами и кустарниками, пока от них и следа не осталось. Мы же ковырялись в земле и чего только из нее не извлекали. Патроны, каски, подсумки, неразорвавшиеся снаряды и многое другое. Я же нашел как-то немецкую зажигалку очень оригинальной конструкции – в виде обнаженной дамочки, которая раздвигала ножки при нажатии на рычажок и из ее лона загорался огонек. Зажигалка, после того как я ее почистил и заправил бензинчиком, была рабочая. И вот таких зажигалок я насобирав несколько десятков. Это и была моя первая коллекция. Совершенно не помню, как я с нею расстался, на что выменял, просто остыл я к зажигалкам. И начал собирать спичечные этикетки, правда, недолго. А потом мама подарила мне два альбома с марками, которые она чудом сохранила в память об отце. Несколько тысяч марок, причем многие из них были большой редкостью. Например, там была марка Похороны Ленина с черной каемкой по периметру. Таких марок было выпущено очень мало, т.е. именно с каем-

кой. Тут были полные довоенные серии "Курорты СССР", "Советская авиация", или все 120 марок республики Тува, очень красивые марки. Но главное – серия полностью. И я начал собирать марки, ходил в клуб филателистов, кое-что почитывал о марках, менялся, дежурил у Главпочтамта в дни юбилейных гашений и все такое прочее.

А потом я случайно проговорился об этом соседу из соседнего двора, Мишке Пагису, который был старше меня лет на 5-6 и славился своей коллекцией марок. И я показал ему свою. И Мишка тут же возжелал купить всю эту коллекцию. И я, дурень, согласился. Тогда я даже не задумался о том, что расстаюсь с семейной реликвией, о чем до сих пор сожалею. А уж о том, за какие гроши я все это богатство продал, даже вспоминать не хочется. Мишка был парень ушлый и предложил оценивать марки по каталогу филателиста. И вот так мы и оценивали – 5 коп, 10 коп., 3 коп. и всего получилось что-то около 60 руб. В реальности эти марки уже в те 50-е-60-е годы стоили в сотни, а порою и в тысячи раз дороже. Это было известно Мишке, а мне неведомо. Но сожалею я все же не об упущенной выгоде, а о несохраненном наследстве. И этого я себе никогда не прощу.

И тут началась моя книжная эпопея, о которой я вам уже рассказывал. Правда, называть книголюбство просто собирательством у меня язык не поворачивается. Тут дело в некоторых нюансах. В советские времена книга была возведена на какой-то особый пьедестал, стала чем-то престижным, и я знал массу людей, которые имели доступ к редким книгам и демонстрировали свои коллекции с гордостью. Но книг при этом почти не читали. Отсюда и это сакральное – Книга – лучший подарок. И это действительно было именно так. Подари нужному человеку хорошую и редкую книгу, и твоя проблема решена. В это трудно поверить, но это факт. Я же книги читал, а не просто собирал. Вот они, вокруг меня со всех сторон и многие до сих пор смотрят на меня с укором за то, что я их еще не прочел. Но не буду больше о книжках. Лучше расскажу о грампластинках.

Началось это, когда мне было лет 30 и я обрел, наконец, собственное жилье. И я обзавелся аппаратурой и стал постоянным покупателем в магазине грампластинок. С ними было почти то же самое, что и с книгами. Все лучшее – из-под прилавка. И тем не менее, моя коллекция росла и превысила 2 тыс. экземпляров. Я окунулся в мир джаза, впервые стал слушать лучшие образцы мировой классической музыки, собрал все свои любимые рок-группы.

А еще великих бардов. Отдельный раздел состоял из авторского чтения своих текстов. Или чтение в исполнении великих мастеров устного рассказа. И только с появлением интернета это увлечение сошло на нет, и я без сожалений подарил эту коллекцию своей соседке, учительнице музыки. Вместе с очень приличной аппаратурой. А освободившееся место использовал для размещения новых книжек. Но и это безумие закончилось в начале 90-х, когда книги перестали поступать в Молдавию и перестали печататься в Кишиневе. И я вздохнул с облегчением.

Но это еще не все. По музыкальной коллекции я все же скучал и начал выкачивать музыку из интернета. Только в идеальном качестве и с проверенных сайтов. И вновь получилась огромная коллекция, на DVD-дисках, разбитая по разделам, авторам, жанрам. Этих дисков многие сотни, и я иногда слушаю эту музыку, но все реже. И дело в том, что хорошую музыку я не могу слушать в фоне, а должен на ней сосредоточиться, а именно этого позволить себе не могу – нет времени. Я продолжаю сканировать книги (а это трудоемкое занятие, отнимающее кучу времени), и таким образом возвращаюсь к самому главному своему увлечению – книгам. Теперь я как бы отдаю им долг, стремясь сохранить лучшее из собранного.

Немало лет я посвятил путешествиям и имею большую фотоколлекцию молдавских достопримечательностей. И здесь все разбито по темам, датам, регионам. Коллекционирование приучает тебя к систематизации, иначе все твои собрания превращаются в кучу хлама, где никогда не найдешь именно то, что ищешь. Сама же страсть к коллекционированию, на мой взгляд, все же пахнет безумием, но, с другой стороны, что-то в твоей жизни упорядочивает, создает видимость прочности, приучает хоть к какому-то порядку и даже открывает новые смыслы. Ведь даже безумие может принимать вполне благообразные формы.

Глава 32: Время и память: вместо эпилога

Это фактически заключительная глава моего цикла мемуаризмов, но после нее последует еще одна главка, названная мною Послесловием. Относительно же этой главы я должен признаться, что она для меня самая трудная и мучительная. В первую очередь потому, что касается не конкретно моих воспоминаний, а некоторых соображений относительно двух почти непостижимых вещей – памяти и времени. Думаю, что и вам будет нелегко прочесть эту писанину. Но я обязан это написать, чтобы прояснить в первую очередь для себя, а если повезет, то и для вас – что есть память, каковы наши взаимоотношения со временем и, наконец, откуда произрастает сама потребность помнить и затем вспоминать. Помолился бы перед началом, но не знаю, как и, главное, перед кем.

Начну с "простого", со времени. Это понятие – чисто человеческая выдумка, однако воспринимаемая многими людьми как нечто реально существующее и крайне важное для того, чтобы не заплутать в том пространстве, где мы появились, стали мыслить, помнить и затем навсегда выпасть из времени и пространства, чтобы возратить миро-

зданию все те "кирпичики", из которых слепила нас природа и ее главный подручный – эволюция живого на планете Земля. Однако в науке – в частности, в физике, космологии, а также математике отношение ко времени несколько иное. Особенно начиная с начала 20-го века, когда время было признано чем-то более реальным, чем просто домысел, и заняло подобающее ему место в физической картине мира в качестве еще одного измерения, наряду с теми тремя, что были задолго до этого известны. Но в моих рассуждениях последнее обстоятельство не имеет принципиального значения, и время выступает в чисто практическом, даже утилитарном качестве. Но при этом приобретает черты поистине трагические. Это я веду к тому, что время придумано именно для того, чтобы оттенить значимость наших усилий в осмыслении чего-то важного для всякого мыслящего существа. В таком своем качестве время оказывается поистине бесценным, ни с чем не сравнимым и не подлежащим инфляции. Дороже времени нет ничего именно в силу краткости самой жизни каждого из нас. Именно оно, или нечто в нас самих, остро чувствующее мгновенность нашего существования, подстегивает человека к деятельности, которая в данном контексте выступает как основа всего, на что способен человек.

Но кроме времени как чего-то целостного, всеобъемлющего и независимого от любых попыток его изменить, повернуть его вспять, ускорить или замедлить (я не касаюсь здесь временных эффектов релятивистской физики, где время не является абсолютным, протекает для разных наблюдателей по-разному, а на субсветовых скоростях меняет даже свой темп), существует и время, данное нам в наших ощущениях. И хотя человек лишен такого «временного» органа, но в наши гены встроены т.н. биологические часы. Но чувствуем все же не само время, а последствия его течения из прошлого в будущее. А т.к. мы живем в относительном покое, то и время воспринимаем как нечто абсолютное. Особенно те, кто умудряются превратить его в абсолютный покой. Это я так пошутил, извините. И если для отдельного человека это всегда лишь микроскопический отрезок от этой безразмерности, то для человечества оно выглядит более структурированным. Делится на геологические, палеонтологические, исторические эпохи. А еще на периоды, порою даже провалы, в которых время словно бы останавливается. А есть еще периодически повторяющиеся события. Есть времена былинные, мифологические, времена лихолетий или сплошных процветаний. Времена трагические, постыдные, героические... Вот и поверь в то, что время есть чистая фикция,

выдуманная кем-то для взыскания в срок долгов с должника.

А ведь я еще ни словечка не молвил о памяти, а уже заплел вам мозги, да и сам притомился. Но остановка смерти подобна, хотя это она и есть. Умер – значит жизнь твоя прекратилась.

Итак, память. Казалось бы, это нечто куда более осязаемое, чем это неуловимое время. И это действительно так, и возникает она как некий особый феномен задолго до появления человека со всеми его выкрутасами. Собственно, память есть фундаментальное свойство самой жизни. Современные биологи-эволюционисты даже говорят, что жизнь в своей основе есть передача наследственного кода. Т.е. особых материальных структур в организме любого живого существа, которые хранят память вида, рода, семейства и в меньшей степени индивидуальных наследственных признаков, которые каждая отдельная особь обязана передать своему потомству. Иначе вид этот просто исчезнет. Это, конечно же, гены, хранящиеся в таинственных хромосомах, которые в свою очередь находятся в ядре каждой из собственных клеток каждого организма. Слово "собственных" здесь употреблено потому, что минимум на две трети наш организм состоит из клеток других видов микроскопических созданий, называемых

микробами. У них свой код. А с нашим организмом они состоят в симбиотической связи – мы их кормим, предоставляем убежище, а они помогают нам выжить, не болеть и оказывают еще множество других услуг.

И эта наследственная память есть целый свод правил, содержащих ряд безусловных инструкций относительно всего, что поможет выжить, вырасти, принести потомство. Это нечто вроде инструкций компьютерной программы, которые бессловесные и даже безмозглые существа обязаны выполнять неуклонительно и буквально. У более развитых существ, обзаведшихся хотя бы крохотным мозгом, появляется и иной вид памяти, которая прирастает за время жизни животного в связи с его жизнедеятельностью. Здесь накапливаются иные инструкции, не столь безусловные, но очень помогающие все тому же выживанию. Но при этом по-прежнему все еще нет и проблеска того, что мы называем сознанием, мышлением, мыслью, не говоря уж о таких производных, как речь, письменность и многое другое.

И лишь на самой поздней стадии эволюции, в позвоночных из отряда приматов появляется еще более сложная память, которая теснейшим образом связана с феноменом разумности. Т.е. самосознани-

ем. И сознание, и память, связанная с ним,- самые молодые творения слепой эволюции. Этим феноменам вряд ли больше, чем 2-3 млн лет. Но все это еще времена доисторические. А человек исторический, т.е. мыслящий, запоминающий, помнящий и вспоминающий, а еще и делающий некоторые выводы из всего перечисленного, вообще младенец. Ему всего- то от роду тысяч 100 лет – может, чуть больше. Все, что мы знаем об этих славных временах нашего человеческого младенчества, мы узнаем через различные артефакты (орудия труда, оружие, наскальные рисунки, черепки посуды, культовые статуи и сооружения и многое другое). Но человеческую историю, основанную на сведениях, сохранных в памяти отдельных людей, ведем лишь со времен появления письменности, а ей точно не более 10 тыс лет. Но и получив от природы память, человек не сразу научился ею пользоваться, или использовать по назначению и себе на благо. Впрочем, это остается проблемой и по день сегодняшней.

А теперь о главном. Я не буду говорить о видах человеческой памяти, т.е. о долговременной, временной, а также о ее нейрофизиологических принципах функционирования. А скажу о другом. Мое стойкое убеждение, что именно память является основой нашей личности как чего-то цельного и индивидуального, не претерпевающего катастрофи-

ческих метаморфоз. Т.е. способность помнить обо всем, что ты пережил, чему был свидетелем, о чем думал, в чем принимал участие, и что из этого участия опять же сохранилось в твоей памяти. Естественно, без сознания и его постоянного сотрудничества с памятью помнить и вспоминать было бы невозможно. Ведь память не просто способность запоминать и хранить, но еще и вспоминать. И чем чаще ты обращаешься к своей памяти, тем лучше у тебя получается. Но все же нужно признать, что память отдельного человека не слишком надежный источник как в плане сохранения, так и в способе запоминания. Нейрофизиологи убеждены, что человек совершенно бессознательно запоминает все, что когда-либо зафиксировали его органы чувств. Но вот выудить эту бессознательную часть памяти бывает или очень трудно, или вовсе невозможно. Поэтому человек все же лучше помнит и вспоминает то, в чем участвовало его сознание и сильные чувства. Кроме этого, память носит ассоциативный характер, т.е. одно запомненное событие может ассоциироваться с чем-то, не имеющим к нему отношения. Запахи, звуки, мелодии, неожиданный испуг или иная эмоциональная реакция могут помочь извлечь из памяти искомое. Лучшее из всех об этом написал писатель-затворник Марсель Пруст, так и назвав свою эпопею из 7 романов – В поисках утраченного времени. Тут даже название гениально, ибо

говорит вроде бы не о памяти, а о времени, т.е. о том, с чего я начал этот безобразно длинный мемуаризм.

Это все сказано по поводу индивидуальной памяти отдельного человека. Но есть еще и память человечества. Она, в свою очередь, тоже носит фундаментальный характер, являясь основой человеческой цивилизации. И вся она состоит из мельчайших крупинок памяти индивидуальной, частной, порою ничтожной. Но иначе не построить этот гигантский ковчег, несущий человечество в будущее. Для меня лично одной из величайших трагедий в истории человечества является гибель Александрийской библиотеки, всех ее 150 тыс. уникальных манускриптов, многие из которых, если не большинство, не имели копий. А ведь в них было сосредоточена память о деяниях людей за несколько тысячелетий с момента, как возникла письменность. Лучшего друга, чем письменность, у памяти нет. Я не говорю о достоверности всего, что зафиксировала человеческая память в своих письменных свидетельствах. Этим занимаются историки, к которым я отношусь с особым уважением. Если они действительно Историки. И не меньшее почтение питаю к хранителям памяти – архивистам, хранителям архивов. Тут требуется особый талант и особая добросовестность. Я бы даже сравнил их с Атлантами, ко-

торые держат на свои согбленных плечах здание человеческой цивилизации.

Тут нужно сказать, что мемуары в строгом смысле не являются историческими документами, они один из видов сырья для историков. Недаром следователи говорят – врет, как свидетель. Поэтому любой мемуарист всегда помнит и излагает только часть правды о том, что видел, при чем присутствовал, что запомнил. И поэтому суды обычно требуют не менее двух очевидцев. Но и историки не беспристрастны, и поэтому любая история, любой страны, эпохи или даже всемирная пишется многими искусными, но не непогрешимыми людьми, называющими себя историками. А все из-за проказ нашей памяти и, в меньшей степени, нашей способности мыслить, измышлять, привирать и домысливать. *Esse homo.*

И последнее. Что остается после нас, имея в виду отдельного человека? Самый простой ответ – ничего, горсть праха. И все же мне кажется, что кое-что все же остается. Память. Или та, которую ты так или иначе раскрыл для других, или та, которую другие сохранили о тебе. И когда начинаешь что-то вспоминать, а потом еще имеешь наглость вываливать на обозрение, эта мыслишка тоже присутствует. Но ради этого писать и сохранять накопленное

не стоит. А вот подбить бабки, хоть в общих чертах попытаться понять, так ли ты жил, того ли сумел добиться, понял ли ты хоть малую толику из этого путешествия в один конец – это куда важнее. Даже если обнаружишь в конце этого монолога, что это не нужно никому. Лично для меня таким стимулом являются две мои дочери. Даже если они, прочтя все это, решат, что папаша у них был форменный псих. Но меня и это порадовало бы.

Перечитывая этот несуразный текст я обнаружил слово "вечное", и удалил его. Никакого отношения ни ко времени, ни к человеку, ни к чему-либо другому этот термин не может быть применен. Он чистая бессмыслица. Даже в применении к Вселенной или мирозданию оно неприменимо. И наука его не использует, разве что в качестве очень посредственной метафоры. Но зато используют всякие неучи, обманщики и плуты, навевая человечеству "сон золотой". Но говорить о них я не намерен, мне дорого отведенное мне время, а на другое было бы безумием уповать.

Послесловие к циклу

Пока я писал свои отрывочные и далеко не полные воспоминания, рассказывая об одном и умалчивая о многом другом, меня все время преследовала мысль о том, зачем мне лично это нужно. Частично я ответил на этот вопрос в последней главе о Времени и Памяти. Но все же так и не приблизился к ответу. Здесь же я постараюсь полностью уйти от реалий собственной жизни и чуть поразмышлять о том, что есть человек, что им движет и чем он так отличен от любого другого живого существа на этой маленькой планете, на которой нам довелось родиться и некоторое время пребывать.

Итак, что есть человек? В первую очередь мы скажем, что это его тело, вполне материальное, видимое, осязаемое, претерпевающее за время своей жизни ряд трансформаций. Тело это очень непрочное, подвержено множеству опасностей. Его легко повредить, изуродовать, даже лишиться некоторых его частей, но при этом оно все равно останется человеческим телом определенного человека. А можно взять два совершенно одинаковых тела, скажем, однояйцевых близнецов. На первый взгляд, они ничем друг от друга не отличаются. Но каждый из них знает, кто он, и никогда не спутает свое тело с братским (сестринским). Более того, с течением времени

эти близнецы могут стать очень непохожими друг на друга. Даже если сохранили внешнюю идентичность. И здесь мы сталкиваемся с самой большой загадкой человека.

В каждом из нас проживает чудовище. Но можно сказать и по-другому – в нас живет нечто таинственное, чудовищно сложное и почти непознаваемое. Вот я пишу эти строки, но кто их пишет на самом деле? Я или оно? Оно – это наш мозг, который формально является частью тела, но обычно как бы таится в тени. Попутно замечу, что ни один из органов тела не защищен так сильно множеством барьеров. Это и его костноеместилище, ряд особых оболочек, многочисленные иммунные механизмы, защищающие этот орган. И это чудовище необычайно прожорливо, поглощая в норме до 25% энергии организма, а во время интенсивной работы может покуситься и на половину. И это неспроста. Потому что каждый из нас – это его мозг. Он задает вопросы, он же на них отвечает, и он же всем в этом теле управляет. Он думает, запоминает, вспоминает и вообще делает все, что ему заблагорассудится. Но мы говорим – я решил, я запланировал, я хочу, я не могу, я влюбился, я намерен и т.п. и т.д. Так что можно сказать вполне определенно, что человек возник лишь с появлением в нем этого уникального органа. Хотя точнее будет сказать, что лишь когда

этот орган стал настолько сложным, что человек обрел самосознание, научился мыслить, членораздельно изъясняться, управлять своей памятью и заглядывать в будущее (или хотя бы грезить о нем), мы можем говорить о рождении человека, т.е. Homo sapiens. Хотя, как мне кажется, это самоназвание скорее аванс, выданный человеком самому себе. Весь опыт моей жизни, в том числе и профессиональной, т.е. психиатрической, говорит мне, что человек далеко не рациональное существо. Что большую часть своих мыслей, поступков, целых периодов своей жизни он не в силах объяснить себе и другим на рациональной основе. Наше повседневное поведение лишней раз доказывает, что мы живем не разумом, а некими автоматизмами, т.е. чуть усложненными рефлексами. Осложнены они социализацией человека. Человек, взятый сам по себе, в отрыве от его социальной, культурной и любой иной среды, несет в себе очень мало того, что мы называем человеческим. Общественное животное (термин не мой) – это ближе к истине. И все же не только животное. Ведь человек в составе человечества создал цивилизацию, культуру, искусство, науку, мифологию, философию, мораль, религии, речь и письменность и многое другое.

И при этом нельзя сказать, что каждый отдельный акт творения чего-то из этого далеко не

полного списка создало человечество. Нет, всегда отдельно взятый человек и его удивительный мозг. И из этих маленьких кирпичиков слагалось здание человеческой цивилизации. Это я веду к тому, что именно заложенный в каждом из нас творческий дух позволяет надеяться, что человек и человечество имеют будущее и что жизнь человечества может быть продлена на неограниченно долгое время. И что мечты о личном бессмертии ничто в сравнение с бессмертием общечеловеческим. И что каждый должен стремиться к тому, чтобы заложить в фундамент цивилизации свой маленький кирпичик. Мы часто говорим о нашем мире, что он лучший из миров. Это полная бессмыслица, ибо нам неизвестны никакие иные миры. Так что этот мир для каждого из нас – единственный. И я счастлив, что мне удалось его посетить. И я утешаю себя тем, что если я не могу сделать этот мир лучше, то возможность улучшить самого себя у меня никто отнять не может. А чтобы сравнить себя вчерашнего с сегодняшним, никак не обойтись без памяти. Вот что сам себе нашептал мне мой мозг. Надеюсь, что этот шепот не слишком заплел ваши мозги.